

Увиденное Рейнольдсом будущее — это абсолютный холод
и кромешная мгла межзвездного пространства,
где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

аластер рейнольдс

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

Аластер Рейнольдс открывает для нас яростный воображаемый космос —
тот самый, где раньше торили пути Филип К. Дик и Альфред ван Вогт.

Guardian

Пространство Откровения

Аластер Рейнольдс

Ковчег спасения

«Азбука-Аттикус»

2002

Рейнольдс А.

Ковчег спасения / А. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус»,
2002 — (Пространство Откровения)

ISBN 978-5-389-08537-4

Расширяя свои владения, покоряя все новые звезды, человечество разделилось на соперничающие фракции. В двадцать шестом веке коллективисты сочленители ведут борьбу со сторонниками «демократической анархии». Когда кажется, что победа уже близка, сочленители обнаруживают в космосе приближающийся рой древних мыслящих машин, которые называют себя ингибиторами и считают своей главной задачей уничтожение любого биологического разума. Сочленители не верят, что им удастся выдержать натиск этого нового врага, и намереваются сбежать, подставив все прочие человеческие племена под удар ингибиторов. Лишь один из них, старый воин Клавэйн, предпочитает остаться, чтобы организовать отчаянное сопротивление...

ISBN 978-5-389-08537-4

© Рейнольдс А., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

Пролог	6
Глава 1	20
Глава 2	28
Глава 3	37
Глава 4	45
Глава 5	48
Глава 6	60
Глава 7	71
Глава 8	85
Глава 9	94
Глава 10	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Аластер Рейнольдс

Ковчег спасения

© Д. Могилевцев, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Мертвый корабль казался красивым до неприличия.

Скади описывала вокруг него петли, двигаясь по спиральной псевдоорбите. Маневровые двигатели ритмично постукивали, краткими выбросами корректируя траекторию корвета.

За кормой кружился звездный пейзаж, солнце системы то ныряло, то всплывало снова с каждым оборотом спирали. Скади глядела на звезду чуть дольше, чем следовало, – и ощутила спазм в горле, предвестие тошноты.

Только этого не хватало.

Рассерженная Скади вообразила свой мозг – стеклянно отблескивающую трехмерную картину. Словно отделяя кожуру плода, сняла слои кортекса и неокортекса, части собственного «я», в данный момент ее не интересующие. Серебристое плетение имплантированной в мозг сети, структурно идентичной нейронной сети мозга, мерцало, отображая интенсивный обмен сигналами. Импульсы неслись от нейрона к нейрону со скоростью километр в секунду – десятикратно быстрее, чем по естественным нервам. Конечно, на самом деле Скади воспринимать движение сигналов не могла – это бы потребовало ускорить обработку информации мозгом, что, в свою очередь, потребовало бы ускорить перемещение сигналов. Тем не менее даже условная картина неплохо отображала относительную активность областей усовершенствованного мозга Скади.

Она сконцентрировалась на архаической, доставшейся людям от далеких предков области мозга, называющейся *area postrema* – средоточии нервных узлов, обеспечивающих нормальное положение тела в зависимости от воспринимаемого зрением окружения. Внутреннее ухо ощущало лишь постоянное ускорение корвета – а глаза воспринимали кружащийся мир. Архаичная нервная механика могла разрешить несоответствие одним-единственным образом. Она пришла к выводу, что Скади галлюцинирует. Галлюцинации, скорее всего, вызваны поступившим в организм ядом – потому *area postrema* и послала сигнал в область мозга, отвечающую за экстренное очищение желудка.

Скади понимала: бессмысленно винить мозг за такое действие. Заложенное в него предположение, что галлюцинации вызваны ядом, отлично работало миллионы лет, позволяя предкам находить новые виды пищи. Увы, сейчас, на холодном опасном краю чужой солнечной системы, оно оказалось бесполезным.

Можно было бы вообще стереть архаичную связь, переписать базовую структуру – но это, увы, куда труднее, чем кажется. Разум – структура чрезвычайно сложная, запутанная, похожая на многократно переписанную сверхмудреную компьютерную программу. Отключая центр, производящий эффект тошноты, неминуемо затронешь связанные с ним центры – а их много. Предсказать все изменения трудно. Но при временном отключении эффектами можно пренебречь. Скади проделывала подобное тысячи раз, побочные эффекты возникали крайне редко.

Так, готово. Источник неприятностей замерцал, высветившись розовым, затем пропал из сети. Тошнота исчезла. Теперь жить куда приятней.

Но осталась злость на собственную небрежность. Когда служила в командос и часто уходила на занятую врагом территорию, нипочем не оставляла на самый последний момент простейшую операцию по обузданию тошноты. Расслабилась – а это непростительно. В особенности сейчас, когда вернулся корабль, что для Материнского Гнезда может оказаться важнее событий на фронте.

Она почувствовала себя лучше. Ничего, старина Скади еще о-го-го. Стряхнуть пыль, размяться – и хоть сейчас в дело.

– Скади, ты же будешь предельно осторожна, правда? С этим кораблем случилось что-то очень странное.

Спокойный женский голос заполнил ее голову. Скади знала: слышит его лишь она, голос возник в ее сознании. Ответила про себя, лишь сформулировав мысль:

- Я знаю.
- Корабль опознан? Который из двух?
- Корабль Галианы.

Скади уже облетела корабль по кругу, и в ее визуальной коре возник трехмерный образ, расчерченный координатной сеткой. Образ мерцал, модифицируясь в соответствии с новыми данными, поступающими от анализа собранной информации.

- Корабль Галианы? Ты уверена?

– Три ушедших корабля отличались мелкими деталями. Наблюдаемое мною сейчас позволяет заключить: скорее всего, это именно корабль Галианы.

Как обычно, голос чуть помедлил с ответом.

– Мы пришли к такому же выводу. Но этот корабль видоизменился с тех пор, как покинул Материнское Гнездо.

- Да уж, видоизменился. И очень.

– Ведите обследование в направлении от носа к корме. Очевидны признаки значительных повреждений: разрезы, вмятины, части корпуса удалены и не замещены – словно иссечена воспаленная ткань. Как считаешь, это плавающая чума?

Скади покачала головой, вспоминая недавнюю поездку в Город Бездны.

- Я видела, что делает плавающая чума. То, что вижу сейчас, на нее не слишком похоже.

– Мы согласны, подобия нет. Тем не менее необходимо задействовать все меры карантина, предусмотренные для таких случаев. Наблюдаемое может оказаться столь же заразным. Пожалуйста, сосредоточьтесь на корме.

Голос совершенно не походил на голоса остальных сочленителей, которых знала Скади. Он звучал назидательно и педантично, словно говоривший уже знал ответ на задаваемый вопрос.

- Скади, что ты думаешь об упорядоченных структурах, внедрившихся в корпус?

На корпусе тут и там, разбросанные без видимого порядка, возвышались груды черных кубов различного размера и ориентации. Их вдавило в корпус, словно в мягкую глину. У многих торчали на поверхности лишь части. От погруженных отходили изящными фрактальными арками цепочки меньших кубов.

– Похоже, они пытались врезаться в корпус и отделить его часть. Судя по виду корабля, кое-где им это удалось.

– Согласны. Чем бы они ни были, относиться к ним следует с чрезвычайной осторожностью – даже если они сейчас и неактивны. Возможно, Галиане удалось остановить их распространение. Ее корабль сумел вернуться, хоть и прилетел на автопилоте. Скади, вы уверены в том, что на борту не осталось живых?

– Нет, и не буду уверена, пока не проведу полное обследование. Но шансы отыскать живых кажутся небольшими. Внутри не детектируется движение, нет областей повышенной температуры. Корабль слишком холоден, поддерживающие жизнь процессы внутри невозможны – разве только криоарифметические системы работают.

Скади замешкалась, запустив в своем мозгу в фоновом режиме дополнительные моделирующие процессы.

- Скади?

– Да, возможно, на борту есть небольшое количество выживших. Но большая часть команды, несомненно, всего лишь замороженные трупы. Допускаю, мы сумеем извлечь несколько воспоминаний, но и это представляется сомнительным.

- Скади, нас по-настоящему интересует лишь один труп.

– Я не знаю даже, на борту ли Галиана. Но если она там и мы направим все усилия на воскрешение... у нас может не получиться.

– Мы понимаем. Сейчас трудные времена. Но успех в этом деле даст многое, а последствия неудачи окажутся катастрофическими. Это будет даже хуже, чем если бы мы смирились с гибелью Галианы. По крайней мере, с точки зрения Материнского Гнезда.

– Таково взвешенное, официальное мнение Ночного совета?

– Все наши решения тщательно продуманы. Мы не можем допустить заведомую неудачу. Но это не значит, что мы намерены бездействовать. Если Галиана на борту, будет сделано все возможное для ее воскрешения – но с соблюдением секретности.

– Что вы имеете в виду под секретностью?

– Возвращение корабля невозможно скрыть от всего Материнского Гнезда. Но мы не станем питать ложные надежды, мучить ожиданием. Сообщим: Галиана мертва, шансов вернуть ее нет. Пусть горе наших людей будет кратким и ярким, словно взорвавшаяся звезда. Это лишь сплотит их, придаст сил в борьбе с врагом. Мы же тем временем тщательно, не жалея труда, поработаем над нею. Если сумеем оживить, это покажется чудом, и нам простят легкое отклонение от правды.

– Уклонение от правды? – Скади едва удержалась от смеха. – По мне, это обыкновенная ложь. И как же вы будете убеждать Клавэйна в целесообразности такого «уклонения»?

– Скади, отчего ты считаешь, что с Клавэйном неизбежны трудности?

Она ответила вопросом на вопрос:

– Вы намерены и ему не сказать всего?

– Скади, мы воюем. Не хочется утомлять тебя повторением старой мудрости о том, что на войне первой погибает правда. Но мы уверены: ты понимаешь суть. Клавэйн – важная часть нашего тактического арсенала. Его мышление уникально среди сочленителей, оно постоянно дает нам преимущество над врагом. Горе Клавэйна будет сильным, но кратким – как и у его соотечественников. Он преодолеет скорбь и станет прежним – когда нужда в его разуме будет особенно велика. Разве это правильно – заставлять его ждать и верить, а затем разбить надежду, подорвать дух?

Тон голоса изменился – возможно, для пущей убедительности.

– Скади, Клавэйн – эмоциональная личность, причем эмоциональнее любого из нас. По состоянию нервной системы он был старейшим из воинов, когда-либо присоединившихся к нам. Он мыслит по-старому, реагирует как человек прошлого, и об этом нельзя забывать. Клавэйн уязвим и нуждается в заботе – как хрупкий тепличный цветок.

– Но лгать ему о Галиане...

– Допустим, нам и не придется лгать. Мы забегаем вперед. Прежде всего нужно обследовать корабль. Может оказаться, что на нем и нет Галианы.

– Вот был бы подарок! – хмыкнула Скади. – Это означало бы: она где-то далеко, ее судьба неизвестна.

– Да. Но тогда встает вопрос: что же с третьим кораблем?

За девяносто пять лет, прошедших с начала эпидемии, сочленители достигли больших успехов в борьбе с инфекцией, многое узнали о вирусе. Они остались в числе немногих фракций, которые сохраняли существовавшие до эпидемии технологии и очень серьезно относились к карантину. В мирное время легче и проще всего было бы обследовать корабль на месте, дрейфующим на окраине системы. Но сейчас риск был слишком велик. Демархисты могли заметить активность, потому следовало замаскировать предмет исследований. Материнское Гнездо уже приготовилось принять зараженный корабль.

Но все-таки осторожность требовала провести предварительное обследование и подготовку, а это подразумевало работу в открытом пространстве. Прежде всего надо удалить двигатели. Роботы пережгут лазером балки, соединяющие их с коническим корпусом субсветового

звездолета. Сколь бы малой ни была вероятность взрыва двигателей, она оставалась ненулевой. А взрыв уничтожил бы Материнское Гнездо. Скади решила не допустить даже малейшей опасности. К тому же природа поразившего корабль бедствия неясна.

Скади приказала реактивным тягачам подтащить глыбы черного кометного льда к дрейфующему кораблю. Затем роботы покрыли корпус метровым слоем льда, закрепили и уплотнили его. С работой справились быстро, не соприкоснувшись ни единого раза с оболочкой. Изначально темный корабль стал чернее смолы.

Закончив с покрытием, Скади расставила тягачи вокруг корабля. Выброшенные на трогах якоря впились в ледяную оболочку. Поскольку она должна была принять все усилие буксировки, чтобы не расколоть его, тягачей пришлось использовать много, около тысячи, равномерно распределив их у поверхности. Когда все они заработали, картина вышла феерически красивая: тысяча искорок голубого пламени у черной остроконечной глыбы мертвого субсветовика.

Скади рассчитала столь точно, что обошлась лишь одним включением корректирующих двигателей для приближения к Материнскому Гнезду. И сделала она это в период существования «слепого пятна», не просматриваемого сканерами демархистов. Те полагали, что сочленителям о «слепых пятнах» неизвестно.

В Гнезде корабль поместили в пятикилометровый док со стенами, облицованными керамической броней. Док создали специально для обработки пораженных эпидемией кораблей, в нем мог поместиться субсветовик со срезанными двигателями. Толщина керамики достигала тридцати метров, машины в доке были иммунны к известным штаммам плавящей чумы. Когда корабль разместился внутри, док немедленно заперли и загерметизировали – вместе с поисковой командой. Ее Скади отбирала сама. Из дока поддерживалась лишь минимальная связь с внешним миром. Исследовательская группа оказалась практически в изоляции от миллиона сочленителей, живших в Гнезде. Потому в нее набирались те, кто мог работать в изоляции, то есть не всегда опытные и надежные специалисты. Но жаловаться не приходилось. Способность к автономной деятельности была среди сочленителей очень редкой, а Скади, та и вовсе представляла из себя уникум: она могла совершенно одна работать в глубоком вражеском тылу.

Когда корабль зафиксировали, в док накачали аргон, установив давление в две атмосферы. Ледяной щит осторожно испарили, оставили лишь тонкий слой, который сам растаял за шесть дней. Вокруг корабля стаям чаек сновали датчики, готовые поднять тревогу при первых же признаках враждебной субстанции в аргонной атмосфере. Но не заметили ничего необычного – лишь осколки корпуса.

Скади выжидала, приняв все мыслимые меры предосторожности. Не притрагивалась к кораблю до тех пор, пока это не стало неизбежным. Подковообразный сканирующий гравиметр жужжа порхал вокруг субсветовика, просматривая внутреннюю структуру, вглядываясь в мелкие детали. Большинство элементов мало отличалось от известных по чертежам. Но были и странные, явно чужеродные вкрапления: жгутики массы, причудливо изгибающиеся под обшивкой. Они напоминали пулевые каналы в теле либо треки, оставляемые элементарными частицами в пузырьковых камерах. А когда гравиполе приближалось к поверхности, там непременно оказывалась структура из притопленных черных кубов.

И хотя все данные указывали на отсутствие выживших, на корабле наличествовали места, где могли бы прятаться уцелевшие. Нейтринный радар и гамма-сканер позволили исследовать многие детали внутренней структуры – но не все. Кое-что очень важное осталось под вопросом. Потому Скади неохотно перешла к следующей стадии: физическому контакту. На корпусе в разных местах были закреплены молоты – и сотни микрофонов.

Молоты застучали о корпус. Какофония слышалась и сквозь скафандр – аргонная атмосфера неплохо проводила звук. Казалось, армия кузнецов старается в далекой кузне. Приборы записывали структуру отражаемых и проводимых корпусом звуковых волн. А один из старых

мозговых контуров Скади декодировал информацию, передаваемую с микрофонов, и конструировал трехмерную эхограмму корабля.

Скади видела ее в призрачных серо-зеленых тонах. Картина не противоречила известному прежде, но она добавила несколько важных штрихов. К сожалению, выяснить больше, не заходя внутрь корабля, было невозможно. А проникнуть туда оказалось нелегко. Все шлюзы были залиты изнутри расплавленным металлом.

Нервничая, Скади медленно прорезала их лазерами и гипералмазными сверлами. Поисковая команда работала осторожно – неизвестность здорово действовала на нервы.

Когда первый шлюз поддался, внутрь отправилась группа крабоподобных роботов, одетых в керамическую броню, снабженных лишь минимумом интеллекта, достаточным для выполнения задачи. Крабы транслировали видеоданные в мозг Скади.

Найденное ужаснуло.

Команду звездолета безжалостно истребили: одних разорвали на части, других расплющили, истерли в кашу, разрубили на множество частей. Сожгли, заморозили, удушили. При чем бойня явно тянулась долго.

Скади понемногу восстановила картину произошедшего: несколько жестоких схваток, отчаянные попытки запертых в тупике подороже продать свою жизнь. Люди держались в разных частях корабля, сооружали наспех баррикады. Сам корабль пытался изо всех сил помочь им, меняя внутренние перегородки, препятствуя продвижению врагов. Закачивал в отсеки охладитель, газ под высоким давлением. В заполненных отсеках обнаруживались странные, неуклюжие на вид машины – сочленения тысяч простейших геометрических фигур.

Напрашивалась очевидная версия. Кубы сперва прицепились к поверхности корабля Галианы. Там они росли и размножались, поглощая и усваивая оболочку – то есть действуя на манер плавающей чумы. Но ее инфекционные агенты были микроскопическими, крупные же черные кубы представляли собой структуры гораздо более грубые; они безжалостно поглощали жертву и превращали ее в себя. Чума, по крайней мере, отчасти сохраняла свойства зараженного, трансформируя его в химерическую смесь плоти и механики.

Как бы ни хотелось Скади признать черные кубы разновидностью эпидемии, они безусловно представляли собой нечто принципиально иное.

Кубы проникли внутрь корабля и соединились в боевые агрегаты, в солдат. Эти солдаты медленно распространялись от точек внедрения, убивая команду. Судя по останкам, боевые машины были угловатыми, нескладными, больше походили на осиный рой, чем на единое целое. Наверняка они могли, разделившись, протиснуться в мельчайшую щель, чтобы заново собраться по другую ее сторону. Тем не менее битва продолжалась долго. По оценке Скади, корабль сопротивлялся несколько дней. А может, и недель.

Она содрогнулась, представив, как это происходило.

Спустя день после вскрытия корпуса роботы обнаружили почти нетронутые человеческие тела – но головы обволакивала сплошная оболочка из кубов. Чужие машины казались бездействующими. Роботы удалили часть оболочки, и выяснилось, что черные выросты заходят глубоко в черепа через уши, ноздри и глазницы. Дальнейшие исследования показали: выросты делятся, ветвятся, превращаются в нити микроскопической толщины. Проникают глубоко в мозг, соединяются с сетью имплантатов, присущей всем сочленителям.

Но теперь и машины, и пораженные ими люди выглядели мертвыми.

Бортовой архив оказался тщательно стерт. Скади не удалось составить полную картину случившегося. Очевидно, Галиана встретила нечто враждебное – но почему кубы сразу не уничтожили корабль? Вместо этого они долго и мучительно пробивались внутрь. Похоже, хотели нанести кораблю как можно меньше повреждений.

Но ведь был и другой корабль. Что же случилось с ним?

– Скади, есть какие-нибудь соображения? – прозвучал голос.

– Есть. Но все они мне не слишком нравятся.

– Не кажется ли тебе, что кубы попросту хотели узнать как можно больше?

– Другого объяснения не вижу. Запускали датчики в мозг, исследовали архитектуру нервных связей, считывали данные. Изучали нас.

– Да. Мы согласны с этим. Они узнали о нас многое. Их необходимо рассматривать как угрозу, хотя нам неизвестно, где Галиана встретила их. Но тут видится и проблеск надежды.

Скади никакого проблеска не видела. Человечество веками искало чужой интеллект, явных разумных собратьев. Но до сих пор нашло только удивительные организмы, едва ли могущие считаться разумными по человеческим меркам: жонглеров образами и затворников. Да еще обнаружило археологические памятники восьми либо девяти мертвых культур. Но никогда не встречало развитую, использующую машины цивилизацию, то, с чем могло бы сравнить себя.

До сих пор не встречало.

И эта цивилизация, кажется, озабочена лишь тем, чтобы отслеживать, проникать и убивать, а затем вторгаться в мозг.

Не слишком-то перспективный первый контакт.

– Проблеск надежды? – удивленно спросила Скади. – Вы серьезно?

– Да, Скади. Ведь мы не знаем, успели кубы передать собранную информацию тем, кто их послал, или нет. В конце концов, корабль Галианы вернулся. Лишь она сама могла направить корабль домой, и едва ли она пошла бы на это, если бы видела опасность для нас. Думаю, Клавэйн гордился бы ею. Она всегда заботилась о нас, о Материнском Гнезде.

– Но ведь Галиана рисковала...

Голос Ночного совета оборвал резко и безапелляционно:

– Скади, корабль – это предупреждение. Так задумала Галиана – и так мы должны воспринять ее прилет.

– Предупреждение?

– Да. Нам необходимо подготовиться. Враги, убившие ее, живы и готовы напасть. Рано или поздно мы встретимся с ними.

– Вам как будто не терпится это сделать.

На это Ночной совет ничего не ответил.

Галиану отыскивали через неделю. Корабль был огромен, его внутренности сильно изменились – поиски шли медленно. Скади сама занималась этим вместе с другими бригадами исследователей. Работали в тяжелых керамических доспехах, надетых поверх скафандров. Несмотря на смазку, керамические сочленения делали движения крайне неуклюжими и неловкими, требующими тщательного расчета. Устав от нелепых рывков, от заклиниваний в крайне неудобных положениях, откуда приходилось выбираться с большим трудом, повторяя движения в обратном порядке, Скади торопливо составила алгоритм и поручила его исполнять группе не занятых ничем актуальным нейронов. Двигаться стало легче, хотя появилось неприятное ощущение призрачного двойника, управляющего телом. Скади отметила про себя, что нужно переписать программу, сделать так, чтобы все движения казались целиком добровольными, сколь бы фальшивым это ни было по сути.

К тому времени, как отыскалась Галиана, роботы уже полностью выполнили свою задачу: обеспечили безопасность большей части корабля. Покрыли эпоксидной смолой с гипералмазными волокнами останки чужих машин, взяли образцы ДНК у многих трупов в исследованных областях. Каждый образец идентифицировали по базе данных корабельных команд, сохраняемых в Материнском Гнезде со времени отбытия экспедиционного флота. Но отыскивали ДНК далеко не всех из списка команды.

Конечно, Скади этого ожидала. Когда первый корабль, несший на борту Клавэйна, вернулся, Материнское Гнездо узнало о принятом в глубине космоса, за десятки световых лет, решении разделиться. Часть экспедиции захотела вернуться домой, узнав о войне с демархистами. Также считали, что настало время передать Гнезду собранные данные. Их накопилось слишком много для безопасной пересылки.

Раздел экспедиции не был омрачен ссорой. Были сожаление и горечь – но не разобщенность, не враждебность. После длительного обсуждения – обычного для сочленителей способа поиска решений – раздел посчитали наиболее логичным вариантом. Это позволило продолжить работу экспедиции, надежно сохранив уже добытое. Но, хотя Скади и знала, кто остался на паре ушедших дальше кораблей, она не представляла себе последующих событий. Субсветовики, несомненно, обменивались членами команды. Но как это происходило? Да, вернулся тот самый корабль, на котором отбыла Галиана, но это не значит, что она оставалась на борту. Если ее здесь нет, разочарована будет не только Скади, но и все Материнское Гнездо. Галиана – символ, легенда. Ведь это она создала сочленителей четыреста лет назад, в одиннадцати световых годах отсюда, в паутине тоннелей-лабораторий под марсианской поверхностью. Потом отсутствовала почти два столетия – достаточно, чтобы ее фигура приобрела мистический ореол. Хотя, живя среди сочленителей, Галиана прилагала все усилия, чтобы не стать предметом культа. Вернулась же – если и вправду вернулась, – когда вахту несла Скади. Не важно, что Галиана, скорее всего, мертва, как и ее команда. Чтобы упрочить свое положение и престиж, Скади достаточно просто отыскать ее останки.

Но нашлись не останки.

Место упокоения Галианы – если такое название здесь уместно – находилось далеко от центра корабля. Она спряталась за массивными баррикадами, в удалении от команды. Тщательное криминалистическое обследование показало: каналы связи между убежищем и остальными системами субсветовика были разорваны изнутри, из убежища. Галиана, очевидно, пыталась изолировать свой разум от остальных сочленителей.

Скади задумалась: что это, самопожертвование или самосохранение за счет других?

Галиана пребывала в анабиозе, охлажденная до полной остановки метаболизма. Но черные машины все же достали ее. Проломились сквозь броню криокапсулы, набились в пространство между телом и стенками. После разборки контейнера выяснилось: кубики покрыли тело сплошной черной оболочкой, сделали похожим на мумию. Но под ней, несомненно, лежала Галиана – сканеры проанализировали строение скелета и пришли к однозначному выводу: кости принадлежат ей. Тело, похоже, не подверглось распаду во время долгого полета. Более того, датчики уловили активность нервных имплантатов. Хотя они были слишком слабы для поддержания связи с мозгом, не оставалось сомнений: то, что заключено в коконе, способно мыслить и общаться.

Внимание исследователей переключилось на кокон. Но химический анализ кубиков ничего не дал. Казалось, они ни из чего не состоят, не обнаруживают самомалейших признаков микроструктуры: ни молекул, ни атомов. Стены кубиков сформировало силовое поле, предназначенное для определенных видов излучения. Их поверхность очень холодна – в отличие от прочих чужеродных машин, найденных в звездолете, эти кубики еще функционируют. Но не сопротивляются попыткам обособить их от общей массы. Будучи отделенными, быстро сокращаются до микроскопических размеров.

Группа Скади пробовала сфокусировать сканеры на кубиках, пытаясь различить что-либо под поверхностью, но те уменьшались слишком быстро. На их месте оставались микрограммы дымящегося пепла, – вероятно, находившийся в центре кубика механизм был запрограммирован на самоуничтожение при определенных обстоятельствах.

Сняв большую часть черного слоя, бригада Скади перенесла Галиану в реанимационную палату, устроенную в нише стены. Работали при той же температуре, при которой хранилось тело, стараясь причинить минимум повреждений.

И вот наконец с чрезвычайной осторожностью и терпением они принялись отделять последний тонкий слой чужеродной машинерии.

Теперь, когда преград взгляду осталось гораздо меньше, стало понятно, что случилось с Галианой. Черные машины проникли и в ее голову – но куда аккуратнее и осторожнее, чем в головы других членов команды. Имплантаты подверглись частичному демонтажу – вторгшимся машинам требовалось место, – но все крупные структуры мозга остались нетронутыми. Скади подумалось: на предыдущих жертвах кубики лишь тренировались, учились проникать в человеческий мозг, а добравшись до Галианы, уже знали, как при вторжении не разрушить его.

Скади приободрилась. Черные структуры были четко локализованы и неактивны. Небольшая аккуратная операция – несложная, тривиальная даже, – и кубики будут вынуты, отделены один за другим.

– Это возможно! Мы сумеем вернуть ее!

– Осторожнее, Скади. Мы еще далеки от финала, дорога может оказаться трудной.

Увы, Ночной совет оказался прав.

Бригада Скади начала убирать оболочку с ног. Исследователи обрадовались, увидев, что живая ткань почти цела. Понемногу достигли шеи. Пришли к выводу: можно попробовать разогрев, возвращение к нормальной температуре тела – хотя процедура будет гораздо сложнее, чем выход из обычного анабиоза.

Но когда стали убирать кубики с лица, поняли: работа далека от завершения.

Внезапно черные машины задвигались, заскользили. Перекатываясь, вздымаясь отвратительными грязными волнами, остатки кокона устремились внутрь Галианы, словно ожившая нефтяная пленка. Черная жижа втекла в рот, ноздри, уши, глазницы, просочилась под глазные яблоки.

Галиана казалась блистательной королевой, возвратившейся к трону. Именно такой надеялась увидеть ее Скади, когда узнала о приближении субсветовика. Даже длинные черные волосы, пусть и хрупкие при сверхнизкой температуре, остались такими же, как и в час отлета. Но черные машины угнездились в мозгу, умножив уже присутствующие чужие структуры. Сканеры показали: оригинальная мозговая ткань сместилась незначительно, но большая часть имплантатов исчезла, чтобы дать место захватчикам. Черный паразит выглядел крабом, забравшимся в голову, запустившим клешни и членистые конечности в ткани мозга.

Очень постепенно, в течение многих дней, исследователи подняли температуру тела, оставив ее чуть ниже нормальной. Все это время они следили за активностью чужака, но ничего не регистрировали, даже когда оставшиеся имплантаты согрелись и начали взаимодействовать с размораживающейся мозговой тканью.

Скади позволила себе робкую надежду: может, еще и удастся вернуть Галиану?

Надежда эта почти оправдалась.

Она услышала голос. Человеческий. Женский. Станный. Лишенный особого тембра, а вернее, той особой бесцветности, божественного спокойствия, совершенства, какие отличают рожденный в сознании голос. Этот же явно возник в человеческом горле, прошел несколько метров по воздуху, был воспринят обычным человеческим ухом и декодирован – с множеством неточностей, с потерей тонких оттенков. Такого голоса Галиана не слышала очень давно.

– Здравствуйте, Галиана, – произнес голос.

«Где я?» – мысленно спросила она.

Ответа не последовало.

Спустя несколько секунд голос заметил:

– Вам тоже следует говорить вслух. Достаточно лишь сделать усилие – мы уловим импульсы, посланные к голосовым связкам. Но чисто мысленный ответ, боюсь, нам не уловить – между нашими разумами нет связи.

Еще несколько веков назад человечество открыло принцип прямой связи между сознаниями. Устная речь казалась Галиане чудовищно медленной и прямолинейной, хотя грамматика и синтаксис, конечно, были знакомы.

Она захотела озвучить вопрос и услышала, как ее усиленный аппаратурой голос спросил:

– Почему?

– Мы объясним это позже.

– Где я? Кто вы?

– Вы здоровы, и вам больше не угрожает опасность. Вы дома, в Материнском Гнезде. Мы нашли ваш корабль и оживили вас. Меня зовут Скади.

Вокруг смутно виднелись какие-то тени. Затем комната осветилась. Галиана лежала на спине, под небольшим углом к полу, внутри контейнера, похожего на криокапсулу, но без крышки. Кое-что видела периферийным зрением, но не могла пошевелиться, не могла даже сфокусировать взгляд. Размытый силуэт приблизился, обрел четкость. Человек склонился над контейнером.

– Скади? Я вас не помню...

– Вы и не можете. Я присоединилась уже после вашего отбытия.

На языке вертелись вопросы – тысячи важных вопросов. Но все их разом не задать при столь архаичном способе коммуникации. Однако надо с чего-то начать.

– Долго я отсутствовала?

– С точностью до месяца – ровно сто девяносто лет. Вы улетели в...

– Две тысячи четыреста пятнадцатом, – быстро ответила Галиана.

– Да. Сейчас две тысячи шестьсот пятый.

Многое Галиана помнила слабо, многое вспоминать не хотелось. Но основное представлялось ясно. Она повела тройку кораблей из Материнского Гнезда далеко за пределы освоенного людьми пространства с целью исследования новых, ранее не посещенных миров и поиска иного разума. Когда пришла весть о войне, один корабль повернул назад. Но два других еще долго странствовали, пройдя сквозь множество звездных систем.

Галиана, как ни пыталась, не могла вспомнить, что произошло со вторым кораблем. Она ощущала лишь резкий холод потери, мертвую пустоту в разуме, оставленную множеством вдруг умолкших голосов.

– А что с моей командой?

– Об этом потом, – ответила Скади.

– А Клавэйн и Фелка? Они сумели вернуться? Мы распрощались в глубоком космосе. Они прибыли в Материнское Гнездо?

Молчание было долгим и жутким.

Наконец Скади выговорила:

– Да, они вернулись.

Если бы могла, Галиана вздохнула бы. Радостное облегчение накатило волной. Лишь теперь она поняла, как сильно переживала за судьбы любимых.

Галиана счастливо и умиротворенно посмотрела на Скади. Во многом та выглядела в точности как сочленитель тех времен, когда стартовали корабли. Одета была просто: свободные черные брюки из мягкой ткани, свободный же, почти не приталенный черный жакет из напоминающего шелк материала. Ни энтоптики, ни признаков ранга. Сама бледная, худая до истощенности. Кожа гладкая, воскового оттенка, правильные черты. Лицо не отталкивающее, но и не привлекательное, лишенное выражения, кукольно-неживое. Впечатление усиливалось полным отсутствием волос на голове. Ни дать ни взять незавершенная кукла. Хотя в этом она

похожа на тысячи сочленителей. Трудно отличить обитателя Гнезда от других, когда нет связи с его разумом, когда он не окружен энтоптическими образами, придающими его облику индивидуальность.

Все же ничего подобного Галиана раньше не видела. На голове женщины возвышался гребень – узкое жесткое образование, начинающееся в дюйме от носа и тянущееся ровно посреди черепа до затылка. Острие гребня было узким – твердая кость, – но по бокам проходила сверху вниз череда тончайших полос, напоминающих жаберные щели. Свет дифрагировал на них, играя яркой синевой, полыхая оранжевым пламенем; все оттенки видимого спектра переливались при малейшем движении. Более того, радужные волны пробегали вдоль гребня и тогда, когда Скади не шевелилась.

– Вы такая от рождения? – спросила Галиана.

– Нет. – Скади осторожно притронулась к гребню. – Это модификация. Многое изменилось, пока вы отсутствовали. Вам, наверное, и не представить, насколько быстро думают лучшие из нас.

– Лучшие из вас?

– Согласна, это довольно двусмысленное выражение. Мы все равны. Но некоторые достигли пределов возможностей, предоставляемых человеческим организмом. Имплантаты в наших головах позволяют мыслить в десять–пятнадцать раз быстрее, чем это делает невооруженный человеческий мозг, – но они генерируют много тепла. Омывающая мой мозг кровь закачивается в гребень и распространяется по сети мелких сосудов в жабрах. Там она охлаждается. Гребень устроен так, чтобы обеспечивать как можно большую площадь жаберных складок. К тому же они вибрируют, обеспечивая циркуляцию воздуха. Как мне говорили, гребень эстетически приятен, но это лишь случайный побочный эффект. Для чего нужны подобные гребни, мы поняли, изучая динозавров. Эти существа были не так нелепы, как принято считать.

Скади снова погладила гребень:

– Галиана, пусть это вас не беспокоит. Изменилось далеко не все.

– Мы узнали о войне, когда удалились на пятнадцать световых лет, – сказала та. – Конечно, сперва была эпидемия... а затем война. Но вести казались бессмысленными. Война с нашими старыми союзниками, демархистами...

– Увы, эти вести правдивы.

– Господи, отчего такая война?

– Дело в эпидемии. Она уничтожила общество демархистов. Йеллоустон оказался в безвластии, прежняя система управления исчезла. Уцелевшие представители власти попросили нас заняться управлением Города Бездны и смежных поселений, создав подобие тайного правительства. Они считали: уж лучше мы, чем другие фракции. Представляете, что могли натворить, например, ультра либо угонщики? Новый порядок просуществовал без проблем несколько лет, но затем демархисты вновь набрались сил. Им перестало нравиться то, что мы теперь управляем системой, а вести переговоры о мирном возвращении власти они не захотели. И тогда началась война. Ее начали демархисты, с этим согласны все.

Скверные известия. Настроение Галианы померкло. До последнего надеялась, что известия преувеличивали серьезность проблем.

– Но, очевидно, мы выиграли?

– Нет. По сути, еще нет. Война продолжается.

– Продолжается? Но прошло уже...

– Пятьдесят четыре года. Да. Очень долго. Конечно, были официальные перемирия и фактические прекращения военных действий, но долго они не продлились. Прежние идеологические разногласия вскрылись, будто старые раны. В глубине души демархисты всегда не доверяли нам, а мы всегда рассматривали их как реакционеров, луддитов, не желающих принять следующую фазу человеческого совершенствования.

Галиана вдруг ощутила, впервые после пробуждения, странное болезненное давление в области глаз. С ним пришел ужас преследуемой добычи, ощутившей близость темных зловещих хищников. Этот страх вырвался из самых архаичных частей мозга.

«Это машины, – сказала память. – Как волки на запах, они пришли из межзвездной глубины на тепло ваших двигателей и взяли след... Галиана, ты называла их волками. Их... Нас».

Но странный момент ужаса, раздвоенности разума прошел.

– Но ведь мы так долго работали вместе и уживались, – сказала Галиана. – Возможно, мы снова сумеем объединиться, вспомним общее. Есть вещи гораздо более важные, чем нелепая тяжба за власть в одной звездной системе.

– Боюсь, теперь слишком поздно. – Скади покачала головой. – Слишком много смертей, предательств, зверств. Война распространилась и на другие системы, где есть демархисты и сочленители.

Она улыбнулась – но улыбка вышла натянутой, напряженной, будто лицо немедленно примет прежнее равнодушное выражение, лишь только расслабятся мускулы.

– Но положение дел далеко не так безнадежно, как вам, возможно, представилось. Мы выигрываем – медленно, но верно. Клавэйн вернулся двадцать два года назад и сразу начал действовать. До его прибытия мы лишь оборонялись, загоняли сами себя в ловушку. Действовали как типичный коллективный разум, – и оттого враг с легкостью предсказывал наши ходы. Клавэйн вывел нас из тупика шаблонных представлений.

Галиана попыталась изгнать память о межзвездных волках, вспоминая, как впервые повстречала Клавэйна. Это случилось на Марсе. Клавэйн воевал на стороне Коалиции за невральную чистоту, которая объединила противников экспериментов по усовершенствованию мозга и поставил целью полное уничтожение сочленителей. Никаких договоренностей и компромиссов он не признавал.

Но Клавэйн видел дальше и шире. Прежде всего, еще будучи пленником, он сумел объяснить Галиане, насколько жуткими ее эксперименты кажутся людям. Клавэйн делал это медленно и упорно, в течение нескольких месяцев. Позднее, когда его освободили и состоялись переговоры о перемирии, именно он попросил демархистов выступить посредниками, нейтральной третьей стороной. Те и сформулировали договор о перемирии, а Клавэйн сумел принудить Галиану к подписанию. Ход оказался гениальным, дав начало союзу между сочленителями и демархистами, продлившемуся столетия. А Коалиция за невральную чистоту вскоре канула в Лету, осталась лишь примечанием на странице учебника истории.

Сочленители продолжили эксперименты с усовершенствованием мозга. Им не противились, их даже всемерно приветствовали – при условии, конечно, отсутствия попыток навязать их другим культурам. Демархисты активно пользовались технологиями сочленителей и поставляли их другим фракциям.

Все были довольны.

В глубине души Галиана понимала: Скади права. Союз сочленителей и демархистов был непрочным. Рано или поздно неизбежно разразилась бы война. Ее обязательно спровоцировала бы трагедия, подобная эпидемии.

Но чтобы война продлилась чертovsky полвека с лишним? Клавэйн бы этого не потерпел. Не смирился бы с чудовищной и бессмысленной растратой труда и жизни. Несомненно, он бы либо отыскал способ выиграть быстро, одним ударом, либо принудил бы стороны к долговременному перемирию.

Странная мигренеподобная боль и пугающее ощущение чужого присутствия в мозгу усилились. Словно чужой смотрит сквозь твои глаза, распоряжается в голове, сделав тебя, прежнего хозяина, лишь жильцом.

«Мы приблизились к вашим кораблям неспешно и обстоятельно – древние хищники, чья раса не знала неудач и поражений. Вы ощутили наши разумы: блеклые, почти растворившиеся в холодной машинной логике, безликие, словно межзвездная пыль.

Вы ощутили наш голод».

– Но Клавэйн... – прошептала она.

– Что Клавэйн? – спросила Скади.

– Он бы нашел способ покончить с войной так либо иначе.

Скади отвернулась, гребень на ее голове показался тонкой линией. Когда посмотрела снова, лицо приобрело странное выражение, – похоже, Скади попыталась изобразить сочувствие.

А чужое в голове Галианы все настойчивей говорило о себе:

«Вы видели, как мы обволокли ваш первый корабль сплошным покровом черных машин: грызущих, проникающих, исследующих. Мы разломали корабль на части – и он взорвался. Вспышка отпечаталась розово на вашей ретине, словно огненный лебедь. Вы ощутили вскрик множества гибнущих разумов – будто тысячи гибнущих детей. Ваших детей.

Вы попытались убежать – но было слишком поздно.

Настигнув ваш корабль, мы действовали осторожней».

– Галиана, все не так просто, – сказала Скади.

– Что не просто?

– Я о Клавэйне.

– Вы сказали: он вернулся.

– Да. С Фелкой. Мне больно говорить об этом, но они погибли. – Слова падали медленно, тяжелые как вздохи. – Одиннадцать лет назад. Демархистам повезло. Атака на Гнездо, удачное попадание.

Рациональный, искренний ответ Галиана отыскала лишь один, и это было полное отрицание.

– Нет!!!

– Мне очень жаль. – Гребень Скади сверкнул ультрамарином. – Досадная случайность. Как бы я хотела, чтобы все обернулось по-другому. Клавэйн и Фелка были ценнейшими компонентами общества...

– Компонентами общества?

Скади уловила ярость Галианы и поспешила исправиться:

– Я хотела сказать, их очень любили. Галиана, мы глубоко скорбим о них. Все мы.

– Так покажите мне эту скорбь. Откройте разум, уберите заслоны. Я хочу видеть ваш разум!

Скади замерла, стоя у контейнера:

– Галиана, зачем?

– Не войдя в разум, я не смогу понять, правду вы говорите или лжете.

– Я не лгу, – тихо проговорила Скади. – Но я не могу открыть прямую связь между нашими разумами. Видите ли, в вашем мозгу находится кто-то посторонний. Незнакомый нам. Возможно, чуждый и, скорее всего, враждебный.

– Я не верю...

Но вдруг давление за глазами резко усилилось, и Галиана испытала отвратительное, унижительное чувство беспомощности: ее, хозяйку разума, бесцеремонно отпихнули, подавили, сунули в далекий угол, и осталось лишь бессильно наблюдать. Нечто невыразимо древнее и злое завладело мозгом, выглянуло наружу из глаз.

И она услышала собственный, звучащий против воли голос:

– Не меня ли вы имеете в виду?

Скади лишь чуть замешкалась. Галиана восхитилась крепостью ее нервов и силой духа.

– Возможно. И кто же вы?

– У меня нет имени, кроме данного мне ею.

– Ею? – спросила Скади насмешливо – но гребень мерцал бледной зеленью, выдавая страх.

– Галианой. Перед тем как я ею завладел, – ответила чуждая сущность. – Она назвала нас – то есть мой разум – волком. Разрушив первый корабль, мы догнали ее корабль и внедрили. Поначалу мы не понимали многого. Но, проникая в мозг, поглощая центральную нервную систему, мы узнавали многое. Читали мысли, выявляли способы коммуникации, определяли произошедшее с разумами.

Галиане хотелось кричать, но волк – именно такое название она дала захватившему разум существу – полностью овладел ее голосом.

Прежний кошмар вернулся.

– Почему вы не убили ее? – спросила Скади.

– Зачем убивать? – с насмешливым укором спросил волк. – Вам бы стоило другой вопрос задать: отчего Галиана не убила себя, прежде чем вошла в такое состояние? Знаете, она ведь могла. В ее власти было уничтожить весь корабль, просто пожелав того.

– И каков же ответ?

– После уничтожения всей ее команды мы пришли к соглашению: если позволим Галиане вернуться домой, она не убьет себя. Она понимала, что это значит: я вторгнусь в ее череп, просею память.

– Почему вы пощадили ее?

– Скади, она же ваша королева. Прочитав память команды, мы поняли: нам нужна именно Галиана.

Скади молчала. По гребню от носа к затылку медленно бежали аквамариновые, бирюзовые волны.

– Она бы никогда не подвергла Гнездо такому риску.

– Подвергла при условии, что мы ей позволим заблаговременно предупредить Гнездо. Как видите, взаимовыгодная сделка. Она дала нам время – и надежду – узнать больше.

Скади прикоснулась пальцем к верхней губе, потом выставила его перед собой, словно определяя направление ветра.

– Если вы и в самом деле намного превосходящий нас разум, узнавший наше местонахождение, вы бы уже могли истребить нас.

– Отлично, Скади. В определенном смысле – вы правы. Одно но: мы не знаем, куда Галиана нас привезла. То есть я знаю, но не могу сообщить остальным. Правда, это не имеет значения. Вы – освоившая межзвездные перелеты цивилизация, хотя и не все фракции человеческого сообщества на такое способны. Но для нас ваши различия несущественны. Из поглощенной памяти и той, где мы сейчас гнездимся, нам известно приблизительное расположение области пространства, где вы обитаете. Эта область расширяется, ее поверхность растет как квадрат ее поперечника. Соответственно, растет вероятность нашей встречи. Она произошла однажды, а значит, может произойти снова, в другом месте.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросила Скади.

– Чтобы напугать. Зачем еще?

Но Скади на такую несложную уловку не поддалась.

– Нет, полагаю, есть причина серьезнее. Вы хотите внушить мне, что можете быть полезным.

– И с чего бы мне это внушать? – игриво промурлыкал волк.

– С того, что я могу убить вас прямо сейчас, это проще простого. Галиана вернулась, предупреждение доставлено.

Если бы Галиана могла двигаться, хотя бы шевельнуть веком, немедля бы просигналила: «Да!» Она хотела умереть. Ради чего теперь жить? Клавэйн мертв. Фелка мертва. В этом она не сомневалась – равно как и в том, что никакие технические ухищрения нынешних сочленителей не уберут черную тварь у нее из головы.

Скади права: Галиана исполнила свой долг перед Материнским Гнездом. Теперь известно: волки приближаются, крадутся на запах теплой крови.

Более нет причины оставлять ее в живых. Несмотря на все меры предосторожности, волк способен высвободиться из ее головы и удрать. Конечно, Материнское Гнездо может получить новые сведения – к примеру, выяснить мотивы либо уязвимые места черного хищника, – но это не перевешивает риск его побега, непременно влекущего за собой катастрофу.

Все это Галиана хорошо понимала. Когда волк получил доступ к ее памяти, его собственные воспоминания стали просачиваться в ее рассудок – возможно, неслучайно. Нельзя исключать, что чужак допустил это сознательно. Его память оказалась бесформенной, едва облекаемой в слова. Но она рождала мысли о дящемся миллиарды лет геноциде, осуществляемом с хирургической точностью, о беспощадном выкашивании всего разумного. Память хищника сохранила с мертвенной бюрократической точностью множество актов истребления по всей Галактике. Каждый акт – всего лишь отдельная карточка в огромной пыльной картотеке. Иногда бывали хлопоты, лихорадочная деятельность – истребление начиналось позже предусмотренного срока. А иногда – очень редко – волки свирепо добивали разум, сумевший уцелеть после недостаточно тщательной зачистки.

Но Галиана не обнаружила ни единого воспоминания о неудачах.

С шокирующей внезапностью волк отступил, позволил говорить.

– Скади! – взмолилась она.

– Что такое?

– Пожалуйста, убей меня. Убей!

Глава 1

Антуанетта Бакс наблюдала, как робот-полицейский выбирается из шлюза. Машина – небольшой черный округлый корпус, членистые острые конечности. Скульптура из ножиц. И ужасно холодная, ведь она была пристыкована снаружи полицейского катера. Три катера догнали и взяли в клещи корабль. С робота испарялось рабочее вещество химических движков, едкая жижа цвета мочи, застывшая симпатичными разводами: спиральками, вихорьками.

– Отступите! – посоветовал робот. – Физический контакт не рекомендуется.

Испарения робота пахли мерзко. Антуанетта опустила визор шлема, когда машина просемила мимо.

– Не понимаю, что вы надеетесь отыскать, – сказала она, держась позади на безопасном расстоянии.

– Пока не найду, не узнаю, – ответил робот, уже определивший частоту интегрированной в ее скафандр рации.

– Эй, я контрабандой не занимаюсь! Мне покойницей стать не хочется.

– Они все так говорят.

– Ну кому придет охота тащить контрабанду в хоспис «Айдлвилд»? Там же сборище сдвинутых на религии нищенствующих фанатиков, а не притон контрабандистов.

– Так мы знаем, что такое притон контрабандистов?

– Я не говорила, что...

– Ладно, не важно. Мисс Бакс, сейчас военное время. Может случиться всякое.

Робот остановился, пошевелил суставами. С них посыпались куски желтой ледяной корки. Корпус – продолговатое черное яйцо с фланцами, многочисленными членистыми конечностями и оружием. Места для пилота нет, лишь для рации, обеспечивающей связь с пилотом. Тот находился в полицейском катере и представлял собой главным образом мозг, лишенный несущественных придатков и помещенный в контейнер жизнеобеспечения.

– Если хотите, свяжитесь с хосписом, проверьте, – предложила Антуанетта.

– Я уже справлялся там. Но в подобных ситуациях следует быть абсолютно уверенным, что нет подвоха. Вы согласны?

– Я соглашусь с чем угодно, лишь бы вы убрались с моего корабля.

– Хм. А почему вы так торопитесь?

– Потому что у меня на борту сля... пardon, пассажир в криогенном анабиозе. И я не хочу, чтобы он прямо тут и разморозился.

– Я очень хочу посмотреть на этого пассажира. Это возможно?

– А я могу отказаться?

Антуанетта подобного ожидала, а потому заранее облачилась в скафандр.

– Отлично. Больше минуты это не займет, и вы сможете спокойно лететь дальше. – Машина замолчала и спустя секунду добавила: – Конечно, если не будут выявлены нарушения.

– Сюда, – показала Антуанетта.

Она повозилась у контрольной панели возле люка, и открылся путь в главный грузовой трюм «Буревестника». Позволила роботу идти первым, решив говорить как можно меньше и проявлять еще меньше инициативы. Конечно, это не слишком-то доброжелательно по отношению к стражу закона, но если суетиться, стараясь угодить, возбудишь куда больше подозрений. Полицию Феррисвилльской конвенции население не очень любило, и та давно привыкла учитывать это в отношениях с гражданскими.

– Антуанетта, а ведь у вас приличный кораблик.

– Для вас я мисс Бакс. Не помню, чтобы мы переходили на «ты».

– Хорошо, мисс Бакс. Но это не отменяет справедливости моих слов. Ваш корабль, пусть он внешне непримечательный, весьма прочен, надежен и пригоден для дальней навигации. Такой корабль непременно заработает достаточно денег на вполне легальных торговых путях, даже и в наши беспокойные времена.

– Ну, так мне и причины нет заниматься контрабандой, согласитесь.

– Возможно. Но тем не менее передо мной встает вопрос: зачем упускать отличные деловые возможности, выполняя странное поручение хосписа? У них есть определенное влияние, но, насколько мне известно, деньгами они не сорят. – Машина снова приостановилась. – Признайтесь, тут налицо загадка. Обычно замороженных доставляют из хосписа, а не в него. И перемещать замороженное тело – не слишком-то рядовая процедура. Как правило, всех размораживают в «Айдлвилде».

– Мне платят не за вопросы, а за работу.

– А мне платят как раз за вопросы. Мы уже пришли?

Грузовой отсек не был герметизирован, потому заходить пришлось через внутренний шлюз. Антуанетта включила освещение. В огромном пространстве трюма находилась лишь трехмерная решетка для размещения грузов, теперь пустая. Начали пробираться сквозь хитросплетение. Робот двигался с проворством и сноровкой тарантула.

– А, так вы и в самом деле путешествуете с пустым трюмом! Здесь ни единого грузового контейнера.

– Это не преступление.

– Я и не говорил, что преступление. Однако это до крайности странно. Нищенствующие, должно быть, заплатили очень неплохие деньги, раз вы решились на такой рейс.

– Они поставили условия, не я.

– Да, дело мне кажется все более странным.

Антуанетта понимала: у полицейского есть веские причины для недоумения. Все знали, что в хосписе заботятся о «слякоти» – пассажирах, покинувших криокапсулы звездолетов. В хосписе «Айдлвилд» их размораживали, лечили от амнезии, реабилитировали. Орден ледяных нищенствующих ухаживал за пациентами, пока те не достигали состояния, позволяющего покинуть хоспис, или по крайней мере не приучались соблюдать необходимые нормы человеческого общежития. Некоторые, так и не восстановив память, оставались в хосписе, проходили обучение, служили братьями и сестрами ордена. Но для хосписа было весьма необычно принимать замороженного, прибывшего не на космическом корабле.

– Ну хорошо, я расскажу. – Антуанетта вздохнула. – Как мне сказали, произошла ошибка. При разгрузке перепутали документы. Моего клиента приняли за другого мерзляка. Того хоспис должен был лишь проверить, а потом отправить на разморозку в Город Бездны.

– Необычно, – изрек робот.

– Кажется, парню не нравилось путешествовать в космосе. Случилось полное дерьмо. Пока ошибку обнаружили, клиент был уже на полпути к Йеллоустону. Хоспис захотел все быстро исправить, пока дело не получило огласку. Для того-то меня и позвали. Я подобрала замороженного в Ржавом Поясе и теперь спешу в «Айдлвилд».

– Но к чему спешка? Если человек заморожен, то...

– Послушайте, эта криокапсула – чуть ли не музейный экспонат. Последние несколько дней с ее содержимым обращались, мягко говоря, неделикатно. К тому же семьи клиентов уже начали задавать трудные вопросы. Чем скорее замороженных обменяют, тем лучше.

– Я понимаю: нищенствующие хотят оставить все в тайне. Если история всплывет, их репутация первоклассных специалистов обязательно пострадает.

– Да, – подтвердила Антуанетта, позволив себе чуточку расслабиться.

И поборола опасное искушение снова позлить полицейского. Вместо этого миролюбиво произнесла:

– Теперь вы все знаете. Почему бы не отпустить меня? Вы ж не хотите испортить отношения с хосписом?

– Ни в коем случае! Но раз уж я здесь, было бы постыдным упущением не проверить пассажира.

– Да, постыдным, – уныло поддакнула она.

Они подошли к невзрачному матово-серебристому анабиозному устройству, лежавшему у задней стены отсека. Сверху имелось прямоугольное окошко, позволяющее заглянуть внутрь. Под тонированным стеклом, прикрытая отдельной стеклянной же крышкой, виднелась контрольная панель. На ней мигали, перемещались расплывчатые цветные огоньки.

– Не странно ли – держать ценный груз так далеко от входа?

– По мне – нисколько. Тут рядом нижний грузовой люк, так что капсулу быстро доставили сюда – и выгрузят столь же быстро.

– Да, логично. Вы не против, если я посмотрю как следует?

– Пожалуйста.

Робот встал в метре от криокапсулы, протянул оснащенные датчиками конечности, но притрагиваться не стал. Он соблюдал чрезвычайную осторожность, не желая причинить ни малейшего ущерба собственности хосписа либо содержимому контейнера.

– Говорите, этот человек недавно прибыл в «Айдлвилд»?

– Я не знаю ничего сверх того, что мне сообщил хоспис.

Полицейский робот задумчиво постучал конечностью по собственному корпусу:

– Странно. В последнее время большие корабли не прибывали. Теперь-то известие о войне достигло самых далеких систем. Йеллоустон – не та возжеленная цель, какой был раньше.

Антуанетта пожала плечами:

– Если сомневаетесь, переговорите с хосписом. Мне лишь известно, что им нужен клиент, и я его везу.

Робот вытянул манипулятор с чем-то похожим на видеокамеру, поднес к окошку.

– Да, это определенно мужчина, – заключил он таким тоном, словно сообщал важную новость. – И он находится в глубоком анабиозе. Вы позволите мне глянуть на панель управления поближе? Если возникнут проблемы, я без труда организую вам эскорт, вы в мгновение ока окажетесь в хосписе...

Не успела она ответить, придумать разумное возражение, а робот уже откинул тонированное стекло, склонился над панелью, уцепившись для устойчивости за балки грузовой решетки, и принялся методично сканировать дисплей.

Антуанетта похолодела. Показания индикаторов и дисплеев выглядели убедительно – но у любого, знакомого с криокапсулами, тут же родились бы подозрения. Параметры данных существенно отличались от свойственных обычным людям, находящимся в криогенной гибернации. А подозрения нетрудно подтвердить – вызвать несколько дополнительных показателей, обычно не отображающихся, и все станет ясно.

Робот, изучив показания, отодвинулся с удовлетворенным видом. Антуанетта опустила веки, ощутив тихую радость. Как оказалось, преждевременно. Робот снова придвинулся к контейнеру, вытянул тонкий манипулятор.

– Я бы на вашем месте не трогала это, – тихо предупредила она.

Робот проворно напечатал команду. Показания дисплея изменились, по экранам побежали корчащиеся ярко-голубые волновые пакеты, дрожащие гистограммы.

– Что-то не в порядке, – заметил робот.

– Что же?

– Похоже, человек в контейнере уже мертв...

Внезапно связь заполонил мощный басовитый голос:

– Юная леди, прошу прощения...

Антуанетта чертыхнулась вполголоса. Наказала же Зверю молчать, пока робот на борту. Но, возможно, это и к лучшему, что Зверь решил пренебречь запретом. Ситуация повернулась не лучшим образом.

– Зверь, в чем дело?

– Юная леди, входящее сообщение. Прямая трансляция. Источник – хоспис «Айдлвилд».

Робот отдернулся от капсулы:

– А говорили, вы одна на корабле! Кто это?

– Я одна. Это всего лишь субличность корабля, Зверь.

– Так велите ему заткнуться. А передача с хосписа адресована не вам. Это ответ на мой отправленный ранее запрос.

– Юная леди, как с передачей? – прогудел голос.

– Черт возьми, да проигрывай скорее!

Она улыбнулась. Робот снова отдернул манипуляторы.

Зверь транслировал передачу прямо на визор шлема, и Антуанетте казалось, будто нищенствующая стоит посреди грузового отсека. Несомненно, пилот робота также видел передачу, проходящую через полицейский катер.

Нищенствующая сестра была из новых стариц. Как всегда, на Антуанетту произвел неприятное впечатление вид по-настоящему старого человека. Сестра носила белый накрахмаленный плат и орденскую рясу с орнаментальными снежинками – эмблемами хосписа. Она стояла, сложив на груди руки – морщинистые, в сеточке вен.

– Прошу прощения за задержку с ответом. Вы же знаете, наша сеть работает нестабильно. Впрочем, перейдем к формальностям. Я сестра Амелия, и я хочу подтвердить, что тело... замороженный индивидуум... находящийся на попечении мисс Бакс, является временной и весьма ценной собственностью хосписа «Айдлвилд» и святого ордена ледяных нищенствующих. Мисс Бакс оказывает неоценимую помощь по его немедленному возвращению...

– Но это мертвое тело! – возразил полицейский.

– И ввиду того мы были бы чрезвычайно благодарны за минимально возможное вмешательство со стороны властей, – невозмутимо продолжала сестра. – Ранее мы неоднократно прибегали к услугам мисс Бакс и сейчас выражаем полное удовлетворение их качеством. – Сестра улыбнулась. – Полагаю, Феррисвилльская конвенция понимает необходимость сдержанности и непубличности в подобных делах. В конце концов, нам необходимо заботиться о репутации.

Изображение нищенствующей замерцало, затем исчезло.

Антуанетта пожала плечами:

– Видите? Я не лгала вам.

Робот направил на нее датчик:

– Здесь происходит что-то ненормальное. С медицинской точки зрения, в капсуле лежит мертвое тело.

– Я же говорила вам: капсула – музейная древность. Контрольная панель барахлит, только и всего. Было бы до крайности глупым везти мертвеца в криокапсуле, согласитесь.

– Я еще разберусь с этим, – пообещал робот.

– Отлично, разбирайтесь! Но, как я понимаю, на сегодня у вас все? Вы же слышали, что сказала милая женщина из ордена нищенствующих? «Мы были бы чрезвычайно благодарны за минимально возможное вмешательство со стороны властей». Кажется, именно так и выразилась. Очень важно и официально.

Она протянула руку и захлопнула стеклянную крышку над контрольной панелью.

– Не знаю, что тут к чему и в какие игры вы играете, но разберусь, – пообещал полицейский. – Уж в этом не сомневайтесь.

– Ну и чудесно. – Она улыбнулась. – Желаю успеха. А сейчас, пожалуйста, убирайтесь с моего корабля.

После ухода полиции Антуанетта держалась прежнего курса еще час, делая вид, что направляется в хоспис. Затем резко повернула – и скривилась, увидев, сколько на это потребовалось топлива. Еще через час покинула зону, на которую распространялась юрисдикция Феррисвилльской конвенции, оставила Йеллоустон и окружающее его кольцо анклавов. Полиция больше не пыталась ее остановить, но это и неудивительно. Слишком много потребуется топлива. Здесь чужая территория. И не просто чужая – зона боевых действий. Велика вероятность того, что преследующая непонятные цели Антуанетта Бакс скоро превратится в труп. К чему полиции суетиться зря?

На этой оптимистической ноте Антуанетта составила и отослала полное завуалированных намеков письмо хоспису. Благодарила за помощь и, как всегда делал отец в подобных обстоятельствах, обещала не оставить без ответа просьбу хосписа о помощи.

Вскоре от сестры Амелии пришел ответ: «Удачного и скорого перелета! Благослови тебя бог, Антуанетта! Джим гордился бы тобой».

«Надеюсь», – подумала Антуанетта.

Следующие десять дней прошли непримечательно. Корабль функционировал безупречно, даже не приставал с напоминаниями о мелких поломках, которые следовало бы устранить. Однажды на самом краю радарной досягаемости промелькнула пара теней – едва заметных, маскирующихся, подкрадывающихся. Баньши. На всякий случай подготовила оборонные системы, а потом заложила маневр уклонения от abordaja, продемонстрировав противнику, насколько тяжело будет пристыковаться к «Буревестнику». Обе тени исчезли – вероятно, отправились искать добычу полегче.

За исключением этого небольшого приключения, десяток дней Антуанетта скучала. Делать нечего, ешь да спи – а спать она старалась как можно меньше, чтобы только с ног не валиться от недосыпания. Сон приходил один и тот же, тревожный и пугающий: пауки выволакивали ее из подбитого горящего лайнера, дрейфующего между поселениями Ржавого Пояса, везли на свою базу в сердцевине кометы на краю системы. Там раскалывали череп, совали блестящие металлические приборы в дрожащий серый студень мозга. И вот, когда до превращения в паука всего ничего, когда память на пороге стирания, голова напичкана имплантатами, а разум вот-вот навсегда привяжется к коллективному сознанию пауков, являются зомби. Стая клиновидных штурмовых кораблей вламывается в комету, выстреливает вращающиеся, со спиральной нарезкой буры, которые плавают лед, прокладывают тоннели до самых логовищ пауков. Из кораблей высыпают доблестные воины в красной броне, несутся сумрачными тоннелями, истребляют пауков с поразительной точностью, приученные не тратить зря ни единой пули, дротика либо энергетической емкости. Симпатичный зомби-новобранец выносит Антуанетту из допросно-индоктринационной комнаты, применяет экстренные медицинские процедуры, чтобы очистить мозг от машин, чинит череп и наконец погружает ее в целебную кому на долгий срок путешествия в центр системы, в гражданский госпиталь. Когда Антуанетту замораживают, он сидит рядом, держа за руку.

И почти всякий раз во сне происходила одна и та же дрянь. Чертовы зомби заражали ее пропагандистским сном. Хотя Антуанетта принимала рекомендованные средства, толком прочистить мозги никак не удавалось. Впрочем, стараться не особо хотелось.

Когда же не снилась демархистская пропаганда, приходили грустные сны об отце.

Антуанетта знала: пропаганда демархистов подчас расходится с истиной. Но лишь в деталях. Никто не сомневался в том, что сочленители проделывают со своими несчастными пленниками. Но, конечно же, попасть в лапы к демархистам – тоже далеко не сахар.

Бои идут далеко отсюда, хотя формально «Буревестник» находится в зоне военных действий. Антуанетта специально выбрала маршрут в обход тех мест, где недавно бушевали сражения. Время от времени она замечала далекие вспышки – свидетельства чудовищных схваток в световых часах от «Буревестника». Но вспышки эти казались нереальными – лишь напоминания об окончившейся войне, не разрушавшие иллюзию мирного межпланетного рейса. Впрочем, воображаемое было не так уж далеко от реальности. Все независимые наблюдатели соглашались: конец войны не за горами. Зомби проигрывают на всех фронтах. А пауки с каждым месяцем напиваются все сильнее, продвигаются все ближе к Йеллоустону.

Но хотя исход войны ясен, она еще не закончилась, и риск оказаться ее случайной жертвой весьма велик. Тогда уж точно выяснишь, насколько правдив пропагандистский сон.

Антуанетта размышляла об этом, направляясь к Мандариновой Мечте – юпитероподобной планете, самой большой в системе Эпсилона Эридана. Приближалась с максимальным ускорением – три g . Двигатели «Буревестника» надрывались. Газовый гигант предстал впереди зловещей бледно-оранжевой громадой – раздутый, сулящий перегрузки. Вокруг гиганта висели охранные спутники, уже зафиксировавшие чужой корабль и засыпавшие предупредительными сообщениями, одно другого грознее.

– Это спорное пространство! Вы нарушаете...

– Юная леди, вы уверены? При всем уважении к вашим навигаторским талантам, не премину заметить: выбранная вами траектория для выхода на орбиту совершенно не годится.

Антуанетта скривилась – при трех g нормально улыбнуться трудно.

– Зверь, я знаю. У меня есть причина. Мы не выходим на орбиту, а погружаемся в атмосферу.

– В атмосферу?!

– Да.

Зверь мучительно думал; Антуанетта будто слышала, как ворочаются ржавые шестеренки, извлекая на свет забытые, не использовавшиеся десятилетиями программные процедуры.

Корабельный мозг, пристанище Зверя, лежал в охлажденном цилиндрическом контейнере размером примерно со шлем скафандра. Антуанетта видела его лишь дважды, когда в ходе капитального ремонта вместе с отцом перебирала аппаратуру в носу корабля. Облачившись в тяжелые перчатки, отец вынул контейнер из шахты. Оба смотрели на вместилище Зверя чуть ли не с благоговением.

– Я не ослышался, вы сказали «в атмосферу»? – переспросил Зверь.

– Знаю, это не слишком обычное дело для «Буревестника».

– Юная леди, вы абсолютно уверены?

Она вынула из нагрудного кармана клочок бумаги – овальный, с истрепанными краями, со сложным рисунком, выполненным сверкающими золотой и серебряной красками. Погладила, словно талисман.

– Да, Зверь, абсолютно. Я больше ни в чем так не уверена.

– Хорошо, юная леди.

Зверь понял, что попытки разубедить результата не дадут, и занялся приготовлениями к полету сквозь атмосферу.

Диаграммы на пульте показывали: внешние датчики, кронштейны и манипуляторы втягивались внутрь, люки и иллюминаторы закрывались, – надо было сделать корпус как можно более гладким. Процесс занял несколько минут. Но и после него «Буревестник» не вполне годился для атмосферных полетов. Конечно, некоторые узлы на внешних балках без проблем перенесут погружение в газовый гигант, но часть стыковочной аппаратуры, подвешенной на кронштейнах, трения об атмосферу не выдержит. Придется «Буревестнику» обходиться без нее.

– Слушай внимательно: где-то в подвалах твоей памяти должны храниться процедуры для полета в атмосфере. Папа мне рассказывал про них однажды, так что не делай вид, будто впервые слышишь.

– Постараюсь локализовать соответствующие подпрограммы как можно быстрее.

– Хорошо, – кивнула она, воодушевившись.

– Тем не менее хочется спросить: отчего об этих подпрограммах не упоминалось ранее?

– Если б ты знал, что у меня на уме, из кожи бы вылез, отговаривая.

– Вот оно как.

– Не изображай обиду, пожалуйста. Я всего лишь постаралась обойтись без лишних хлопот.

– Как пожелаете, юная леди. – Зверь выдержал паузу – чтобы Антуанетта осознала свою вину и устыдилась.

– Процедуры локализованы. Со всем уважением отмечаю: в последний раз их задействовали шестьдесят три года назад. С тех пор корпус претерпел ряд модификаций, что может ограничить эффективность применения...

– Отлично. Я уверена: ты сможешь импровизировать, если придется.

И все же окунуть предназначенный для межпланетного вакуума корабль, пусть и отлично бронированный и обтекаемый, нырнуть в атмосферу, пусть и в верхние слои оболочки газового гиганта, – дело непростое. В лучшем случае отделаешься тяжелыми повреждениями корпуса. Хорошо, если они не помешают добрести домой, в Ржавый Пояс. В худшем случае просто не вырвешься из атмосферы.

А с кораблем неизбежно погибнет и мисс Антуанетта Бакс.

Ну что ж, хоть одно тут утешение: если разобьется корабль, не придется рассказывать печальную новость Ксавьеру.

В общем, нет худа без добра.

Контрольная панель пискнула.

– Зверь, это именно то, о чем я подумала?

– Юная леди, это весьма вероятно. Радарный сигнал, восемнадцать тысяч километров, три градуса прямо по курсу, два градуса по эклиптике к галактическому северу.

– Вот же мать его! Это не маяк? Не орудийная платформа?

– Юная леди, объект слишком большой.

Тут уж особо задумываться не пришлось. Сигнал означал: между «Буревестником» и гигантом, на полпути к атмосфере, чужой корабль.

– Что можешь сказать о нем?

– Юная леди, он движется медленно, держит курс на атмосферу. Похоже, хочет исполнить тот же маневр, что и вы, хотя летит быстрее на несколько километров в секунду. Он войдет в атмосферу под гораздо более крутым углом.

– Похоже на корабль зомби? – быстро проговорила Антуанетта, стараясь убедить себя, что это кто угодно, только не зомби.

– Юная леди, тут гадать не приходится. Корабль сфокусировал передачу на нас. Протокол передачи демархистский.

– Да какого черта они вздумали фокусировать на нас?

– Со всем уважением, юная леди, – выясняйте сами.

Передача фокусированным пучком – ненужная роскошь, когда корабли так близко. Обычная радиопередача сработала бы не хуже. Кораблю зомби не пришлось бы нацеливать трансляционный лазер на движущийся «Буревестник».

– Сообщи о приеме, – приказала Антуанетта. – Можем мы сфокусироваться на них?

– Юная леди, для этого нужно заново выдвигать только что убранное.

– Так выдвигай... но не забудь потом снова убрать.

Она услышала шум – кронштейн с лазером снова выбрался наружу. Последовал скоротечный обмен протоколами, и вдруг перед Антуанеттой возникло женское лицо. Как ни странно, незнакомка выглядела даже более издерганной и утомленной, чем хозяйка «Буревестника».

– Здравствуйте, – сказала Антуанетта. – Вы меня тоже видите?

Женщина едва заметно кивнула. В ее глазах плескалась едва сдерживаемая, долго копившаяся ярость – точно напившаяся на дамбу вода.

– Да, я вижу вас!

– Я не ожидала никого тут встретить, – осторожно произнесла Антуанетта. – Но на всякий случай решила ответить по фокусированному лучу.

– Можно было и не беспокоиться!

– Не беспокоиться?

– После того, как нас высветил ваш радар!

Женщина посмотрела вниз, и ее бритый череп блеснул синевой. Она казалась ненамного старше Антуанетты, но о возрасте зомби очень трудно судить по внешности.

– А-а... Я сделала что-то не так?

– Да, потому что мы пытаемся спрятаться. Не знаю, зачем вы здесь, и, честно говоря, мне наплевать. Предлагаю отказаться от затеянного. Эта планета в спорном пространстве. А значит, я имею полное право разнести вас в клочья.

– Да у меня никаких проблем нет и не было с зом... пардон, с демархистами!

– Очень приятно слышать! А теперь разворачивайтесь.

Антуанетта снова посмотрела на овальный клочок бумаги, вынутый из нагрудного кармана. Рисунок на нем изображал космонавта в древнем скафандре, со складками гармошкой на месте суставов, поднявшего бутылку на уровень глаз. Воротник, где должен присоединяться шлем, был обозначен сверкающей серебряной полосой. Космонавт улыбался, глядя на бутылку. Там золотисто мерцала жидкость.

Антуанетта решила: не время поворачивать. Время твердо стоять на своем.

– Назад я не поверну. Но обещаю ничего не украсть с планеты. Не собираюсь приближаться к вашим обогатительным фабрикам и прочему в том же роде. Я даже люки не раскрою. Нырну и вынырну, только и всего.

– Прекрасно. Я очень рада это слышать. Проблема в том, что обещать нужно не мне.

– Не вам?

– Нет, конечно. – Женщина ободряюще улыбнулась. – Кораблю за вашей спиной, который вы, похоже, еще не заметили.

– За спиной?

Женщина кивнула:

– У вас пауки на хвосте.

Вот тогда Антуанетта поняла: пришла настоящая беда.

Глава 2

Сигнал тревоги застиг Скади втиснувшейся между двумя округлыми черными глыбами машин. Датчик зарегистрировал изменение позиции корабля, переход в состояние максимальной готовности к отражению атаки. Едва ли можно назвать это фундаментальной проблемой, но она требовала немедленного внимания.

Скади отсоединила компад, оптоволоконные кабели-выходы скользнули внутрь прибора. Прижала ровную пластину гаджета к животу – и та немедленно зафиксировалась, сцепилась с усиленной, подбитой смягчающим слоем тканью черного платья. Коммуникатор немедленно принялся транслировать собранные данные, записывать в долговременную память Скади.

Она ползла в узком проходе между машинами, изгибаясь, ввинчиваясь в теснейшие проходы. Через двадцать метров достигла выходного люка, небольшого круглого отверстия в стене. Близ него сосредоточилась в полной неподвижности – даже цветные переливы на гребне прекратились. Сеть имплантатов в мозгу не зарегистрировала ни одного сочленителя в радиусе пятидесяти метров и подтвердила: все наблюдательные системы в коридоре не заметят появления Скади.

Но все равно она двигалась с чрезвычайной осторожностью, осматривалась – словно кошка, обследующая незнакомую территорию.

Вблизи никого не оказалось.

Вот она миновала отверстие в стене, затем мысленно приказала – и проем исчез без следа. Только Скади знала, где находятся входные люки, и открывались они только перед ней. Кла-вэйн, даже если бы заметил присутствие скрытых машин, не сумел бы отыскать путь к ним. А применил он грубую силу, чтобы проломиться, – машины самоуничтожились бы.

Пока еще корабль находился в свободном падении. Должно быть, приближался к преследуемому вражескому судну. Отсутствие веса было на руку Скади. Она прыгала по коридору, отталкиваясь в нужных местах всеми четырьмя конечностями. Двигалась экономно и точно – словно распоряжаясь силой тяжести по собственному усмотрению.

– Скади, доложите обстановку.

Послания от Ночного совета всегда приходили неожиданно. Скади, давно к этому привыкнув, не пугалась и не терялась.

– Ничего экстраординарного. Мы задействовали лишь немногие способности этих машин. Пока все в порядке.

– Хорошо. Конечно, следует провести расширенное тестирование.

Скади ощутила прилив раздражения.

– Я уже говорила вам: сейчас присутствие нашей аппаратуры может быть обнаружено только путем тщательных измерений. А это позволяет нам тестировать под прикрытием обычных военных операций.

Скади подлетела к развилке, оттолкнулась, понеслась к рубке. Заставила себя успокоиться, отрегулировала телесную химию.

– Я согласна: прежде чем приступить к оснащению флота, нужно провести более обширные и тщательные испытания. Но это означает риск разглашения. Многие смогут узнать о нашем технологическом прорыве. И не только в Материнском Гнезде.

– Разумное возражение. И не стоит напоминать нам о риске разглашения лишний раз. Мы просто констатируем факт. Каким бы ни был риск, испытания необходимы. И провести их нужно как можно скорее.

Скади проплыла мимо сочленителя. На ходу заглянула в его мозг, окинула взглядом поверхностную мешанину недавних впечатлений и эмоций. Ничего интересного либо полезного для операции. Под мутной поверхностью лежали слои памяти, мнемонические структуры,

погруженные в опалесцирующий сумрак, словно огромные затонувшие обелиски. Все открыто – просеивай, изучай. И снова ничего интересного. На самом дне она обнаружила пару интимных воспоминаний. Сочленитель думал, что Скади не сумеет их прочесть. Подмывало перестроить поставленную сочленителем блокаду, завладеть парой дорогих воспоминаний, спрятать их от хозяина. Но Скади справилась с искушением. Достаточно знать, что она способна на такое.

Мужчина послал в ее мозг запрос – и поспешно отпрянул, встретив яростное отрицание доступа. Бедняга интересовался: почему на борту находится член Узкого совета?

Забавно. Этот типчик знал о существовании Узкого совета и, наверное, догадывался о сверхсекретной главенствующей группе в совете, о Внутреннем святилище. Но он наверняка не подозревал о существовании Ночного совета.

Встречный остался за спиной. После мимолетного контакта оба отправились по своим делам.

– Скади, вы сомневаетесь?

– Конечно сомневаюсь! Мы играем с огнем, способным пожрать нас всех! Я бы не спешила в него бросаться.

– Скади, волки ждать не станут.

Она разозлилась. Зачем напоминать о том, что и так не оставляет ни днем ни ночью? Страх может подстегнуть и добавить энтузиазма, но всему есть предел. Как говорится, манхэттенский проект не за день строился. Или это говорилось про Рим? В любом случае что-то связанное со старушкой Землей.

– Я про них не забыла!

– Отлично, Скади. И мы тоже. И мы очень сомневаемся, что волки забыли о нас.

Она почувствовала, что Ночной совет отключился, ушел в крошечный, не поддающийся обнаружению участок мозга – ждать до следующего контакта.

Скади явилась в рубку «Паслена», ощущая, что гребень пульсирует яркими переливами алого и розового.

Рубка – круглая комната без окон в самом центре корабля – была просторна, свободно вмещала пять-шесть сочленителей. Но сейчас там находились лишь Клавэйн и Ремонтуар – как и в тот момент, когда Скади уходила отсюда. Оба покоились, закрыв глаза и сложив на груди руки, в амортизационных гамаках посреди сферы, погруженные в поток данных с корабельных систем. Выглядели они до смешного умиротворенными.

Скади подождала, пока рубка выбросит сеть гибких контактов, сплетет защитный гамак для новой гостии. Лениво прощупала разумы коллег. Мозг Ремонтуара был открытой книгой, даже барьеры на пути к информации, полученной от Узкого совета, казались опознавательными метками, а не глухими стенами. Его разум был словно город из стекла, тут и там тонированного, но всегда прозрачного. Одним из первых ухищрений, каким научил Ночной совет, был способ проходить сквозь барьеры членов Высшего совета. Когда Скади присоединилась к нему сама, умение очень пригодилось. Не все члены Узкого совета имели доступ к тайнам – в конце концов, существовало еще и Внутреннее святилище. Но от Скади не укрывалось ничто.

Однако разум Клавэйна оказался на удивление непрозрачным. Это злило ее, восхищало, будоражило и наполняло отвращением. Его нервные имплантаты были намного старше, чем у любого другого сочленителя. Клавэйн не позволял усовершенствовать свою нервную сеть. Немалая часть его мозга вовсе не была охвачена сетью, нервные связи оставались редкими, распределенными неэффективно. Конечно, поисковые алгоритмы Скади могли извлечь данные из тех элементов, которые входили в сеть имплантатов, – но и это на деле оказывалось непросто. Поиск в мозгу Клавэйна – все равно что раскопки в библиотеке, побывавшей в эпицентре смерча. Пока отыщешь нужное, оно безнадежно устареет.

Тем не менее Скади сумела узнать многое. С возвращения Галианы прошло уже десять лет, но Клавэйн все еще не обнаружил правды о случившемся.

Это если верить результатам чтения его разума.

Как и все в Материнском Гнезде, он знал: в глубинах космоса корабль Галианы повстречался с враждебным чуждым разумом, с машинами, которых люди прозвали волками. Они проникли на корабль, сумели прочесть, уничтожив притом разумы людей. Галиану пощадили, ее тело сохранилось – но в мозгу осталась внедренная волками структура.

Чего Клавэйн не знал и даже не подозревал до сих пор, так это того, что Галиана пришла в сознание и пребывала в здравом уме и твердой памяти, пока ее рассудком не овладел волк, заговоривший ее устами. В себя Галиана приходила не раз.

Скади вспомнила, как сказала праматери всех сочленителей, что Клавэйн и Фелка мертвы. Решиться на ложь было непросто. Как и все сочленители, Скади глядела на Галиану с благоговейным трепетом. Эта женщина породила сочленителей и многие годы возглавляла их. Однако Ночной совет напомнил: долг по отношению к Материнскому Гнезду важнее чувства благодарности к Галиане. Долг же перед Гнездом заключался в том, чтобы максимально использовать периоды умственной ясности Галианы и узнать как можно больше о волках. А значит, не следовало тревожить Галиану сверх необходимого. Хотя ложь далась нелегко и стала причиной стресса, Ночной совет заверил: с течением времени все обернется к лучшему.

Постепенно Скади поняла суть: ведь лгала-то на самом деле она не Галиане, но лишь ее тени, призраку былого величия. А одна ложь естественным образом влекла другую, и потому Клавэйн и Фелка так и не узнали о разговорах с праматерью.

Скади прекратила попытки внедриться, установила обычный уровень общения. Предоставила Клавэйну доступ к лежащим на поверхности воспоминаниям, ощущениям и эмоциям – вернее, к тщательно отредактированным их версиям. В то же время Ремонтуар видел в разуме Скади именно то, что ожидал увидеть, – опять же подправленное и модифицированное в соответствии с ее целями.

Амортизационный гамак подтянул ее к центру комнаты-сферы, к двум уже находящимся там сочленителям. Скади сложила руки на изогнутой поверхности компада, который нашептывал полученные данные в долговременную память.

Клавэйн подал голос:

– Скади, приятно видеть тебя рядом.

– Клавэйн, я ощутила изменения в статусе боеготовности. Это имеет отношение к кораблю демархистов?

– Дела обстоят даже интереснее. Взгляни сама.

Клавэйн предложил ей подключиться к сенсорной сети корабля. Скади так и сделала, приказав имплантатам направлять информацию на ее сенсоры, используя стандартные фильтры и параметры.

Приятное мгновение – мимолетное ощущение выхода из собственного тела. Оно вместе со спутниками, рубкой, огромным угольно-черным конусом корабля растворилось, стало ничем.

Газовый гигант висел впереди, исчерченный постоянно меняющейся, сложнейшей сетью запретных зон и фарватеров. Вокруг по тесным прецессионным орбитам крутилось сонмище орудийных платформ и спутников слежения. Чуть ближе виделся демархистский корабль, преследуемый «Пасленом». Вражеская машина уже вошла в верхние слои атмосферы и начала разогреваться. Капитан рискнул нырнуть в атмосферу, надеясь спрятаться внизу, в нескольких сотнях километров под облаками.

Скади поняла: этот риск рожден отчаянием.

Проходы сквозь атмосферу опасны даже для судов, сделанных в расчете на погружение в газовые гиганты. Капитану приходится тормозить перед погружением, и возвращаться также

нужно медленно. Выгоды от пребывания в атмосфере малы. Спрятаться в облаках можно лишь в том случае, если датчики преследователя не способны отследить добычу, а шансы на это невелики. К тому же за движением беглеца могут проследить спутники, обращающиеся по низким орбитам, и плавающие в атмосфере роботы-разведчики. Кроме сомнительной маскировки, единственная выгода погружения – дозаправка.

В первые годы войны обе стороны использовали антивещество как главный источник энергии. Сочленители с их спрятанными на краю системы фабриками производили и хранили антиматерию в достаточных для военных действий количествах. Было общеизвестно, что им доступны и более мощные источники энергии. Демархисты уже десятилетие не могли производить антиматерию в нужных количествах, они вернулись к термоядерному синтезу. Для него требовался водород, который лучше всего добывать в океанах на газовых гигантах, где он уже сжат до металлического состояния. Но обычно заправка происходила так: корабль выдвигал топливные насосы, забирал и сжимал водород из атмосферы, а иногда даже нырял в жидкий водородный океан, лежащий поверх оболочки из металлического водорода, которая окружала каменное ядро газового гиганта.

Однако для поврежденного в бою корабля это рискованный маневр. Скорее всего, капитан надеялся, что субсветовику не придется самому собирать водород. Рассчитывал встретить танкер, управляемый мозгом китообразного. Их много скиталось в атмосфере, занимаясь сбором и обогащением топлива, уныло крутясь в турбулентностях. Танкер снабдит обработанным металлическим водородом, который служит и топливом, и взрывчаткой.

Погружение в атмосферу – отчаянная игра. Но все же шансы на успех ненулевые – в отличие от бессмысленного бегства в пространстве от сильнейшего и быстрее него противника.

Скади оформила мысль и поделилась ею с коллегами:

– Я восхищена решимостью капитана. Но это ему не поможет.

Клавэйн ответил сразу:

– Не ему, а ей. Мы перехватили ее фокусированную на другой корабль передачу. Они проходили сквозь край пылевого кольца. Концентрация пыли оказалась достаточной, чтобы нам удалось уловить рассеянную часть сигнала.

– А гражданское судно?

Ответил Ремонтуар:

– Едва заметив его выхлоп, мы заподозрили, что это каботажник из Ржавого Пояса. Так оно и оказалось. Прочее остается неясным.

Ремонтуар предоставил свой канал данных. Скади приняла его предложение с благодарностью.

В ее воображении возник размытый образ каботажника, понемногу делающийся более четким – словно дорисовывался на глазах набросок. Судно вдвое меньше «Паслена», типичный внутрисистемный грузовик, построенный век либо два назад. Несомненно, до эпидемии. Корпус, похоже, когда-то имел обтекаемые очертания и был рассчитан на посадку на Йеллоустоне либо на других планетах с атмосферой. Но теперь из корпуса торчало столько надстроек и выступов, что он походил на рыбу, подвергшуюся некой редкой рецессивной мутации. На оболочке тут и там мерцали загадочные символы, перемежаемые обширными кусками глухого металла в местах, где корпус ремонтировался.

Ремонтуар предугадал вопрос, сообщив:

– Это «Буревестник», зарегистрированный в «карусели» Новый Копенгаген, в Ржавом Поясе. Владелец и капитан – Антуанетта Бакс. В обеих ролях она всего лишь месяц. Предыдущий владелец – Джеймс Бакс, вероятно родственник. Что с ним случилось, неизвестно. Согласно архиву, семья Бакс владела кораблем задолго до войны, возможно и до эпидемии. Бизнес – обычная смесь законных и маргинально законных сделок. Несколько небольших пра-

вонарушений, одна-две незначительные стычки с полицией Феррисвильской конвенции. Но ничего заслуживающего ареста, даже по законам военного времени.

Скади ощутила, как где-то в необозримой дали ее тело кивнуло, выражая согласие. Пояс жилых спутников вокруг Йеллоустона издавна содержал целый флот транспортов: от современных, скоростных и маневренных, для грузов подороже, до неторопливых, дешевых, с термоядерными или ионными двигателями; эти суда выполняли работу без лишних формальностей. Даже после эпидемии, превратившей некогда знаменитый Блισταющий Пояс в Ржавый, для разномастных торговцев нашлось место – конечно, для тех, кому хватило смелости и умения его занять. Требовалось обходить карантин и заключать сделки с новой клиентурой, родившейся на дымящихся руинах демархистского правления. Среди этих клиентов попадались и такие, с которыми не хотелось иметь дело во второй раз.

Скади не знала ничего о семействе Бакс, но полагала, что оно добилось процветания после эпидемии – и, возможно, преуспело еще больше в войну. Теперь можно проходить сквозь блокады и кордоны, помогать агентам противоборствующих сторон в их шпионской деятельности. И не важно, что Феррисвильская конвенция, управляющая делами Йеллоустона и окрестностей, – один из наименее толерантных режимов в истории. Хотя наказания за нарушение законов были суровыми, всегда находились готовые платить за риск.

Таким образом, Скади нарисовала для себя почти исчерпывающий психологический портрет Антуанетты Бакс. Осталось непонятным, что она делает так далеко в зоне военных действий? И если задуматься, почему она еще жива?

– Капитан демархистов разговаривала с ней? – спросила Скади.

– Предупредила ее, велела уходить, угрожала карами за непослушание, – ответил Клавэйн.

– И она послушалась?

Клавэйн направил Скади данные о курсе и положении каботажника. Он шел напрямик в атмосферу газового гиганта, как и корабль демархистов перед ним.

– Предупреждать в такой ситуации бессмысленно. Капитану следовало просто уничтожить гражданское судно за вторжение в спорное пространство.

– Капитан и грозила уничтожением, – ответил Клавэйн. – Но Бакс проигнорировала. Заверила, что не собирается красть водород, но недвусмысленно дала понять: разворачиваться не собирается.

– Это чрезмерная отвага или крайняя глупость?

– Скорее всего, простая удача, – возразил Клавэйн. – Очевидно, у капитана нет средств выполнить обещанное. Наверняка она истратила последнюю ракету в недавнем бою.

Скади обдумала узнанное, предугадывая очевидное предложение Клавэйна. Если корабль демархистов действительно безоружен, это легкая цель для абордажа. Естественно, капитан пытается всеми силами скрыть беспомощность от «Паслена». Даже на этой стадии войны на вражеском борту может отыскаться ценная информация. Добавим к этому возможность захвата и вербовки команды.

– Полагаете, капитан надеялся, что каботажник подчинится приказу?

Скади уловила согласие Клавэйна до того, как прибыла его мысль.

– Да. После того как Бакс высветила радаром корабль демархистов, его капитану ничего другого не оставалось, как выйти на связь. Обычной реакцией на поведение гражданского транспортника была бы ракета, выпущенная на поражение. Капитан демархистов имела право на это. Но она имела право и просто предупредить. Однако Бакс не послушала – и вынудила капитана раскрыть свою беспомощность. Подкрепить угрозу ей нечем.

– Клавэйн прав, – подтвердил Ремонтуар. – Ее арсенал пуст. И теперь мы это знаем.

Скади поняла, что оба задумали. Хотя демархистский корабль уже нырял в атмосферу, он оставался досягаем для снарядов «Паслена». Вероятность поражения не стопроцентная, но

высокая. Однако Клавэйн с Ремонтуаром не хотят сбивать врага. Они предпочитают дождаться, когда враг вынырнет, тяжело нагруженный водородом, медлительный, но вооруженный не лучше прежнего, и взять на абордаж. Выкачать данные из баз, завербовать команду.

– Я не могу разрешить абордажную операцию, – возразила Скади. – Риск нанести ущерб «Паслену» перевешивает все мыслимые выгоды.

Тут же она почувствовала, как Клавэйн пытается прощупать ее разум.

– Скади, что делает «Паслен» столь драгоценным? Почему я об этом не знаю?

– Клавэйн, эта информация – прерогатива членов Узкого совета. У вас была возможность присоединиться к нему.

– Но даже если бы он и присоединился, по-прежнему не знал бы всего, – заметил Ремонтуар.

– Вам же известно, что я здесь по делам Узкого совета, – огрызнулась Скади, злясь. – И для меня важны лишь они!

– Я член Узкого совета, но даже я не знаю, что вы здесь делаете. Это секретная операция, инспирированная святилищем?

Скади подумала с досадой, что ей бы работалось куда проще, не будь необходимости возиться со стариками-сочленителями.

– Да, это очень ценный корабль. Прототипы всегда ценны. Но вы ведь знаете о его свойствах. Нелепо было бы потерять его в случайной стычке.

– Похоже, этим его ценность не исчерпывается.

– Возможно. Но сейчас не время это обсуждать. Подготовьте ракетный залп по вражескому субсветовику. А затем по транспорту.

– Нет. Мы подождем, пока оба вынырнут из атмосферы. Тогда и атакуем – если они выживут, конечно.

– Этого я позволить не могу.

Скади надеялась, что до крайностей дело не дойдет, но Клавэйн вынуждал к решительным мерам. Она сосредоточилась, затем ввела в сеть сложную последовательность команд. Ощутила ответ: боевые системы признали первостепенность ее доступа и подчинились. Контроль в скорости и точности уступает контролю над ее собственными машинами, но и этого достаточно. Ведь задача всего лишь запустить несколько ракет.

– Скади?!

Должно быть, это мысль Клавэйна. Он понял, что управление оружием перехвачено. Она почувствовала его удивление. Разве возможен такой перехват? Скади задала цели, и ракеты с ищущими цель боеголовками вздрогнули в шахтах.

– Скади, прекрати, – спокойно произнес голос в ее голове.

Ночной совет.

– Что?

– Верни контроль над арсеналом. Сделай, как желает Клавэйн. В конце концов, это обернется нам на пользу.

– Нет, но я...

Голос Ночного совета сделался пронзительным:

– Скади, верни контроль!

Униженная и разозленная, Скади выполнила приказ.

Антуанетта подошла к гробу отца. Контейнер был принайтован к решетке грузового трюма, зафиксирован в том же месте, где находился и во время визита робота-полицейского. Девушка положила руку, одетую в перчатку скафандра, на крышку контейнера. Сквозь стекло виднелся профиль отца. Очевидное фамильное сходство – хотя возраст и гравитация отчасти исказили черты, будто хотели превратить их в мужеподобную карикатуру на лицо Антуа-

нетты. Глаза закрыты, выражение, насколько можно разобрать, спокойное, почти скучающее. Это характерно для отца – дремать в самые острые моменты. Вспомнилось, как сочный храп разносился по всей летной палубе. Однажды дочь подловила старика: он лишь притворялся спящим, подглядывал сквозь ресницы. Отец любил наблюдать, как Антуанетта управляет с полетными неожиданностями. Знал, что рано или поздно ей придется все делать самой.

Антуанетта проверила крепежи. Все в порядке, ничто не ослабло и не сместилось в ходе недавних маневров.

– Зверь?

– Что такое, юная леди?

– Я в трюме.

– Юная леди, я знаю. И это меня тревожит.

– Пожалуйста, уменьши скорость. Перейди на дозвуковую. Когда сделаешь, сообщи.

Она заранее приготовилась услышать возражения, но их не последовало. Корабль наклонился. Подступила легкая тошнота – мозг пытался совладать с одновременными ощущениями падения и замедления. «Буревестник» не был способен планировать, его корпус практически не производил подъемную силу. Поддерживала судно лишь тяга, направленный вниз выхлоп двигателей. Небольшую подъемную силу обеспечивал трюм, огромный пузырь вакуума. Но глубоко с ним не погрузишься, придется пустить в него атмосферу.

Антуанетта очень хорошо понимала, что выжила чудом. Корабль демархистов должен был разнести ее в клочья, как и обещала его капитан. И преследующий корабль пауков должен был атаковать до нырка в атмосферу. Даже само погружение могло убить. Получилось не запланированное, осторожное, постепенное снижение, а отчаянная попытка нырнуть под облака, пробиться сквозь вихрь, область пониженного давления, созданную идущим впереди кораблем демархистов. Как только резкое снижение прекратилось, Антуанетта оценила повреждения, и те оказались скверными. Если даже и доберешься домой, к Ржавому Поясу (а это очень и очень маловероятно, в особенности если пауки поджидают снаружи), у Ксавьера будет работы на несколько месяцев.

Впрочем, это хоть удержит его от авантюры.

– Мы на дозвуковой, – отрапортовал Зверь.

– Отлично, – кивнула Антуанетта, в третий раз проверяя, как принаитовила себя к грузовой решетке, и просматривая показания датчиков скафандра. – А теперь, пожалуйста, открой грузовой люк номер один.

– Юная леди, один момент!

Рядом возникла ослепительно сияющая щель. Антуанетта прищурилась, затем опустила бутыльно-зеленый дополнительный визор шлема.

Щель расширилась. Затем поток ворвавшегося атмосферного газа ударил, придавил Антуанетту к балке решетки. С ревом он в пару секунд заполнил трюм, крутясь вокруг вихрем. Датчики скафандра проанализировали состав и выдали совет: не пытайся снять шлем. Давление превышало обычное земное, но газ был люто холодным и для человека смертельно ядовитым.

Атмосфера из страшных ядов с не менее страшными перепадами температуры – вот цена красивой яркой раскраски, видимой из космоса.

– Опусть нас еще на двадцать километров, – приказала Антуанетта Зверю.

– Юная леди, вы уверены?

– Мать твою, да!

Пол наклонился. Барометр скафандра отсчитывал давление: две атмосферы, три. Четыре – и это не конец. Хорошо бы «Буревестник», которого мощно плющит со всех сторон, не сложился и не облепил трюм на манер мокрого бумажного пакета.

«Что бы еще ни случилось, – подумала Антуанетта, – про гарантию на „Буревестник“ уже и разговора быть не может...»

Собравшись с духом, а вернее, подождав, пока пульс немного успокоится, Антуанетта шажок за шажком двинулась к люку, таща за собой контейнер. Процедура трудная – через каждую пару метров надо откреплять и закреплять найтовы заново. Но уж чего-чего, а терпения у девушки хватало.

Глаза приспособились к яркому свету и различили его серо-серебристый оттенок. Свет понемногу тускнел, он приобрел оттенок железа, потом старой бронзы. Эпсилон Эридана – звезда неяркая, большая часть ее света поглощается верхними слоями атмосферы. Если опуститься ниже, станет темно – как на океанском дне.

Но именно этого хотел отец.

– Зверь, держи «Буревестника» ровно. Я сейчас сделаю дело.

– Осторожнее, юная леди!

Грузовые люки имелись в самых разных местах судна. Этот был в судовом подбрюшье, смотрел вниз и назад. Антуанетта подобралась к самому краю, края подошв повисли над бездной. Боязно – однако страховка надежная. Сверху – темный потолок трюма, мягко скругляющийся к хвосту, а внизу – зияющая пустота.

– Папа, ты был прав, – проговорила Антуанетта очень тихо, чтобы Зверь не разобрал слов. – Это поразительное место.

– Юная леди?

– Зверь, все в порядке.

Антуанетта начала расстегивать крепления гроба-контейнера. Зверь держал судно хорошо. Оно лишь дернулось пару раз, качнулось вправо-влево, заставив девушку вздрогнуть от страха, а гроб – стукнуться о решетку. Установилась скорость гораздо меньше звуковой. «Буревестник», по сути, плыл, несомый ветром – но это и требовалось. За исключением одного-двух случайных порывов, за бортом царил штиль.

Контейнер почти освободился от креплений, он был готов лететь за борт. Отец выглядел усталым, будто прикорнул на диване после тяжелого дня. Бальзамировщики поработали отлично, ветхие, но еще функционирующие системы контейнера справились. Поверить трудно, что отец умер месяц назад.

– Пап, ну вот, – выговорила Антуанетта. – Мы уже прилетели. Добрались. Думаю, больше и говорить ничего не стоит.

Зверю хватило такта промолчать.

– Не знаю, правильно ли поступила... Ты говорил когда-то, что хочешь таких похорон, но ведь...

Она оборвала себя: «Молчи! Не смей опять мусолить! Решила так решила».

– Юная леди? – спросил Зверь с тревогой.

– Да?

– Я бы не советовал медлить.

Антуанетта вспомнила этикетку пивной бутылки. Сейчас вынуть ее не могла – но будто наяву видела ее во всех подробностях. Антуанетта уже давно сняла наклейку с бутылки. Блеск золотой и серебряной краски потускнел со временем. Но в воображении они сияли как прежде. Этикетка дешевого, производимого огромными партиями пива для Антуанетты давно стала настоящей иконой. Тогда ей исполнилось то ли двенадцать, то ли тринадцать лет. Отцу удалось хорошо заработать, и он на радостях взял дочь с собой в бар, где собирались торговцы и перевозчики. Смутно помнились бесшабашное веселье, смех, рассказы об удивительных приключениях. А к концу вечера беседа пошла о том, кто отправился в последний путь и какой способ похорон лучше. Сперва отец помалкивал и улыбался, когда разговор переходил от серьезного

к шутливому и обратно, смеялся хохмам и вычурным ругательствам. А потом, удивив дочь, заявил, что для него лучшая могила – атмосфера газового гиганта.

В другое время Антуанетта подумала бы: острит отец, высмеивает идеи приятелей. Но его тон, выражение лица сказали: это всерьез. Раньше он ни разу такое не обсуждал, но наверняка обдумывал, взвешивал, решал. И тогда дочь пообещала себе: если отец однажды умрет и ей придется его хоронить, она вспомнит высказанное в баре пожелание.

Шли годы, и так легко было воображать, что вот она, взрослая Антуанетта, исполняет давнюю клятву. Потому и думать о похоронах перестала – все же давно решено! Но вот отец умер, и настала пора исполнить детское обещание, пусть теперь и кажущееся безответственным, смешным и глупым. Но тем вечером в его голосе звучала такая убежденность... И пусть Антуанетта была еще ребенком, пусть ее мог обмануть нарочито серьезный вид отца – она поверила, поклялась себе. А значит, надо сделать дело – пусть и подвергая свою жизнь опасности.

Антуанетта открепила последние найтовы, подтолкнула гроб. Он на треть завис над пустотой. Один хороший толчок, и отец получит могилу, которую хотел.

Какая чушь, если вдуматься. За все годы после того разговора в баре он ни единожды не упомянул о своем желании быть похороненным в газовом гиганте. Но разве это важно? Ведь тогда он высказал искреннее, давно обдуманное. Отец не знал, когда умрет, и не мог привести дела в порядок заранее перед несчастным случаем. Не было повода объяснить дочери, что делать с останками родителя.

Да, это чушь... Но искренняя, идущая из глубины сердца.

Она столкнула гроб.

На мгновение он завис в потоке позади корабля, словно не желал начинать долгое падение в никуда. Затем медленно пошел вниз. Закрутился, тормозя в налетевшем вихре, остался позади. Вот он уже размером с мизинец, вот точка, отражающая слабый звездный свет, – она блеснула и потухла, канув в клубящихся облаках.

На доли секунды показалась снова – и скрылась навсегда.

Антуанетта прислонилась к балке. Не ожидала, что обещанные похороны дадутся так трудно, что потом навалится свинцовая усталость. Словно вся тяжесть атмосферных слоев легла на плечи. Она не ощущала больше горечи, не плакала – достаточно погоревала раньше. Придет время – заплачет снова. Обязательно. Никуда от того не деться. Но сейчас – только полное изнеможение.

Она закрыла глаза, простояла несколько минут.

Затем приказала Зверю задрать грузовой люк и отправилась в долгий путь назад, к летной палубе.

Глава 3

С удобной для обзора позиции в шлюзе Невил Клавэйн наблюдал, как раскрылся лепестковый люк в округлой части корпуса «Паслена». Высыпавшие наружу боевые роботы напоминали вшей-альбиносов: панцирные сегментированные корпуса со множеством членистых конечностей, датчиков, боевых систем. Они быстро добрались до вражеского корабля, уцепились за его конусовидный корпус ногами, снабженными адгезивными элементами. Затем заселили по поврежденной оболочке, отыскивая шлюзы и прочие известные для данного типа кораблей слабые места.

Механизмы шныряли, словно жуки в поисках пропитания. Конечно, штурмовые роботы-скараabei проломили бы внутрь быстро – но с риском уничтожить выживших, прячущихся в сохранивших воздух отсеках. Потому Клавэйн настоял, чтобы роботы пользовались шлюзами, хоть это и задерживало – сквозь узкие люки приходилось лезть по одному.

Но беспокоился он зря. Данные от первого же проникшего внутрь робота показали: не будет ни сопротивления, ни эвакуации выживших. На борту было пусто, темно и тихо. Казалось, из коридоров веяло смертью.

Роботы шли сквозь корабль, их камеры показывали лица мертвых, оставшихся на постах у своей аппаратуры. Повсюду лишь трупы.

Тогда Клавэйн отозвал большинство роботов и отправил небольшую группу сочленителей по тому же маршруту, какой использовали скараabei. Робот показывал их прибытие: угловатые белые силуэты, словно призраки, по одному проходили через шлюз.

Группа прочесала корабль, двигаясь через тесные помещения, уже посещенные роботами, – но обследуя их с человеческой тщательностью. Штурмовики находили тайные камеры, открывали люки, пробирались по эксплуатационным тоннелям, ежеминутно ожидая найти скорчившихся, забившихся в угол членов команды.

Никого.

Тела толкали, дергали – не притворяется ли кто мертвым. Они уже остывали, распределение тепла на лицах показывало: смерть произошла недавно. Ни ран, ни иных следов насилия.

Клавэйн оформил мысль и отправил ее Скади и Ремонтуару: «Я иду внутрь. Никаких условий и оговорок, я принял решение. Обернусь быстро, без лишнего риска».

– Клавэйн, нет!

– Прости, Скади. Я не член вашего милого интимного сообщества, а это значит, могу идти куда хочу. Нравится вам или нет, но это мое право.

– Клавэйн, вы пока еще объект первостепенной важности для Гнезда.

– Обещаю: буду осторожен.

Он ощутил раздражение Скади, вливающееся в его собственные эмоции. Недовольство исходило и от Ремонтуара.

Им, членам Узкого совета, немыслимо было бы подвергать себя такой опасности, подниматься на борт только что взятого на abordаж корабля. Они и так слишком рисковали, выйдя за пределы Материнского Гнезда. Многие сочленители, включая Скади, хотели, чтобы Клавэйн стал членом Узкого совета, где его опыт и мудрость станут доступнее Гнезду – и где можно уберечь этого человека от опасности. А если бы Клавэйн упорствовал, Скади использовала бы свое влияние в совете, чтобы отравить жизнь старику, не позволить ему активные действия. Она могла добиться назначения на символическую должность либо вообще отправить в почетную отставку. Существовали и другие способы наказать непослушного. Клавэйн не склонен был недооценивать их и даже рассматривал всерьез возможность присоединиться к совету. По крайней мере, он бы многое узнал и, вероятно, получил бы рычаг давления на агрессивных выскочек типа Скади.

Но до тех пор, пока этого не случилось, он прежде всего солдат. Никакие ограничения риска к нему пока не применимы, и будь он проклят, если станет плясать под чужую дудку.

С тем он и продолжил готовить скафандр. Когда-то, два-три века назад, подготовка была гораздо проще. Надеваешь дыхательную маску, цепляешь коммуникационную аппаратуру, затем просто шагаешь сквозь мембрану «разумного» вещества, натянутую на люк, открывающийся прямо в космос. Мембрана облепляет тебя, мгновенно образуя тесно прилегающий к коже скафандр. При возвращении человек ступал назад через мембрану, и скафандр возвращался на место, соскальзывая будто волшебная слизь. Выйти в открытый космос было не сложнее, чем надеть солнечные очки. Конечно, подобные технологии не годятся на войне – слишком уязвимы. И едва ли они годятся в мире, пострадавшем от эпидемии. Ее пережила только самая устойчивая, грубая аппаратура.

Другого необходимость в дополнительных усилиях могла бы разозлить. Но Клавэйна новая процедура успокаивала, придавала ему уверенности: словно облачение средневекового рыцаря в доспехи. Проверка систем, присоединение оружия, датчиков – как исконный ритуал, призванный оградить от невезения и вреда. А может, это просто напоминало о юности.

Он покинул шлюз, оттолкнулся, направляясь к вражескому кораблю. Тот, похожий на коготь, четко выделялся на темном фоне гигантской планеты. Несомненно, он поврежден – но выхода газов не видно. Оболочка осталась герметичной. Есть шанс найти выживших. Хотя тепловое сканирование не дало определенных результатов, лазерные сканеры зарегистрировали незначительные колебания всего корабля. Этому могло быть много объяснений, но самое очевидное – присутствие живого внутри: оно двигается, отталкиваясь от стен. Однако уцелевших не обнаружили ни скарабеи, ни штурмовая группа.

Внимание вдруг привлекла неровная корчащаяся полоса зеленого пламени на темном полумесяце гиганта. После того как демархистский корабль вынырнул из атмосферы, Клавэйн и не вспоминал о каботажнике. Тот до сих пор так и не всплыл. Скорее всего, Антуанетта Бакс мертва, ее постигла одна из тысяч смертей, поджидающих в глубинах свирепой планетной атмосферы. Не имел даже малейшего представления о том, чем она внизу занималась, но не сомневался: это вряд ли что-либо заслуживающее одобрения. Но ведь одна. Скверно умирать одной на разбитом судне. Как храбро отказалась эта женщина подчиниться капитану демархистов. Жаль. Кем бы ты ни была, Антуанетта Бакс, храбрости тебе не занимать.

Он стукнулся о корпус вражеского корабля, смягчил удар, согнув колени. Подошвы прикрепились к обшивке корабля. По старой привычке приложив руку к визору шлема, Клавэйн повернулся к «Паслену»; он был рад редкой возможности посмотреть на корабль снаружи. «Паслен» был настолько темным, что трудно разглядеть на фоне темного же пространства. Затем включились имплантаты, на пространство легла подрагивающая зеленая сетка, контур корабля выделился, обозначились красным шкалы, расстояния и размеры.

«Паслен» – корабль звездолетного класса, субсветовик, способный на длительные перелеты между системами. Изящный конический корпус, игольно-тонкий нос – для эффективного передвижения со скоростью, близкой к скорости света. В самом широком месте, где корпус снова начинал сужаться, переходя в тупоконечный хвост, на длинных балках – пара ускорителей. Другие фракции называли их паучьими двигателями, по очевидной причине: лишь сочленители умели их строить. Столетиями пауки позволяли демархистам, ультра и прочим практикующим межзвездные перелеты фракциям использовать эти двигатели, но не делились знаниями, позволяющими их воспроизвести. Сами же двигатели было невозможно разобрать, чтобы выяснить таинственную физику, лежащую в основе их работы.

Но производство и продажа двигателей внезапно прекратились столетие назад. Никаких объяснений, никаких обещаний когда-либо возобновить производство.

С этого момента оставшиеся двигатели превратились в огромную ценность. Ради них совершались пиратские нападения, преступления и злодеяния. Обладание двигателями стало одной из причин нынешней войны.

Клавэйн знал: ходили слухи, что сочленители продолжали строить двигатели для себя. Также знал с полной определенностью, что эти слухи лживы. Решение прекратить производство было внезапным, окончательным и бесповоротным. Более того, оставшиеся корабли стали использовать гораздо реже даже сами сочленители. Но Клавэйн не знал, отчего приняли решение. Несомненно, за ним стоял Узкий совет, но помимо того не имелось и намека на истинную причину.

И вдруг совет решил построить «Паслен». На время пробного вылета командовать им доверили Клавэйну – но Узкий совет раскрыл лишь немногие секреты звездолета. Вне сомнений, Скади и Ремонтуар знали больше, и наверняка Скади осведомлена гораздо лучше, чем Ремонтуар. Она постоянно где-то пропадала – скорее всего, возилась со сверхсекретной военной аппаратурой. Все попытки разузнать, чем именно она занимается, оканчивались ничем.

И все же почему Узкий совет разрешил строительство нового звездолета? Какой смысл? Война кончается, враг отступает повсеместно. Если вступить в совет, конечно, всех ответов не получишь – есть еще и Внутреннее святилище. Но тем не менее узнаешь гораздо больше, чем теперь.

Звучит привлекательно. Почти искушающе.

Но как же нагло и беззастенчиво Скади и прочие шишки манипулируют обычными людьми!

Клавэйн отвернулся, осторожно пошел к шлюзу. Зеленая сетка перед глазами исчезла.

Вскоре он оказался внутри корабля, направился по коридорам и проходам, обычно не изолированным от внешнего космоса. Запросил сведения об устройстве корабля – они явились в мгновение ока. Пришло странное, жутковатое ощущение знакомых мест, словно дежавю. Сквозь шлюз было непросто протиснуться в неуклюжем бронированном скафандре. Клавэйн задраил за собой люк, воздух с ревом хлынул внутрь, затем открылся другой люк, позволяя ступить в герметично закупоренное корабельное нутро. Темнота. Датчики скафандра быстро отреагировали, предоставили инфракрасную картину плюс данные эхолокации; все это отобразилось на визоре шлема.

– Клавэйн?

В коридоре ожидала женщина, штурмовик из пришедшей ранее группы. Клавэйн повернулся к ней, ухватился за стену, чтобы остановиться.

– Нашли что-нибудь?

– Ничего. Все мертвы.

– Ни одного выжившего?

Мысли женщины, лаконичные и четкие, врывались в его голову как пули.

– Умерли недавно. Никаких ран. Похоже, самоубийства.

– Мы полагали, что остался по крайней мере один выживший.

– Никого.

Женщина предложила доступ к своей памяти. Он приготовился увидеть неприятное.

И увидел. Еще хуже, чем ожидал. Массовое быстрое самоубийство. Ни единого свидетельства борьбы, принуждения. Даже признаков нерешительности нет. Команда умерла на боевых постах, будто кто-то обошел корабль с таблетками яда и раздал всем. А возможно, случилось и более жуткое: команда сошлась на собрание, получила средства самоубийства, а затем спокойно вернулась на посты. И работала до тех пор, пока капитан не приказала покончить с собой.

При нулевой гравитации головы не обвисают безжизненно. Даже рты не раскрываются. Мертвые тела остаются в тех же позах, что и при жизни, и не важно, закреплены они или

свободно плавают в коридорах. Один из первых и наиболее жутких уроков космической войны: в невесомости мертвых трудно отличить от живых.

На всех телах – признаки истощения, часто крайнего. Похоже, эти люди месяцами жили на аварийных пайках. У многих язвы, следы скверно заживших ран. Возможно, умерших ранее выбросили с корабля, чтобы уменьшить его массу и сэкономить топливо. Под головными уборами, наушниками – жесткая недавняя щетина. Одеты все одинаково, на комбинезонах не знаки различия, а эмблемы специализации. В тусклом свете аварийных фонарей кожа мертвецов кажется одинаковой, серо-зеленой.

Перед Клавэйном возник плывущий по коридору труп с растопыренными руками, словно загребаящий воздух. Рот приоткрыт, мертвые глаза смотрят вперед. Труп ударился о стену, и Клавэйн ощутил ее легкую дрожь.

– Пожалуйста, зафиксируйте трупы, – попросил он женщину.

Она исполнила.

Затем Клавэйн приказал всем штурмовикам закрепиться и замереть. Трупы уже не плавают, корабль должен оставаться в абсолютном спокойствии.

Пришли новые данные лазерного сканирования с «Паслена».

Сначала Клавэйн не поверил им.

Какая нелепость! Внутри корабля отмечалось движение!

– Юная леди?

Антуанетта хорошо знала этот тон, и ничего хорошего он не сулил. Вдавленная в амортизационное кресло, она проворчала в ответ несколько слов. Никто не разобрал бы их, кроме Зверя.

– У нас беда?

– К сожалению. Юная леди, полностью я не уверен, но, кажется, неисправен главный реактор.

Зверь спроецировал разрез судового термоядерного реактора на окно рубки, наложил его сверху на картинку облаков, сквозь которые карабкался «Буревестник», выбираясь назад, в космос. Участки реактора на схеме были выделены зловеще пульсирующим красным цветом.

– Вот же мать вашу! Токамак сдал?

– Юная леди, похоже, именно он.

– Черт возьми, надо было поменять его на последнем капремонте!

– Юная леди, прошу, следите за своей речью. И позволю себе вежливо напомнить: что сделано, то сделано. Прошлого не исправить.

Антуанетта быстро прошла по данным диагностики. Но приятнее от этого новости не стали.

– Это Ксавьер виноват.

– Юная леди, Ксавьер? И в чем же виновен мистер Лиу?

– Он же поклялся: токамак еще как минимум три рейса выдержит!

– Юная леди, возможно, он и ошибся. Но прежде, чем винить его, прошу принять к сведению резкую остановку двигателя по требованию полиции на выходе из Ржавого Пояса. Та встряска вовсе не пошла токамаку на пользу. Плюс добавочные повреждения от вибрации при полете в атмосфере.

Антуанетта скривилась. Иногда и не поймешь, на чьей стороне Зверь.

– Ладно, Ксавьер тут ни при чем – по крайней мере, пока не выяснится что-нибудь еще. Но от этого мне не легче.

– Юная леди, отказ вероятен, но не гарантирован.

Антуанетта проверила данные.

– Нужно еще десять километров в секунду, чтобы выйти на орбиту. Зверь, сможешь?

– Юная леди, приложу все мыслимые усилия.

Она кивнула. Конечно, уж корабль-то выжмет из себя все возможное. Слой облаков сверху стал тоньше, небо приобрело густую полуночную синеву. Вот он, космос. Рукой подать. Но еще так далеко...

Клавэйн наблюдал, как снимали последнюю преграду на пути к укрытию единственного выжившего. Штурмовик посветил фонарем в унылую комнатенку: выживший скорчился в углу, укрывшись запятнанным термоодеялом. У Клавэйна polegчало на душе: поиски увенчались успехом, и теперь ничто не мешает с чистой совестью взорвать демархистский корабль. «Паслен» может спокойно вернуться к Материнскому Гнезду.

Отыскать выжившего оказалось гораздо проще, чем представлялось сначала. Полчаса потратили на локализацию, уточнение данных биосенсорами и эхолокацией. Затем просто разбирали стену и приборные блоки, пока не достигли замаскированной камеры размером в два платяных шкафа. В эту часть корабля команда заглядывала нечасто – вблизи термоядерных двигателей уровень радиации был высок.

Укрытие выглядело сооруженным наспех – что-то вроде тюрьмы на корабле, не предназначенном для перевозки заключенных. Пленника сунули в дыру, затем вернули блоки оборудования и листы обшивки на место, оставив лишь неширокий проход для воздуха и пищи. В комнатенке было грязно. Клавэйн приказал скафандру взять пробу воздуха, направить часть к своему носу. Смердело калом. О пленнике никто особо не заботился. Интересно, его держали в таких условиях с самого начала рейса или позабыли с приближением «Паслена»?

В общем-то, импровизированная тюремная камера была неплохо оборудована. Стены хорошо обиты смягчающим материалом, есть крепления, чтобы зафиксировать себя и не ушибиться во время маневров. Есть коммуникационная система, хотя, кажется, и односторонняя, чтобы передавать сообщения пленнику. Одеяла, остатки недавней трапезы. Клавэйн видел тюрьмы и похуже. В некоторых даже и сидел.

Он оформил мысль и послал солдату с фонарем:

– Снять с него одеяло! Хочу видеть, с кем имеем дело.

Солдат полез в дыру. Клавэйн же задумался, перебирая возможности. Кто этот бедняга? В последнее время сочленители в плен не попадали, а если бы и попали, едва ли остались бы в живых. И вряд ли о них так заботились бы. Скорее всего, свой: дезертир или предатель.

Солдат сдернул одеяло.

Пленник сжался, приняв позу зародыша, взвизгнул, защищая привыкшие к темноте глаза от яркого света.

Клавэйн был удивлен безмерно. Вот уж неожиданность! На первый взгляд можно принять за человеческого подростка – пропорции и рост схожи. Причем за раздетого донага подростка. Розовая человеческая плоть. На предплечье – след страшного ожога, бугры и узлы рубцов, мертвенно-белесые, сизые, красные.

Это гиперсвинья. Генетическая химера, помесь свиньи и человека.

– Здравствуйте! – раскатился усиленный скафандром голос Клавэйна.

Свинья шевельнулась – и словно распрямилась туго скрученная пружина. Никто этого не ожидал. Тварь ткнула вперед чем-то длинным. Предмет металлически блестел, его оконечность дрожала, словно камертон. Она ударила в грудь Клавэйна. Лезвие, дрожа, поехало по броне, оставив узкую сияющую борозду, но нащупало место у плеча, где сходились пластины. Скользнуло в щель – и скафандр оповестил пронзительным пульсирующим сигналом о вторжении постороннего предмета.

Сочленитель отшатнулся, и лезвие не смогло пробить внутренний слой скафандра, достать плоть под ней. Клавэйн с грохотом врезался спиной в стену.

Лезвие вылетело из руки свиньи, закрутилось в невесомости, словно потерявший управление корабль. Понятно, это пьезонож – Клавэйн носил похожий на пояс скафандра. Наверное, свинья украл оружие у демархистов.

– Что ж, начнем разговор заново, – сказал Клавэйн, переведя дыхание.

Солдаты схватили гиперсвинью, обездвигили. Он же проверил скафандр, вызвал на экран схему повреждения. Небольшая утечка воздуха у плеча. Удушьем не грозит, но на чужом корабле возможны еще не обнаруженные загрязнения либо инфекция. Почти рефлекторно командир сочленителей снял с пояса баллон с изолирующей смесью, выбрал сопло нужного диаметра, нанес быстро твердеющий эпоксидный состав на пораженное место. Смесью затвердела, уподобилась пронизанной жилами серой опухолью.

Еще до начала эры демархистов – то ли в двадцать первом, то ли в двадцать втором столетии, не столь уж далеко от даты рождения самого Клавэйна – набор человеческих генов пересадили обычной домашней свинье. Сделали это, пытаясь решить проблему своевременного поиска органов для пересадки. Модифицированные свиньи могли растить органы, пригодные для использования человеком. Потом были созданы более совершенные методы замены либо лечения пораженных частей тела, но эксперименты со свиньями не прошли бесследно. Генетическое смешение зашло слишком далеко, обеспечив не только совместимость органов, но и подарив свиньям разум.

Никто, даже сами свиньи, не знали в точности, что же произошло. Вряд ли кто-то сознательно пытался развить умственные способности подопытных животных до уровня человеческих. Но, определенно, говорить свиньи научились не случайно. Научились не все. Существовали группы с разными способностями к мышлению и общению. Но часть свиней была изменена именно с целью общения. Переделке подвергся не только мозг, но также глотка, легкие и челюсти. Кто-то дал этим существам возможность овладеть человеческим языком.

Клавэйн шагнул вперед и обратился к пленнику.

– Вы меня понимаете? – спросил он на норте, затем на каназиане, главном языке демархистов. – Меня зовут Невил Клавэйн. Вы теперь находитесь в распоряжении сочленителей.

Свинья ответил. Его деформированные челюсти и глотка безукоризненно воспроизводили человеческие слова.

– Да мне плевать, в чьем я распоряжении! Отвали и сдохни!

– Ни то ни другое в мои сегодняшние планы не входит.

Свинья осторожно приоткрыл налитый кровью глаз:

– А ты что за хрен? Где остальные?

– Команда этого корабля? Похоже, все мертвы.

Удовольствия от новости свинья не выказал.

– Их твои укокошили?

– Нет. Когда мы поднялись на борт, нашли экипаж умерщвленным.

– А вы кто?

– Как я уже говорил, сочленители.

– Пауки... – Почти человеческий рот свиньи скривился в гримасе отвращения. – Знаешь, что я делал с пауками? В толчке топил!

– Что ж, отлично.

Клавэйн, видя, что простой разговор ничего не даст, мысленно приказал солдатам ввести пленнику успокоительное и транспортировать на борт «Паслена». Он понятия не имел, кто этот свинья, и как он оказался на борту, и какую роль играет в стремительно разворачивающихся финальных сценах войны. Но после траления памяти, несомненно, будет известно многое. А доза сочленительских препаратов сделает свинью на удивление добродушным и приветливым.

Клавэйн оставался на корабле, пока штурмовые команды не закончили прочесывание и не удостоверились, что враг не оставил на борту полезной информации. Все бортовые записи и

архивы были тщательно стерты. Обследование техники не выявило ничего нового, до сих пор не известного сочленителям. Оружейные системы не стоили изъятия. Стандартная процедура предписывала уничтожить корабль, чтобы он не оказался снова в руках врага.

Клавэйн размышлял, как лучше это сделать – пустить ракету или взорвать заряд на борту, – когда уловил посланную Ремонтуаром мысль.

– Клавэйн?

– В чем дело?

– Мы приняли сигнал бедствия от каботажника.

– Антуанетта Бакс? Я думал, она мертва.

– Еще нет, но вряд ли продержится долго. У нее проблемы с двигателем. Похоже, отказ токамака. Судно не достигло второй космической, да и орбитальной тоже.

Клавэйн кивнул – скорее в подтверждение своих догадок, а не слов Ремонтуара. Представил вероятную параболическую траекторию. Апекса каботажник еще не достиг, и вскоре он неизбежно заскользит назад, к облакам. Как же нужно отчаяться, чтобы отправить призыв о помощи, когда единственный возможный спаситель – корабль пауков? По его опыту, большинство предпочло бы смерть.

– Клавэйн, вы же понимаете: мы не можем откликнуться на ее просьбу.

– Понимаю.

– Это создаст нежелательный прецедент. Тем самым мы продемонстрируем одобрение незаконной деятельности. У нас не останется иного выбора, как завербовать ее.

Клавэйн снова кивнул, думая о многочисленных пленниках, которых он видел собственными глазами. О вопящих, вырывающихся, не желающих, чтобы их голову напичкали нейросетевой аппаратурой. Конечно, нелепо бояться ее, уж он-то знал. Сам когда-то сопротивлялся из страха. Стоит ли подвергать такой пытке Антуанетту Бакс?

Немного погодя Клавэйн заметил яркую синюю искру: вражеский корабль врезался в атмосферу газового гиганта. Случайно получилось так, что он вошел на ночной стороне планеты. Иссиня-фиолетовое пламя высветило, пульсируя, слои облаков – и это было потрясающе. На мгновение захотелось показать Галиане – она любила такие красочные зрелища. И одобрила бы способ избавиться от ненужной техники: не истрачена ни ракета, ни взрывное устройство. Три реактивных тягача с «Паслена», крохотные машины, прилипли к оболочке, словно моллюски-паразиты. Роботы подтянули корабль к гиганту и отсоединились, когда оставались лишь минуты до нырка в атмосферу. Угол вхождения был почти прямым; корабль стремительно разогнался и впечатляюще загорелся.

Тягачи на полной тяге заспешили домой, к «Паслену», а тот уже повернул к Материнскому Гнезду. С возвращением роботов операцию можно будет считать завершенной. Осталось только решить судьбу пленника, но в этом срочности нет. Что же касается Антуанетты Бакс... каковы бы ни были мотивы этой женщины, Клавэйн восхищался ее храбростью. И не только из-за дерзкого вхождения в зону военных действий. Так решительно и безоглядно не подчиниться капитану боевого корабля, а затем осмелиться на просьбу о помощи! Ведь она должна понимать: права на помощь у нее нет. Войдя нелегально в зону военных действий, она потеряла все права. Боевой корабль едва ли стал бы тратить топливо и время, помогая заплывшему транспорту. И уж наверняка Антуанетта Бакс знает: если сочленители и выручат, то платой за спасение и нарушение закона станет вербовка. А уж ее демархистская пропаганда изобразила в самых черных красках.

Нет, она едва ли ожидает пощады. Но все равно, решиться на просьбу – это поступок.

Клавэйн вздохнул, борясь с отвращением к себе. Мысленно сформулировал приказ «Паслену» сфокусировать передающий лазер на транспорте. Когда связь установилась, произнес:

– Антуанетта Бакс? Это Невил Клавэйн. Я на борту корабля сочленителей. Слышите меня?

Ответ пришел не сразу, и был он плохо сфокусирован. Как будто голос доносился откуда-то из-за дальнего квазара.

– Ах ты, сволочь! Соизволил напоследок ответить? Ты меня бросил подыхать!

– Мне попросту стало интересно, – ответил он и затаил дыхание: что она скажет на это?

– Что тебе интересно?

– Что заставило вас просить о помощи? Вы не боитесь попасть к нам в руки?

– Почему я должна бояться?

Небрежно-равнодушный голос не ввел Клавэйна в заблуждение.

– У нас есть правило: захваченных в зоне боевых действий мы принимаем в свои ряды. Бакс, мы внедрим имплантаты вам в череп. Вас это не пугает?

– Сейчас меня куда больше пугает перспектива врезаться в эту гребаную планету!

– Весьма прагматичное отношение к жизни. Бакс, я вами восхищен.

– Угу. А теперь катись-ка подальше и дай мне спокойно подохнуть!

– Антуанетта, выслушайте внимательно. Я хочу, чтобы вы для меня кое-что сделали, и срочно.

Должно быть, девушка почувствовала смену тона. Она заинтересованно, хотя и по-прежнему недоверчиво, спросила:

– О чем речь?

– Пусть ваш корабль передаст свой подробный план. Мне нужна точная схема оболочки с возможными точками нагрузки. Если заставите корпус расцветкой указать места, находящиеся под наибольшим напряжением, будет еще лучше. Хочу знать, где можно нагрузить корпус, не разрушив притом корабль.

– Ты меня уже не спасешь, даже если прямо сейчас развернешься. Слишком поздно.

– Поверьте, способ есть. А сейчас, пожалуйста, пришлите данные. Иначе я буду вынужден полагаться на интуицию, а это небезопасно.

Антуанетта ответила не сразу. Клавэйн поскреб в задумчивости бороду и с облегчением вздохнул, когда «Паслен» сигнализировал о поступлении данных. Сочленитель проверил их на нейровирусы, затем допустил в свой мозг. Сведения о каботажнике загрузились в кратковременную память, раскрылись во всей полноте.

– Антуанетта, большое спасибо. Именно этого я и хотел.

Он послал приказ одному из тягачей. Тот оставил спутников, развернувшись с чудовищным ускорением: будь на борту кто-нибудь живой, он бы неминуемо превратился в бесформенное месиво. Клавэйн снял все внутренние ограничения с робота, позволил тратить сколько угодно топлива, не заботясь о возвращении на борт «Паслена».

– Что ты затеял? – спросила Антуанетта.

– Посылаю к вам робота. Он прикрепится к судну и вытащит его из гравитационной ловушки в открытый космос. Затем толкнет в направлении Йеллоустона. Затем, боюсь, вам придется рассчитывать только на себя. Надеюсь, сумеете починить токамак – либо путь домой будет весьма продолжительным.

Казалось, смысл его слов доходил до Антуанетты целую вечность.

– Так ты не собираешься брать меня в плен?

– Сегодня – нет. Но обещаю, Антуанетта: если еще раз попадетесь на пути, я вас убью. Угрожать не хотелось. Но, может, угроза ее вразумит.

Клавэйн отключился, прежде чем девушка успела ответить.

Глава 4

В доме, находящемся в городе Кювье на планете Ресурге, у окна стояла женщина, сцепив за спиной руки. Не глядя на дверь, она скомандовала:

– Следующий!

Пока втаскивали подозреваемого, женщина смотрела на мрачный, суровый ландшафт за окном. Огромная стеклянная панель простиралась от пола до потолка, вверху загибаясь наружу. За ней открывалась панорама промышленного города. Куда ни глянь, везде нагромождение кубов и параллелепипедов, безжалостная прямоугольность, депрессивная однородность. Царство металлических штамповок, где нет места радости.

Офис женщины – лишь малая часть Дома инквизиции – находился в перестроенной части Ресургема. Хроники утверждали, что еще до учреждения инквизиции на месте ее нынешней штаб-квартиры находился эпицентр взрыва мощностью около двух килотонн. Фракция «Истинный путь» взорвала крупную антиматерию. Женщина имела дело с бомбами куда посерьезнее. Но не столько важна мощность бомбы, сколько результаты ее применения.

Террористы едва ли смогли бы найти более подходящую цель – и результаты оказались катастрофическими.

– Следующий! – повторила инквизитор громче.

Дверь приоткрылась на ширину ладони.

– Мэм, на сегодня все, – осторожно проговорил стоявший за дверью охранник.

Да, конечно же – дело Иберта было последним в кипе.

– Спасибо. Вы, случайно, не знаете, что нового по делу Торна?

Охранник смутился. Переносить новости между соперничающими отделами – занятие небезопасное.

– Я слышал, клиента допрашивали, но потом пришлось отпустить. У парня было железное алиби, вот только вытягивать его чуть ли не клещами пришлось. Вроде он жене изменял. – Охранник пожал плечами. – Обычное дело.

– Представляю себе, как ребята старались: пара-тройка нечаянных падений с лестницы? Значит, по Торну ничего?

– Похоже, скорее вы триумвира прищучите, чем они этого Торна. Уж простите за прямоту, мэм.

– Да ничего, – проговорила она, намеренно растягивая звуки.

– Мэм, вам еще что-нибудь нужно от меня?

– Пока нет.

Скрипнув, дверь закрылась.

Женщину официально титуловали инквизитором Виллемье. Она снова посмотрела в окно. Солнце системы, звезда Дельта Павлина, уже опустилось к горизонту, и на металлические бока зданий легли оранжево-ржавые тени.

Женщина стояла у окна, пока на город не опустилась ночь. Вспоминала, сравнивала его с Городом Бездны, с городами Окраины Неба. Припомнила, как однажды, вскоре после прибытия в Город Бездны, разговаривала с человеком по фамилии Мирабель. Поинтересовалась тем, когда ему начал нравиться город. Произошло ли это в какой-то переломный момент? Ведь Мирабель, как и она, прибыл с Окраины Неба. Тот ответил, что привыкал постепенно. Нашел способ привыкнуть. Она сомневалась, но затем осознала его правоту. Лишь когда судьба увела ее из Города Бездны, она начала вспоминать о нем с теплотой.

Но Ресурге подобных чувств не вызывал.

Фары правительственных электромобилей плескали в стены домов серебряный свет, разливали его по улицам.

Женщина отвернулась. Прошла в изолированную допросную. Прикрыла за собой дверь.

Безопасности ради комната была лишена окон. Женщина уселась в мягкое кресло у огромного подковообразного стола. Когда-то он был мощным офисным процессором, но его кибернетические внутренности извлекли, заменив куда более примитивной техникой. У края стола на встроенной электроплитке стоял кувшин со старым, едва теплым кофе. От жужжащего вентилятора пахло озоном.

Три стены комнаты, включая стену с дверью, занимали полки с накопившимися за пятнадцать лет материалами следствия. В иных обстоятельствах было бы абсурдом целое ведомство отрывать на охоту за единственной женщиной, которую даже нельзя с уверенностью числить среди живых и уж едва ли стоит разыскивать на Ресургеме. Потому задача инквизитора свелась к сбору информации о внешних угрозах ресургемской колонии. Так же как дело триумвира стало наиболее важной из задач инквизиции, дело Торна и руководимого им подполья стало главной задачей соседнего ведомства, Департамента внутренних угроз. Хотя со времени преступления прошло более шестидесяти лет, высокие чины в правительстве продолжали качать средства на поиски, надеясь арестовать триумвира и устроить показательный процесс. Ее использовали как фокус общественного недовольства, которое иначе могло бы обрушиться на правительство. Старейший трюк власть имущих – дать народу объект ненависти.

У инквизитора хватало работы и без поисков полумифического военного преступника. Но если ведомство выкажет недостаточно энтузиазма в важной миссии, его наверняка расформируют, а задачу передадут другим. Вот этого допускать нельзя ни в коем случае. Существует малая, но ненулевая вероятность того, что новый департамент добьется успеха.

Поэтому инквизитор прикладывала максимум усилий. Дело легальным образом оставалось открытым, ведь триумвир принадлежала к фракции ультранавтов и потому вполне могла дожить до сего дня. В ее деле имелись списки с десятками тысяч подозреваемых, протоколы тысяч допросов, сотни биографий, личных характеристик. Дюжина «клиентов» заслуживала изрядного куска отдельной полки. А на них умещалась лишь малая часть архивов – распечатки, которые удобно иметь под рукой. В подвалах этого здания и во многих других размещались колоссальные архивы. Чудесно продуманная, большей частью секретная сеть пневмочты позволяла доставить нужные дела из офиса в офис за секунды.

На столе лежало несколько открытых папок. Имена в текстах были обведены кружками, подчеркнуты, соединены извилистыми линиями. К описаниям на картонках приклеены фотографии, лица, выхваченные из толпы длиннофокусными объективами.

Женщина пролистала папки. Надо учитывать очевидные улики, проверять версии. Надо собирать информацию у внедренных агентов и читать доносы. Надо делать все возможное, чтобы убедительно изобразить заинтересованность в поимке триумвира.

Вдруг внимание инквизитора привлекла четвертая стена, на которой кое-что изменилось.

Ее занимала карта Ресургема в равноугольной цилиндрической проекции. Она автоматически преобразовывалась в процессе терраформирования, показывая небольшие пятнышки зелени и синевы среди обширных полей серого, ржавого и белого – века назад они занимали всю карту. Кювье до сих пор оставался главным поселением, но уже дюжину форпостов можно было с уверенностью считать городами. К большинству позволяли добраться скоростные железные дороги, к остальным – каналы, шоссе либо грузовой магистральный трубопровод. Имелось несколько аэродромов, но способных быстро летать устройств катастрофически не хватало. По воздуху путешествовали только высокопоставленные чиновники. До небольших поселений – метеорологических станций, немногих оставшихся мест раскопок, – добирались на дирижаблях либо вездеходах, что занимало недели.

Красный огонек на карте мигал в северо-восточном углу, в сотнях километров от крайнего приличного поселения. Вызов от агента. Оперативники различались по кодовым номерам, что мерцали рядом с огоньком, указывающим на местоположение.

Оперативник номер четыре.

У инквизитора холодок побежал по спине. Агент номер четыре не выходила на связь уже давно. Очень давно.

Женщина набрала двумя пальцами запрос на клавиатуре стола, мучительно выискивая нужные клавиши, черные, тугие. Следовало проверить, доступен ли еще агент. Аппаратура сообщила: огонек мигает лишь два часа. Оперативник на связи, ожидает ответа.

Инквизитор взяла телефон со стола, прижала черный брусок к уху.

– Аллю?

– Отдел связи слушает.

– Соедините меня с оперативником номер четыре, повторяю, с оперативником номер четыре. Только аудио. Третий протокол передачи.

– Пожалуйста, оставайтесь на линии! Связь установлена.

– Переключитесь на защищенный канал!

Шипение в трубке чуть изменилось – офицер-связист отключился.

Инквизитор вслушивалась в шум, затаив дыхание.

– Четвертый? – выдохнула она в трубку.

Последовала мучительная пауза. Наконец сквозь помехи прорвался голос – слабый, захлестываемый статикой:

– Я слушаю!

– Четвертый, сколько лет, сколько зим...

– Да, – подтвердил женский голос, так хорошо знакомый. – Инквизитор Виллемье, как дела?

– По-разному. И удачи, и разочарования.

– Я понимаю. Нам необходимо встретиться. Срочно. У твоей конторы еще остались ее скромные возможности?

– В определенных рамках.

– Ну, так я предлагаю вплотную подойти к этим рамкам. И даже перешагнуть через них. Ты знаешь, где я сейчас. В семидесяти пяти километрах от меня есть небольшое поселение под названием Зольнхофен. За сутки я доберусь туда, остановлюсь в гостинице.

Затем агент назвала адрес гостиницы, где уже зарезервировала номер.

Инквизитор привычно прикинула в уме: по железной дороге и по шоссе до Зольнхофена ехать два-три дня. Если нанять дирижабль на конечной станции железной дороги, получится быстрее, но гораздо заметнее. Зольнхофен лежит в стороне от обычных аэромаршрутов. Конечно, что-либо быстролетающее доставило бы скорее, за полтора дня, даже если учесть необходимость облетов, уклонения от атмосферных фронтов. В обычной ситуации, получив срочный вызов от агента, Виллемье без колебаний воспользовалась бы самолетом. Но это же агент номер четыре. Нельзя привлекать внимание к операции. А меньше всего внимания будет привлечено, если инквизитор вообще не воспользуется воздушным транспортом.

Хотя будет труднее. Гораздо труднее.

– Это по-настоящему срочно и важно? – спросила инквизитор, предчувствуя ответ.

– Конечно. – В трубке раздался сухой смешок, похожий на кудахтанье. – Иначе вряд ли бы я позвонила.

– И это касается ее... то есть триумвира?

Конечно, это игра воображения – но так ярко представилась лукавая усмешка собеседницы...

– Кого же еще?

Глава 5

У кометы не было имени. Конечно, в свое время ее описали и внесли в каталог, но теперь информации о ней не осталось ни в одной общедоступной базе данных. О комете не знали пилоты транспортов, бороздящих систему, угонщики не приставали к ней, чтобы извлечь керн и узнать химический состав ядра. Со всех точек зрения – абсолютно непримечательное небесное тело в огромном рое таких же холодных обломков, дрейфующих на окраине системы. Миллиарды их медленно обращались вокруг Эпсилона Эридана. С момента образования системы к большинству этих обломков никто и ничто не прикасалось. Лишь изредка гравитационные возмущения срывали несколько штук с обычных мест и отправляли на орбиты, близкие к звезде. Но для других комет будущее состояло лишь из бесчисленных витков вокруг светила – пока оно не раздуется и не поглотит холодный мусор.

Эта комета по сравнению с ее сестрами была велика, хотя и не исключительно – можно найти по крайней мере миллион комет большего размера. Она представляла собой двадцатикилометрового диаметра шар из грязного черного льда, пористой смерзшейся смеси метана, окиси углерода, азота и кислорода, разбавленной соединениями кремния, простейшими углеводородами и несколькими искрящимися на свету фиолетовыми либо темно-зелеными прожилками органических макромолекул. Все это кристаллизовалось несколько миллиардов лет тому назад, когда Галактика была моложе и спокойней. Но теперь свет сюда практически не попадал, и сверкающая красота кометы пребывала во мраке. До Эпсилона Эридана – тринадцать световых часов, он кажется немногим больше остальных звезд.

Но однажды к безвестной комете прилетели люди. Их привезла флотилия черных кораблей, чьи трюмы распирало от машин. Комету одели в оболочку из прозрачного пластика, укрепив ее пористую, непрочную структуру. Издали оболочка оставалась совершенно незаметной. Отраженный сигнал радара либо данные спектрального анализа показывали лишь малейшие изменения, за порогом точности демархистской аппаратуры.

Укрепив комету оболочкой, люди затормозили ее вращение. Умело размещенные на поверхности ионные ракеты постепенно замедлили его и отцепились лишь после того, как остаточный угловой момент достиг минимума, не вызывающего подозрений.

К тому времени люди уже вовсю работали внутри кометы. Восемьдесят процентов ее массы пошло на создание твердой тонкой оболочки, укрепившей наружный слой. Образовалась сферическая полость пятнадцати километров в диаметре. Скрытые шахты позволяли сообщение с внешним миром, они были достаточно широки для умеренных размеров космического корабля. Верфи и ремонтные доки усеивали внутреннюю поверхность, словно кварталы городской застройки. Тут и там выступали приземистые черные купола, похожие на лакколиты, – криоарифметические процессоры, квантово-вычислительные машины, локально нарушающие второй закон термодинамики, охлаждающие поверхность кометы.

Клавэйн уже столько раз проделывал вход в комету, что не обращал внимания на внезапные, хаотично следующие друг за другом изменения курса, необходимые для того, чтобы не столкнуться со стенками вращающейся кометной оболочки. Во всяком случае, он успешно делал вид, что не обращает внимания, – на самом же деле всякий раз затаивал дыхание, проходя по шахте. Слишком уж это напоминало попытку протиснуться в закрывающуюся дверь. А с кораблем размера «Паслена» маневры были еще судорожней.

Рассчитывать вход он доверил компьютерам. Процедура была хорошо описана и просчитана, а строго определенные динамические задачи со многими неизвестными компьютеры решали гораздо лучше, чем люди. Даже лучше, чем сочленители.

Все, прошли! Корабль внутри.

Не в первый уже раз Клавэйн ощутил легкое головокружение при взгляде на внутреннее устройство кометы.

Полость недолго оставалась пустой. Ее заполнили движущимися конструкциями, огромными концентрическими ободьями, сложно совмещенными пространственно, так что в целом они напоминали древнюю сферическую астролябию.

Клавэйн смотрел на главную твердыню своего народа – Материнское Гнездо.

Оно состояло из пяти слоев. Внешние четыре вращались, создавая искусственное тяготение, с градацией в половину g . Каждый слой состоял из трех колец почти равного диаметра, с плоскостями вращения, повернутыми друг относительно друга на шестьдесят градусов. Места схождения колец закрывала гексагональная структура, где находились переходы между кольцами и механизмы, обеспечивающие вращение и поддержку равновесия посредством магнитных полей. Сами кольца были темными, испещренными мириадами крошечных светящихся окошек – и кое-где большими сияющими окнами.

Самая внешняя тройка колец поддерживала гравитацию в два g . В километре от них вращалось три меньших кольца, создавая тяготение в полтора g . Еще в километре находились три самых толстых кольца, наиболее тесно заселенных, где большинство сочленителей находилось почти все время. Затем следовали три тонких кольца, где создавалось тяготение в половину g . И наконец, в центре находилась неподвижная прозрачная сфера. Ядро, где отсутствовало тяготение. Там были и зеленая растительность, и яркие лампы, имитирующие солнечный свет, и места обитания различных животных. Там жили и играли дети, туда отправлялись умирать пожилые сочленители. Там Фелка проводила почти все время.

«Паслен» затормозил, придя в неподвижность относительно внешнего кольца. Оттуда уже вышли обслуживающие техники. Корабль чуть тряхнуло – к оболочке присоединились буксиры. Когда бригада покинет «Паслен», его отбуксируют к доку на внутренней поверхности оболочки. Там уже пришвартовалось множество кораблей. Темные продолговатые силуэты окружал лабиринт ремонтной и погрузочной техники. Однако большинство судов уступало размерами «Паслену» – и не было ни одного по-настоящему большого.

Клавэйн покинул корабль с обычным легким ощущением дискомфорта от не до конца выполненной работы. Много лет не понимал, отчего оно возникает всякий раз. Оказалось, оттого, что сочленитель покидает корабль не прощаясь, хотя они вместе провели много месяцев, трудясь и подвергаясь немалому риску.

У шлюза встретила автоматическая шлюпка – просторная коробка с большими окнами, на прямоугольной платформе, оснащенной реактивными двигателями и пропеллерами. Клавэйн взошел на борт, наблюдая, как от соседнего шлюза отчалила шлюпка большего размера. Сквозь ее окна заметил Ремонтуара, еще пару сочленителей и свинью, захваченную на корабле демархистов. Издали пленника, сгорбившегося, покорного, можно было принять за человека. Клавэйну подумалось, что бедняга смирился с участью и успокоился – но тут мелькнул металл обруча-усмирителя на голове.

По пути к Материнскому Гнезду разум свиньи протралила, но не отыскали ничего интересного. Память оказалась сильно заблокированной, и не сочленительским способом, а на криминальный манер Города Бездны: грубо и топорно, спецнами с черного рынка. Так делали, чтобы защитить доказывающие вину и просто особо важные воспоминания от инструментов, применяемых полицией Феррисвилльской конвенции: «сирен», «серпов», «мозгостуков» и «стирателей памяти». С техникой траления памяти, доступной в Материнском Гнезде, блокировку, вне сомнений, уберут без труда. А пока обнаружили только обычный набор мелкоразрядного уголовного с пристрастием к насилию – скорее всего, это член одной из бандитских группировок, орудующих в Йеллоустоне и Ржавом Поясе. Наверняка демархисты поймали его за чем-нибудь незаконным – но это для свиней обычно.

Клавэйн к гиперсвиньям относился с безразличием. На своем веку встречал их достаточно, чтобы убедиться: морально и эмоционально они не проще людей, создавших их в качестве слуг. Каждую нужно оценивать индивидуально. Свинья с застроенного фабриками спутника Ганеш трижды спасала жизнь Клавэйна во время пограничного Шива-Парватского инцидента в 2358 году. Двадцатью годами позже на спутнике Ирравель, на орбите Фанда, бандиты-свиньи захватили восемь солдат Клавэйна в заложники. Когда те отказались выдать нужную информацию, свиньи принялись поедать их заживо. Сбежать сумел лишь один. Клавэйн принял его мученические воспоминания и сохранил как свои. Хранились они в отдаленном углу памяти, хорошо защищенном – чтобы не заглянуть ненароком. Но даже это не заставило ненавидеть расу свиней в целом.

Но вот Ремонтуар может оказаться не настолько гуманным и терпимым. Некогда ему случилось побывать в плену у пирата-свиньи по кличке Седьмая Проба. Плен был долгим и страшным. Седьмая Проба был ранней версией гиперсвиньи, разум ему искалечили неудачные эксперименты по генетическому усовершенствованию мозга. Пират захватил Ремонтуара, изолировал от остальных сочленителей. Одно это стало пыткой. Но пират любил и старомодные истязания. А ремеслом палача он владел в совершенстве.

В конце концов Ремонтуар сумел вырваться. Пират умер. Но память Ремонтуара о пытках и ужасе осталась живой, душевные травмы не излечились – их последствия сказывались по сей день.

Клавэйн тщательно проследил за тем, как Ремонтуар тралит память свиньи – ведь траление легко превратить в пытку, и очень мучительную. И хотя Ремонтуар не сделал ничего выходящего за рамки и даже как будто трудился без особого энтузиазма, ощущение неправильности, без малого преступности происходящего не отпускало Клавэйна.

Лучше бы Ремонтуар не брался за это дознание. Вряд ли он относится к свинье так же, как и к пленнику-человеку.

Клавэйн смотрел вслед шлюпке, отвалившей от «Паслена», и думал, что видит свинью наверняка не в последний раз. И результат встречи еще не раз скажется. Затем улыбнулся и упрекнул себя в нелепой подозрительности. Это же просто мелкий бандит.

Он мысленно сформулировал команду для примитивной субличности, управлявшей шлюпкой. Та вздрогнула, отваливая от темной китообразной туши корабля. Понесла его сквозь огромный часовой механизм, меж крутящихся исполинских колес, к зеленой сердцевине, пребывающей в невесомости.

Эту крепость сочленители построили последней. Хотя у них всегда было нечто вроде Материнского Гнезда, на ранней стадии войны оно являлось лишь наибольшей из крепостей. Две трети сочленителей располагались на мелких базах по всей системе. Но разделение означало проблемы. Отдельные группы находятся в световых часах друг от друга, линии коммуникации доступны для перехвата. Невозможно разрабатывать стратегию в реальном времени, коллективное сознание нельзя распространить на несколько поселений. Общество сочленителей распадалось, люди нервничали. В конце концов они с большой неохотой приняли решение соединить все меньшие базы в одно огромное Материнское Гнездо, надеясь, что полученные за счет централизации преимущества перевесят риск сосредоточения всех важных объектов в одном месте.

Теперь стало ясно: решение оказалось исключительно удачным.

Приближаясь к наружной оболочке ядра, шлюпка замедлилась. Клавэйн ощущал себя ничтожным карликом рядом с исполинской зеленой сферой. Она мягко светилась, будто изобилующая растительностью, полная жизни планета. Шлюпка продавилась сквозь внешнюю мембрану в ядро.

Клавэйн опустил окно, чтобы смешать воздух внутри шлюпки с атмосферой ядра. В ноздрах защипало от запахов леса. Воздух был прохладный, свежий, как после отбушевавшей

грозы. Хотя Клавэйн много раз бывал в ядре, запах неизменно напоминал не о прежних посещениях, а о детстве. Не мог уже вспомнить, когда и где – но ведь брел через лес, вдыхал такой запах. Где же это было? Может, в Шотландии?..

Хотя в ядре отсутствовала гравитация, заполнявшие его растения не плавали свободно в воздухе. От края до края сферы простирались огромные дубовые стволы-балки длиной до трех километров. Они хаотически сливались, ветвились, образуя цитоскелетную структуру удивительной сложности. Местами расширялись достаточно, чтобы в их толще умещались комнаты и залы, из чьих окон лился мягкий свет. Пространство заполняла сеть тонких ветвей – к ней и крепилась большая часть растительности. Сквозь всю конструкцию тянулись трубопроводы для подачи питательных веществ, соединенные с аппаратурой в самом центре ядра. К наружной оболочке изнутри крепились лампы солнечного спектра; освещение следовало двадцатипятичасовому суточному циклу Йеллоустона. Подобные же лампы распределялись по всему объему сферы. Теперь они излучали холодный голубой свет полной луны, но вскоре заалеют рассветными красками, затем пройдут сквозь всю гамму цветов дня до рыже-красного закатного зарева.

Наступит ночь. В сумраке лес огласится стрекотанием, пением, призывами тысяч причудливо эволюционировавших ночных существ. Сидя на дубовом стволе в центре леса среди ночи, легко поверить, что он простирается во все стороны на тысячи километров. Едва ли можно заметить огромные вращающиеся колеса в паре сотен метров за наружной мембраной. К тому же их движение бесшумно.

Шлюпка нырнула в гущу леса, завиляла в зарослях. Робот-пилот знал, куда доставить Клавэйна. Он то и дело замечал сочленителей – преимущественно стариков и детей. Дети рождались и росли на кольцах с нормальным тяготением, но с шестимесячного возраста их регулярно привозили сюда. Под руководством стариков дети обучались движению и ориентированию в невесомости. Для большинства это выглядело игрой, но самых перспективных замечали – и готовили для участия в войне. Очень немногие показывали такие способности к ориентированию в пространстве, что их предназначали для штабной работы, для планирования сражений.

Старики, как правило, были слишком слабы для жизни в кольцах с тяготением. Зачастую, прибыв в ядро, уже до смерти его не покидали. Клавэйн миновал двоих, одетых во внешние экзоскелеты, служившие и медицинской системой жизнеобеспечения, и средством передвижения. Ноги стариков бессильно волочились позади. Эти люди уговаривали пятерку детишек прыгнуть с ветви в открытое пространство.

Наблюдаемая невооруженным глазом, сцена казалась зловещей: черные одежды детей, шлемы, защищающие головы от столкновения с ветками. Глаза спрятаны за черными очками, выражения лица не разобрать. Старики тоже в однотонной блеклой одежде, хотя и без шлемов. На лицах – никакого удовольствия. Клавэйну они напоминали могильщиков за отправлением погребального ритуала.

Клавэйн приказал имплантатам показать, как дети видят друг друга и взрослых. Перед глазами замельтешило, из воздуха соткалось яркое разноцветье. Теперь дети были облачены в красочные пышные одежды, со спиральными и зигзаговидными узорами, указывавшими на происхождение и занятия родителей. Шлемы исчезли с голов. Двое оказались мальчиками, три – девочками. Возраст – между пятью и семью. Особой радости на их лицах не отмечалось, но страдания либо скуки тоже не было. Все выглядели немного испуганными, возбужденными. Несомненно, дети смотрели друг на друга как на соперников, прикидывали, стоит ли риска слава храбреца, первым отважившегося на полет.

Пара стариков выглядела почти как раньше, но теперь Клавэйн подстроился к их мыслям и настроению. Желаящие подбодрить и воодушевить детей, старики выглядели не унылыми,

а скорее серьезными и очень терпеливыми. Готовыми денно и нощно ухаживать за подопечными.

Изменилась и обстановка вокруг. Воздух наполнили похожие на самоцветы бабочки, стрекозы, спешащие по своим насекомым делам. Неоново лучащиеся гусеницы ползли сквозь зелень. Колибри зависали над цветками, передвигались от одного к другому с точностью отлаженных заводных игрушек. Обезьянки, лемуры и летяги, сверкая глазами, вольно скакали через пространство.

Теперь Клавэйн наблюдал упрощенный, сказочный мир, воспринимаемый детьми на протяжении всей их жизни. С возрастом поступающие в их мозг данные будут слегка редактироваться. Малыши не заметят изменений – но по мере взросления существа, населяющие лес, сделаются более реалистичными, меньше размером, проворней и пугливей; цвета их шерсти и перьев приблизятся к настоящим. В конце концов дети станут видеть лишь настоящих животных. К тому времени – к возрасту десяти-одиннадцати лет – детям осторожно и тщательно разъяснят роль машин, до тех пор определявших видение мира. Подрастающее поколение узнает о нейроимплантатах, о способе изменить восприятие реальности, придать видимому любую воображаемую форму.

У самого Клавэйна взросление и обучение были куда жестче. Учиться пришлось при втором попадании на Марс, в гнездо Галианы. Она показала детский сад, где воспитывались подрастающие сочленители, но тогда Клавэйн еще не имел своих имплантатов. После он был ранен, и в его мозг ввели наномшины. Навсегда запомнилось шокирующее осознание того, что человеческим мировосприятием можно управлять извне. Невероятное ощущение: сотни и сотни разумов прикасаются к твоему, и ты – часть целого. Но наиболее потрясло видение мира, в котором жили сочленители. У психологов имелся особый термин для подобных ощущений: «когнитивный прорыв». Правда, немногие из них испытали когнитивный прорыв на себе.

Дети вдруг обратили внимание на гостя.

– Клавэйн! – Мальчик втокнул мысль-возглас в его разум.

Клавэйн приказал шлюпке остановиться посреди пространства, используемого детьми для обучения полетам, сманеврировал, чтобы оказаться на одном уровне с малышами.

– Здравствуйте! – Он выглянул наружу, стиснув поручни – словно проповедник на кафедре.

– Где вы были? – спросила девочка, глядя пристально.

– Снаружи, – ответил он, посмотрев на пару наставников.

– Снаружи? За Материнским Гнездом? – допытывалась девочка.

Клавэйн не мог определиться с ответом. Не помнил, сколь много знали об окружающем мире дети этого возраста. Конечно, о войне им неизвестно. А упоминания о ней избежать трудно, если рассказывать о том, чем он занимался снаружи.

– Да, за Материнским Гнездом, – ответил он осторожно.

– В корабле?

– Да, в очень большом космическом корабле.

– А можно мне его увидеть?

– Думаю, когда-нибудь станет можно. Но не сегодня.

Он ощутил беспокойство стариков, хотя оформленной мысли те не передали.

– А что вы делали на корабле?

Клавэйн поскреб в бороде. Он не любил обманывать детей, никогда толком не умел добродушно и беззлобно лгать. Лучше кое о чем умолчать, не пускаться в подробности.

– Я помог человеку.

– А кто он?

– Одна юная леди.

– А почему ей нужно было помогать?

– С ее кораблем случилась беда. Ей требовалась помощь, а я как раз пролетал неподалеку.
– Как зовут эту леди?
– Бакс. Антуанетта Бакс. Я подтолкнул ее, чтобы не упала на газовый гигант.
– А зачем она летала у газового гиганта?
– Честно говоря, не знаю.
– Клавэйн, а почему у нее два имени?
– Потому что... – начал он и вдруг понял: если продолжать в том же духе, неизбежно уткнешься в войну. – Послушайте, дети, мне нельзя вас отрывать от важного дела!
Он почувствовал перемену в настроении стариков – те испытали огромное облегчение.
– Ну, и кто мне покажет, как хорошо он умеет летать?
Такого подбадривания от знаменитого взрослого детям как раз и не хватало. Сразу в голове зазвучал хор: «Клавэйн, я, это я!»
Он смотрел, как дети, спеша опередить друг друга, прыгают в пустоту.

Мгновение назад он еще смотрел на сплошную стену растительности, но шлюпка вдруг прорвала зеленое мерцание и выплыла на поляну. После встречи с детьми полет продолжался всего три-четыре минуты. Робот знал, где искать Фелку.

Поляна имела сферическую форму, окруженная зеленью со всех сторон. Ее прорезала дубовая балка, к которой лепились жилища. Шлюпка приблизилась к балке и зависла, позволяя Клавэйну сойти. Тот поплыл, цепляясь за лозы и лестницы, отыскивая проход внутрь. Слегка закружилась голова. В глубине мозга рождался крик протеста против этого безрассудного полета сквозь крону высокого леса. Но долгие годы приучили не замечать этого беспокойства.

– Фелка! – позвал он. – Это Клавэйн!

Ответа не последовало. Клавэйн полез дальше, головой вперед.

– Фелка? – смущенно позвал он.

– Клавэйн, здравствуй!

Голос, сфокусированный причудливыми изгибами полости, показался грохотом, хотя самой Фелки вблизи не было видно.

Не уловив ее мыслей, Клавэйн поплыл на голос. Фелка редко участвовала в умственном единении сочленителей. А когда участвовала, Клавэйн сохранял дистанцию, не пытаясь проникнуть в ее разум. Уже давно они договорились не соприкасаться разумами, разве что на самом поверхностном уровне. Большее воспринималось как непрошеное вторжение в личное пространство.

Колодец завершился расширением, похожим на матку. Там, в своей лаборатории-студии, Фелка жила почти безвылазно. На стенах – головокружительно сложная древесная текстура. Клавэйну ее эллипсы и узлы напоминали геодезические контуры сильно деформированного пространства. Настенные светильники порождали грозные монстрообразные тени.

Он оттолкнулся пальцами, проплыл, касаясь причудливых деревянных фигурок, свободно парящих в комнате. Большую их часть узнал, но появилась и парочка новых. Подхватил на лету одну, брякнувшую глухо, поднес к глазам. Спираль в форме человеческой головы, в проеме видна голова поменьше, а в ней еще одна. Возможно, есть и другие. Клавэйн выпустил предмет, подхватил другой – сферу, ошетилившуюся деревянными шипами, выдвинутыми на разные расстояния. Потрогал один – и тотчас внутри сферы шелкнуло и передвинулось, будто в личинке замка.

– Фелка, вижу, ты времени зря не теряла.

– И не я одна, – ответила она. – Я слышала отчет. Загадочный пленник?

Клавэйн проплыл мимо дрейфующих деревянных устройств, обогнул балку. Протиснулся сквозь входное отверстие в небольшое помещение без окон, освещенное лишь фона-

рями. Их свет окрашивал розовым и изумрудно-зеленым землистые стены. Одна состояла целиком из деревянных лиц, со слегка искаженными, укрупненными чертами. С краю находились лица лишь полуоформленные, напоминающие изъеденных кислотой горгулий. Воздух благоухал смолой.

– Вряд ли пленник – персона значительная. Личность еще не установили, но, скорее всего, это обычный уголовник из гиперсвиной. Траление открыло с полной определенностью: недавно он убивал людей. О деталях распространяться не буду, щадя твой слух, но этот подонок весьма изобретателен в убийствах. Творческая личность. Свиной зря считают лишенными воображения.

– Я их никогда не считала лишенными воображения. А что за дело со спасенной женщиной?

– Забавно, как быстро распространяются слухи. – Он тут же вспомнил, что сам рассказал детям про Антуанетту Бакс.

– Она удивилась?

– Не знаю. А ей стоило удивиться?

Фелка фыркнула.

Она парила среди студии, в мешковатой рабочей одежде похожая на раздувшуюся планету, окруженную множеством хрупких деревянных спутников. Дюжина неоконченных поделок крепилась к талии нейлоновыми шнурами. Такие же шнуры удерживали у пояса инструменты: от простейших штихелей и напильников до лазеров и крошечных роботов-бурильщиков.

– Наверное, она ждала смерти. В лучшем случае присоединения к нам.

– Кажется, тебя смущает, что нас боятся и ненавидят.

– Да, над этим стоит задуматься.

Фелка вздохнула, словно они говорили об этом много раз и никак не могли убедить друг друга.

– Клавэйн, мы давно знакомы?

– Для обычного людского знакомства – очень давно.

– Да. И большую часть этого времени ты был солдатом. Конечно, не всегда воевал. Но в воображении ты всегда был на войне.

Не отводя от Клавэйна взгляда, Фелка подхватила неоконченную конструкцию, посмотрела сквозь ее проемы.

– И отчего-то мне думается: не поздно ли для нравственного самокопания, а?

– Возможно, ты права.

Фелка прикусила нижнюю губу. Ухватившись за шнур потолка, подтянулась к стене; рой прицепленных к поясу инструментов и поделок заклацал, застучал. Она взялась готовить чай для гостя.

– Тебе не потребовалось ощупывать мое лицо, – заметил Клавэйн. – Следует воспринимать это как хороший знак?

– Знак чего?

– Того, что ты стала лучше распознавать лица.

– Не стала. Ты заметил стену лиц по пути сюда?

– Похоже, ты соорудила ее недавно.

– Когда приходят те, кого я не могу узнать, я ощупываю лица, запоминая ощущения в кончиках пальцев. Затем щупаю деревянные лица на стене, пока не отыщу схожее. Затем читаю подпись. Конечно, временами приходится добавлять новые лица. Но некоторым достаточно и грубого подобия.

– А я?

– У тебя же борода, много морщин. И редкие седые волосы. Насчет тебя едва ли можно ошибиться. Ты не похож ни на кого.

Она протянула колбу с чаем. Клавэйн выдавил в рот струйку обжигающей жидкости.

– Да уж, не похож. Тут, пожалуй, и сказать нечего...

Он постарался взглянуть на Фелку со всей возможной беспристрастностью, сравнивая ее теперешнюю и давешнюю, какой она была до его путешествия на «Паслене». Миновала только пара недель, однако Фелка казалась замкнутой, отделившейся от мира. Такого не было уже несколько лет. Рассказывала о гостях – но их вряд ли было много.

– Фелка, посмотри на меня, – попросил он.

Ее черные волосы – такие же длинные, как у Галианы, – были спутаны и грязны. В уголках глаз – крупитцы засохшей слезы. Радужки бледно-зеленые, почти нефритового оттенка – и бледно-розовые белки в сеточке кровавых жилок. Под глазами синеватые дрябловатые мешочки. В отличие от большинства сочленителей Фелке, как и Клавэйну, требовался сон.

– Пообещай мне.

– Что именно?

– Если... вернее, когда станет совсем плохо, ты же мне скажешь, правда?

– И какой в этом смысл?

– Ты ведь знаешь, я всегда стараюсь сделать как лучше для тебя. Галианы больше нет с нами, остается лишь мне...

Ее красные от бессонницы глаза смотрели внимательно и строго.

– Ты всегда старался как мог. Но не в твоих силах изменить мою суть. Ты не волшебник.

Он уныло кивнул. Печальная истина. Сделать и впрямь ничего нельзя.

Фелка не была похожа на других сочленителей. Впервые Клавэйн ее встретил, когда во второй раз посетил Гнездо Галианы на Марсе. Фелка была крошечным ущербным ребенком, результатом неудачных экспериментов с мозгом зародыша. Она не только не распознавала лица – вообще была не способна к общению с людьми. Весь ее мир составляла единственная, без остатка поглощающая игра. Гнездо Галианы окружало гигантское сооружение, известное как Великая Марсианская Стена, плод неудачной попытки терраформирования, поврежденный предыдущей войной. Но Стена не обрушилась, поскольку игра Фелки включала принуждение аппаратов самовосстановления Стены к действию – бесконечный увлекательный процесс выявления неполадок и распределения скудных драгоценных ресурсов. Стена высотой в двести километров сложностью не уступала человеческому телу, а Фелка управляла всем ее существом, была ее иммунитетом, контролируя вплоть до крохотной клетки. Справлялась Фелка гораздо лучше компьютера. Хотя и не могла общаться с людьми, она с удивительной легкостью решала сложнейшие задачи.

В конце концов Стена пала под натиском прежних соратников Клавэйна, Коалиции за невральную чистоту. Галиана, Фелка и Клавэйн предприняли отчаянную попытку удрать из Гнезда. Галиана пыталась разубедить Клавэйна, не хотела брать Фелку. Говорила, что для нее стресс расставания со Стеной окажется горше смерти. Но Клавэйн все равно забрал девочку, убежденный, что она не безнадежна, ее разум способен найти замену Стене.

И оказался прав – но на доказательство правоты ушло много лет.

На протяжении четырех веков – хотя субъективно Фелка прожила лишь столетие – ее мягко подталкивали, уговаривали, обучали, приведя к нынешнему хрупкому душевному равновесию. Осторожные, кропотливые модификации мозга вернули ей многие способности, разрушенные экспериментами с мозгом зародыша. В ней крепло убеждение в том, что люди – не просто движущиеся объекты, а нечто живое, разумное и подобное ей. Многие восстановить не удалось. Например, Фелка не научилась узнавать лица. Но успехов было гораздо больше. Она нашла для себя интересные занятия; она никогда не была так счастлива, как во время долгого

межзвездного путешествия. Каждый новый мир представал перед ней восхитительно сложной головоломкой.

Но в конце концов Фелка решила повернуть домой. С Галианой она не поссорилась и отношения к ней не изменила. Просто ощутила, что настало время осмыслить и обобщить узнанное – а этим лучше всего заниматься в Материнском Гнезде с его огромными вычислительными ресурсами и базами данных.

Но по возвращении она застала Материнское Гнездо увязшим в войне. Клавэйн тут же отправился сражаться с демархистами, а Фелка обнаружила, что анализ привезенных экспедицией данных – более не первостепенная задача.

Клавэйн наблюдал, как год за годом Фелка очень медленно, едва заметно отступала в свой мир, закрытый для остальных. Принимала все меньше участия в жизни Материнского Гнезда, изолировала разум от других сочленителей, открываясь лишь изредка. Когда вернулась Галиана в жутком промежуточном состоянии, не живая и не мертвая, Фелке стало заметно хуже.

Окружавшие ее поделки были отчаянной попыткой занять разум хоть чем-то соответствующим его способностям. Но все это было обречено рано или поздно наскучить. Клавэйн уже наблюдал подобное. Знал, что нужное ей он дать не в силах.

– Возможно, когда война закончится, мы снова полетим к звездам, будем исследовать... – беспомощно забормотал он.

– Клавэйн, не давай обещаний, которых не можешь выполнить.

Фелка швырнула свою колбу с чаем на середину комнаты. Принялась рассеянно ковырять недоделанную игрушку – куб, сделанный из меньших кубов, с квадратными отверстиями в гранях. Сунула резец в отверстие, заскребла, почти не глядя на вещь.

– Я ничего не обещаю, – возразил Клавэйн. – Просто говорю: сделаю, что смогу.

– Жонглеры образами мне вряд ли помогут.

– Не попробуешь – не узнаешь, разве нет?

– Да, попробовать можно.

– Вот и прекрасно!

В поделкебрякнуло. Фелка зашипела, будто рассерженная кошка, отбросила испорченную вещь. Та врезалась в ближайшую стену, рассыпалась на сотни угловатых кусочков.

Почти машинально Фелка схватила новую поделку и принялась работать над ней.

– А если не помогут жонглеры, можем попытаться счастья у затворников.

– Давай не будем забегать вперед, – улыбнулся Клавэйн. – Если не получится с жонглерами, подумаем о других возможностях. Но это потом. У нас осталось небольшое, но важное дело – выиграть войну.

– Говорят, исход известен. Война скоро кончится в нашу пользу.

– Говорить легко.

Резец неловко повернулся в руке Фелки, скользнул по пальцу. Чуть вспорол кожу, отделил лоскуток. Фелка сунула палец в рот, потянула воздух, будто высасывала из лимона сок до последней капли.

– И отчего же ты сомневаешься?

Захотелось понизить голос, хотя в этом не было никакого смысла.

– Не знаю. Возможно, я попросту старый дурак. Но для чего еще старые дураки нужны, если не для сомнений?

– Клавэйн, пожалуйста, не говори загадками, – терпеливо попросила Фелка.

– Дело в Скади и Узком совете. Что-то затевается – и я не знаю что.

– И что конкретно тебе не нравится?

Клавэйн задумался над ответом. Как бы он ни доверял Фелке, все же она член Узкого совета. Да, она в последнее время не участвует в заседаниях и, скорее всего, не знает о событиях, но это мало что меняет.

– Мы уже целый век не строим корабли. Никто не объяснил мне почему, и я давно понял: спрашивать бесполезно. Но с некоторых пор до меня доходят слухи о секретных разработках, о негласных экспериментах, о тайных программах развития технологий. Когда демархисты уже готовы капитулировать, Узкий совет вдруг объявляет о совершенно новом звездолете. «Паслен» – это прежде всего оружие. Фелка, ну против кого они его применяют, если не против демархистов?

– Они?

– Я имел в виду – мы.

– И ты задумался, не планирует ли Узкий совет что-то большое и важное?

– Имею право поинтересоваться, – ответил Клавэйн, посасывая чай.

Фелка замолчала. Резец мерно скреб по древесине.

– Клавэйн, ты же знаешь: если я могу ответить на твои вопросы, я отвечаю. Но никогда не раскрою доверенного мне Узким советом. И ты бы не раскрыл на моем месте.

– Я ничего другого и не ожидал. – Он пожал плечами.

– Но если бы я и захотела раскрыть, не смогла бы. Похоже, я не знаю очень многого. Например, чем занимается Внутреннее святилище. Меня никогда не подпускали к нему, и уже несколько лет я не имею доступа к материалам Узкого совета. – Фелка указала резцом на свою голову. – Кое-кто даже хочет, чтобы оттуда вычистили все воспоминания об Узком совете, о моей активной деятельности в нем. Их останавливает лишь непонятная анатомия моего мозга. Нет уверенности, что сотрешь нужное.

– У каждой монеты две стороны.

– Да. Но у этой проблемы есть решение. Притом очень простое.

– И какое же?

– Ты всегда можешь присоединиться к Узкому совету.

Клавэйн вздохнул. Задумался, отыскивая лучший ответ. Впрочем, к чему стараться? Никакой ответ Фелку не убедит.

И тогда он попросил:

– А можно еще чаю?

Скади шагала по плавно изгибающимся серым коридорам Материнского Гнезда. Гребень на ее черепе пылал ярко-фиолетовым цветом крайней сосредоточенности и гнева. Она спешила в зал, договорившись о встрече с Ремонтуаром и представительной группой способных явиться во плоти членов совета.

Разум Скади работал почти на предельной скорости, готовя эту очень важную и ответственную встречу – быть может, самую важную в деле привлечения Клавэйна в совет. Большинство членов совета сделалось пешками в руках Скади, но оставались упрямы, которых убедить будет очень нелегко.

Также она просматривала результирующие данные о работе аппаратуры, смонтированной на «Паслене». Они поступали в мозг с компада, – закрепленный на животе, тот напоминал пластину бронежилета. Данные воодушевляли: похоже, кроме проблемы сохранения секретности, ничто более не препятствует испытаниям крупнее и серьезнее. Скади уже сообщила главному конструктору хорошую новость, с тем чтобы последние модификации, опробованные на «Паслене», были применены на кораблях, предназначенных для исхода.

Вдобавок ко всему разум Скади был занят еще и осмыслением свежего послания от Феррисвильской конвенции.

И послание это не предвещало хорошего.

Скади воспроизвела его снова, не убавляя шага. Перед лицом плясало изображение говорящего. Проигрывалась запись на скорости, десятикратно превышающей нормальную, отчего жесты казались нервными судорогами.

– Это формальный запрос ко всем членам фракции сочленителей, – говорил представитель. – Феррисвильской конвенции известно, что судно сочленителей взяло на бордаж демархистский корабль вблизи газового гиганта, находящегося в спорном пространстве...

Скади ускорила шаг. Она воспроизвела послание уже восемнадцать раз, отыскивая нюансы, указывающие на скрытые оттенки смысла либо обман. В запросе содержался длинный и чрезвычайно скучный список отсылок к законам и уложениям конвенции. Их Скади проверила, осмыслила и нашла совершенно непробиваемыми.

– Сочленители не были осведомлены о том, что капитан корабля демархистов Марушка Чанг уже вступила в контакт с официальными представителями Феррисвильской конвенции касательно передачи в их ведение находящегося на борту заключенного. Упомянутый заключенный появился на борту корабля демархистов, будучи арестован на подлежащем юрисдикции демархистов астероиде, где находится военная база, согласно...

Опять нудный список актов и законов. Надо прокрутить вперед.

– Упомянутый заключенный, гиперсвинья, известный Феррисвильской конвенции как Скорпион, находится в розыске по подозрению в совершении следующих нарушений закона о чрезвычайном положении...

Скади просмотрела послание еще раз, но не обнаружила ничего, не замеченного ранее. Законники конвенции слишком озабочены мельчайшими юридическими деталями, чтобы решиться на обман. С очень высокой вероятностью сказанное о гиперсвинье – правда. Скорпион – известный властям преступник, злобный убийца, склонный к насилию, прежде всего над людьми. Должно быть, Чанг сообщила конвенции о передаче преступника, используя сфокусированный луч, причем до того, как «Паслен» сумел приблизиться на расстояние, достаточное для перехвата таких сообщений.

А Клавэйн, будь он неладен еще раз, не сделал должное, не уничтожил корабль демархистов при первой возможности. Конвенция бы поворчала, но ведь Клавэйн имел полное право так поступить. Он мог не знать о наличии на борту заключенного и уж вовсе не был обязан расспрашивать врага перед тем, как открыть по нему огонь. А вместо этого взял и спас гиперсвинью.

– Требуем немедленного предоставления пленного в наше ведение, в нормальном состоянии здоровья, без каких-либо нейроимплантатов в мозгу, в течение двадцати шести стандартных дней. Неподчинение этому требованию приведет... – Представитель конвенции замолчал, с нелепой значительностью потер руки и продолжил: – Неподчинение этому требованию неизбежно приведет к значительному ухудшению отношений между фракцией сочленителей и Феррисвильской конвенцией.

Скади хорошо понимала представителя. Не то чтобы свинья-уголовник сам по себе такая ценность. Но его передача исключительно важна как пример и прецедент. В пространстве, формально контролируемом силами конвенции, дела с поддержанием законности обстоят до крайности скверно. А свиньи – могущественное и не слишком чтящее закон сообщество. Преступность захлестывала Феррисвильскую конвенцию и в ту пору, когда Скади по поручению Узкого совета отправилась на тайную операцию в Город Бездны, где едва не погибла. С тех пор обстановка определенно не улучшилась. Захват свиньи, образцово-показательный суд и казнь весьма отчетливо просигналят преступному миру, а в особенности криминальным слоям общества свиней: закон силен и действен. На месте представителя конвенции Скади тоже добивалась бы выдачи преступника.

Но оттого ситуация с гиперсвиньей проще не становилась. С одной стороны, в теперешних обстоятельствах – тех, о каких знали лишь немногие, – не было никакой необходимости

идти на поводу у конвенции. Еще немного, и он потеряет всякую значимость для сочленителей. Главный конструктор заверил: строительство эвакуационной флотилии завершится через семьдесят дней. Причин сомневаться в точности прогноза нет.

Менее чем через три месяца все прочее потеряет значение. Но и тут кроется серьезная проблема. Существование флота и, главное, причину его строительства следует держать в полном секрете. У всякого внешнего наблюдателя должно создаться впечатление, будто пауки просто рвутся к победе, наращивают силы. Любая другая мотивация непременно вызовет подозрения и в Материнском Гнезде, и снаружи. А если правду откроют демархисты, есть шанс – пусть и крохотный, но отнюдь не пренебрежимо малый, – что они сумеют сплотиться и переломить ход войны. Используют полученную информацию, чтобы привлечь прежде нейтральные стороны. Сейчас демархисты обессилены, но если соединятся с ультра, они смогут серьезно помешать планам Скади.

Нет. Чтобы наверняка обеспечить победу, следует хотя бы внешне придерживаться конвенции. Придется найти способ возвращения свиньи, причем до того, как начнут разрастаться подозрения.

Гнев захлестнул Скади целиком. Она заставила изображение представителя замереть, почернеть – и решительно ступила сквозь него. Оно разлетелось черными хлопьями, стаей воронья.

Глава 6

Служебный самолет в кратчайшее время доставил бы инквизитора в Зольнхофен, но она решила последний участок пути проделать наземным транспортом, высадившись у ближайшего к месту назначения городка.

Назывался он Одюбон и представлял собой россыпь складов, лачуг и жилых куполов, пронизанную грузовыми трубопроводами, линиями железной дороги и шоссе. На окраине вонзались в шиферно-серое северное небо ажурные мачты причалов для дирижаблей. Но все пустовало – и не похоже было, что дирижабли прибывали в последнее время.

Самолет выпустил пассажирку на забетонированную полосу между складами, выщербленную, со следами колес. Инквизитор шла быстро, шурша сапогами о колючую поросль приспособленной к Ресурге му травы, пробивавшейся тут и там через бетон. Тревожась немного, она посмотрела, как самолет взлетает и уходит назад, к Кювье, готовый служить другому чиновнику, пока инквизитор не закажет обратный рейс в столицу.

За ней наблюдали копошившиеся поблизости рабочие, но в таком отдалении от Кювье инквизиция особого интереса не вызвала. Конечно, и здесь многие сразу узнают в неожиданной гостье чиновника, пусть и в гражданской одежде, – но уж вряд ли предположат, что она преследует военного преступника. Скорее, посчитают сотрудницей полиции либо одного из множества отделов правительства, присланной для контроля расходов. Если бы она прибыла с вооруженным конвоем – отрядом полиции либо роботом, – то привлекла бы больше внимания.

Люди поспешно отворачивались, заметив, что инквизитор на них смотрит, отходили прочь. До придорожной гостиницы она добралась беспрепятственно.

Виллемье носила темную, ничем не выделяющуюся одежду, поверх нее – длиннополый плащ, оставшийся с той поры, когда на планете бушевали бритвенные бури. У ворота спереди располагался карман для дыхательной маски. Наряд дополняли черные перчатки. На спине висел рюкзачок с личными вещами. Лоснящиеся черные волосы были коротко пострижены, челка спадала на глаза. Она скрывала небольшую рацию с наушником и ларингофоном. Это устройство инквизитор собиралась использовать исключительно для вызова самолета. Вооружена она была небольшим пистолетом-бозером, изготовленным ультра; в глазу сидела контактная линза-прицел. Но пистолет – лишь для уверенности. Использовать его вряд ли придется.

Гостиница представляла собой двухэтажное здание у главной трассы на Зольнхофен. Огромные грузовики с широкими дутыми колесами рокотали на шоссе, под их высокими рамами свисали перезрелыми гроздьями гофрированные контейнеры. Водители сидели в герметичных кабинах, закрепленных на суставчатых кронштейнах. Такая кабина могла и опускаться до земли, и высоко подниматься, позволяя водителю перебраться в нее с верхнего этажа здания.

Обычно водитель находился в головной машине каравана из четырех-пяти машин. Никто не доверял автоматике настолько, чтобы оставить грузовики без присмотра.

Гостиница выглядела ветхой и грязной, потому инквизитор решила не снимать перчаток. Она подошла к компании шоферов, которые сидели за столом и вели скучный разговор, в основном жалуясь на скверную работу. На столе – чашки с недопитым кофе, тарелки с объедками и плохо отпечатанная газета со свежим портретом Торна. Статья перечисляла его новые антиобщественные деяния. Коричневая дуга подсохшего кофе окружала голову террориста, словно нимб.

Инквизитор долго стояла рядом с шоферами. Показалось – несколько минут. Наконец один соизволил обратить внимание.

– Меня зовут Виллемье, – сообщила она. – Мне нужно в Зольнхофен.

– Виллемье? Что-то я такое слышал...

– Я рада. Но это обычное на Ресургеме имя.

Водитель смущенно кашлянул, затем проговорил с сомнением:

– В Зольнхофен, значит?

Будто услышал впервые.

– Именно в Зольнхофен. Это небольшое поселение у дороги. Больше того, оно первое на трассе после этого городка. Наверняка вы его проезжали пару раз.

– Милашка, Зольнхофен мне вовсе не по пути.

– Разве? Как интересно. А я думала, ваш путь напрямик идет через Зольнхофен. Трудно представить, как он может быть не по пути. Разве что вовсе с дороги съехать.

Она достала деньги. Хотела положить на усыпанный объедками стол, но передумала. Покачала ими перед носом водителей, купюры хрустели, зажатые черной кожей перчатки.

– Вот мое предложение: половина сразу – тому, кто доставит меня в Зольнхофен, на четверть больше – если выезжаем в пределах получаса, остальное – если прибудем до рассвета.

– Я бы в принципе мог, – сказал один. – Но в такое время года несподручно...

– Торговаться не стану, – перебила Виллемье, решившая не играть в дружелюбие.

Она не надеялась понравиться водителям. Чиновников эти парни на дух не переносят и соглашаются делить с ними кабину только за приличные деньги. Едва ли можно винить шоферов за это. Здешние чиновники любого калибра – малоприятная публика.

Если бы Виллемье сама не была инквизитором, она боялась бы инквизиторов до дрожи.

Но деньги умеют творить чудеса. Через двадцать минут она уже сидела в кабине мощного грузовика и смотрела, как тускнеют позади огни Одиубона. Машина везла лишь один контейнер. Она мягко пружинила на огромных колесах, покачивалась, убаюкивала. В кабине было тепло и спокойно. Водитель предпочел слушать музыку, а не вести пустые разговоры.

Поначалу Виллемье следила за работой шофера. Машина лишь изредка требовала его участия. Несомненно, она вполне удержалась бы на дороге и без человеческой помощи, но местный профсоюз настоял на присутствии водителя.

Изредка проносились встречные грузовики, но большей частью впереди расстилалась только бескрайняя и безлюдная ночь. Казалось, они едут в никуда, в сплошную темноту.

На коленях Виллемье лежала газета со статьей о Торне. Инквизитор перечитала ее несколько раз, ощущая усталость. Мертвый казенный стиль, спотыкающиеся фразы. В статье Торна и его сподвижников представляли бандой отъявленных бандитов, озобоченных свержением правительства с единственной целью: ввергнуть колонию в хаос анархии. Лишь мельком упоминалась объявленная Торном цель – эвакуировать Ресургем, используя субсветовик триумвира. Инквизитор знала достаточно о Торне, чтобы представлять его истинное намерение. Еще со времен Силвеста одно правительство за другим упорно отрицало грозящую колонии опасность, возможность повторения того, что погубило амарантийцев миллион лет назад. Со временем – в темные, отчаянные годы, последовавшие за падением режима Жирардо, – перспективу гибели колонии во внезапной катастрофе прекратили обсуждать публично. Одно упоминание об амарантийцах, не говоря уже об их судьбе, обеспечивало человеку клеймо потенциального бунтовщика, нарушителя порядка. Но Торт был прав. Хотя катастрофа не угрожала разразиться в ближайшем будущем, опасность сохранялась.

Его сподвижники и в самом деле совершали теракты против правительства, но они нанесли точно рассчитанные удары, с минимумом посторонних жертв. Иногда это делалось ради саморекламы, но большей частью ради грабежа. Свержение нынешнего правительства, безусловно, входило в планы Торна, но единственной целью не являлось.

Торт полагал, что субсветовик триумвира еще находится неподалеку, в пределах звездной системы. И считал, что правительство знает, где именно этот звездолет. Утверждал, что у правительства есть два работающих шаттла, способных перевезти население на корабль «Ностальгия по бесконечности».

Потому Торн составил несложный план: сперва выяснить, где находятся шаттлы, потом свергнуть правительство либо так ослабить его, чтобы беспрепятственно захватить корабли. Наконец предоставить населению возможность собраться в одном месте, откуда шаттлы смогут перевезти желающих на субсветовик. Последнее действие подразумевало захват власти, но Торн неоднократно подчеркивал, что хочет обойтись наименьшей кровью.

Судя по статье, в нежелании проливать кровь Торна уж точно нельзя заподозрить. Угроза Ресургему объявлялась смехотворной, цели Торна извращались, сам он выставлялся безумным маньяком, число гражданских жертв сильно преувеличивалось.

Инквизитор внимательно рассмотрела портрет. Она никогда не встречала Торна лично, но знала о нем многое. Рисунок мало походил на оригинал, но Департамент внутренних угроз счел изображение достаточно правдивым. Что ж, тем лучше.

– Я бы на вашем месте не тратил время на эту чепуху, – заявил вдруг водитель, когда Виллемье наконец задремала. – Парень уже труп.

– Кто? – спохватилась она, моргая.

– Торн. – Шофер ткнул толстым пальцем в газету. – Ну, тот, который на рисунке.

Интересно, этот человек специально выжидал, когда она задремлет? Это у него такие невинные игры с пассажирами?

– Я не знаю, жив он или нет. В газетах не читала про его смерть и в новостях не слышала.

– Правительство его шлепнуло. Давно на него зуб точило.

– Как же его могли шлепнуть, даже не зная, где он?

– Да знали они, вот в чем дело. И пока не хотят, чтобы нам про это стало известно.

Виллемье подумала, что шофер издевается над ней. Наверное, догадался, что везет правительственного чиновника, и решил: она слишком занята своим делом, чтобы доносить о мелком зубоскальстве.

– Если застрелили, так почему не объявляют? Тысячи людей считают, что Торн отведет их к земле обетованной.

– Да, но единственное, что для них хуже живого мессии, – это мессия, превратившийся в мученика. Если разлетится слух о его смерти, беды не оберешься.

Виллемье пожала плечами, сложила газету:

– Вообще-то, я не уверена, что он вообще существовал. Может, правительство как раз и хотело создать фигуру народного вождя, бунтаря, чтобы сильнее придавить народ. Вы же вряд ли верите всем историям про него.

– Про спасение с Ресургема? В это уж точно не верю. Хотя было бы здорово, если б это оказалось правдой. Мы бы избавились разом от всех нытиков.

– Вы и в самом деле так считаете? Что желающие покинуть планету – нытики?

– Прости, милашка. Я вижу, с какой ты стороны баррикад. Но кое-кому нравится эта планетка. Уж не обижайся.

– Я не обижаюсь.

Она откинулась на сиденье, прикрыла газетой лицо. Если этот сигнал не дойдет до водителя, тогда уж ничего не поделаешь. Придется терпеть.

К счастью, до него дошло.

На этот раз дрема благополучно перешла в глубокий сон. Снилось былое, являлись воспоминания, разбуженные голосом агента номер четыре. Виллемье так давно ее не видела! И уже старалась не думать о ней как о реальном человеке. Живые воспоминания были слишком болезненными. За ними тянулись воспоминания о прибытии Виллемье на Ресургема, о жизни, в сравнении с теперешним блеклым существованием казавшейся волшебной сказкой.

Этот голос – он будто дверь в прошлое. А там многое, от чего нельзя убежать и спрятаться. И забыть о нем тоже нельзя.

Какого же черта агент номер четыре позвонила?

Она проснулась, ощутив перемену в движении. Водитель загонял машину к месту разгрузки.

– Где мы?

– Зольнхофен как он есть. Рекламы нету, здесь тебе не столица. Но ты ведь сюда и хотела. Сквозь щель в стене склада виднелось небо с кровавым отливом. Рассвет.

– Мы слегка опоздали, – заметила Виллемье.

– Милашка, мы прибыли в Зольнхофен четверть часа назад. Но ты спала как убитая. Я будить пожалел.

– Да уж, пожалел, – проворчала инквизитор, но все же отдала водителю остаток денег.

Ремонтуар наблюдал, как пришедшие последними члены совета рассаживаются по ярусам кресел. Из старейших кое-кто мог добраться самостоятельно, но большинству помогали роботы, экзоскелеты либо целые рои черных летающих дронов величиной не больше наперстка. Некоторые из членов совета были настолько близки к концу телесного существования, что уже почти покинули бранные тела. Они представляли собой головы на паукообразных устройствах для перемещения. У двоих напичканный машинерией мозг раздался настолько, что уже не помещался в черепной коробке. Собственно, кроме мозга, плавающего в прозрачной куполовидной емкости, присоединенной к пульсирующей аппаратуре жизнеобеспечения, ничего телесного у этих людей не оставалось. Они принадлежали к числу наиболее обобществившихся сочленителей, теперь едва ли не вся их умственная деятельность проходила в сети. Если бы не многолетняя привычка к телесному существованию, они бы отказались и от мозга. Так древний аристократический род не спешит разрушать свое ветхое гнездо, хотя там уже никто не живет.

Ремонтуар ловил мысли каждого новоприбывшего. Явились люди, которых уже давно считали мертвыми, те, кто никогда на памяти Ремонтуара не участвовал в заседаниях Узкого совета.

Дело Клавэйна привлекло всех, даже давно отошедших от дел.

Ремонтуар вдруг ощутил присутствие Скади. Она появилась на полукруглом балконе. Зал совета был изолирован от всех потоков информации, воспринимаемых мозгом сочленителей. Находящиеся внутри могли общаться без помех, но были полностью отрезаны от остальных разумов Материнского Гнезда. Это позволяло совету общаться свободно, не опасаясь прослушки.

Ремонтуар оформил мысль, обозначил ее как имеющую первостепенную важность, чтобы привлечь общее внимание, и разослал членам совета.

– Клавэйну известно об этом заседании?

Скади резко повернулась к нему:

– С какой стати ему знать?

– Но ведь мы собрались говорить о нем – за его спиной.

Скади улыбнулась:

– Если бы он согласился присоединиться к нам, не было бы нужды в этом разговоре. Проблема не во мне – в Клавэйне.

Ремонтуар встал. Теперь все взгляды были направлены на него. А кто не имел глаз, тот навел сенсорное устройство.

– Скади, разве он создал какие-либо проблемы с ним? Я против того, чтобы мы обсуждали судьбу Клавэйна втайне от него.

– Я не вижу в этом ничего дурного. Мы все желаем ему только хорошего. И я полагала, что вы, его друг, лучше других поймете это.

Ремонтуар окинул взглядом зал. Фелки не видно, и это вовсе не удивительно. Она имеет полное право быть здесь, но вряд ли Скади захотела ее пригласить.

– Да, признаю: мы с Клавэйном друзья. Он не раз спасал мне жизнь. И мы через многое прошли вместе. Это значит, что мое отношение к нему может быть слишком субъективным. Но, думаю, моя субъективность никого здесь не введет в заблуждение. И я скажу вам вот что...

Ремонтуар помолчал, обводя зал взглядом, всматриваясь в лица.

– Нужно ли кому-либо напоминать, чем нам обязан Клавэйн? Что бы вам ни внушала Скади, правда такова: ничем не обязан. Если бы не он, никого из нас здесь бы не было. Он был для нас не менее важен, чем Галиана. Не менее. Помните об этом.

– Конечно, Ремонтуар прав, – подхватила Скади. – Но заметьте: он говорит о Клавэйне в прошедшем времени. Все его великие подвиги в прошлом, причем в далеком. Я не отрицаю, что после возвращения из экспедиции он хорошо послужил Материнскому Гнезду. А остальные разве справлялись плохо? Клавэйн проявил себя не хуже, но и не лучше прочих старших сочленителей. Но разве мы не вправе ожидать от него большего?

– Чего же именно?

– Большого, чем упрямое солдафонство, чем постоянный риск.

Ремонтуар понял: хотел того или нет, стал адвокатом Клавэйна. И ощутил легкое презрение к прочим членам совета. Знал: многие из них обязаны Клавэйну жизнью. И могли бы о том заявить. Но здесь и сейчас – промолчат. Не осмелятся перечить Скади.

Защищать друга придется в одиночестве.

– Кому-то ведь нужно патрулировать границы.

– Несомненно. Но у нас есть для этого люди гораздо моложе, быстрее и, откровенно говоря, менее ценные. Бесценный опыт Клавэйна нужен здесь, в Материнском Гнезде, доступный всем нам. Я не верю, что он совершает экспедиции за пределы Гнезда, исходя из чувства долга. Нет, им руководит чистейший эгоизм. Он пользуется принадлежностью к нашему сообществу, принадлежностью к выигрывающей стороне, не принимая полностью обязательств сочленителя. Это указывает на несовпадение его интересов с нашими, на самоуверенность – на то, что враждебно нашему образу мыслей. Полагаю, это указывает даже на предрасположенность к предательству.

– Предательство? Да никто не показал большей верности сочленителям, чем Невил Клавэйн! Может, кое-кому нелишне было бы освежить свои знания по истории?! – воскликнул Ремонтуар.

Голова на паучьих ногах шевельнулась в кресле.

– Я согласен с Ремонтуаром. Клавэйн ничем не обязан нам. Он доказал свою верность тысячи раз. Если не хочет работать в совете – имеет на то полное право.

На другом конце зала засиял контейнер с мозгом. Свет пульсировал в соответствии со спектром речи.

– В этом нет сомнений. Но несомненно и то, что у него есть моральное обязательство перед нами. Нельзя разбрасываться такими способностями, они должны использоваться в совете.

Мозг замолчал, питающие его насосы забулькали, захрипели. Узловатая масса нервной ткани медленно вздымалась, опадала, будто кусок доходящего теста.

– Я не одобряю провокационную риторику Скади, – продолжил мозг. – Но если ее отбросить, остается факт: отказ присоединиться к совету заставляет серьезно усомниться в верности Клавэйна Гнезду.

– Прекратите нести чушь! – прервал его Ремонтуар. – Неудивительно, что Клавэйн не спешит присоединиться к таким, как вы.

– Это оскорбление! – зашипел мозг.

Ремонтуар уловил общее настроение. Многих позабавила перепалка с мозгом, хотя открыто чувства и не выказывали. Распухший мозг не был настолько уважаемым, каким считал себя. Чувствуя, что чаша весов склонилась в нужную сторону и настал подходящий момент, Ремонтуар подался вперед, сжав ладонями балюстраду, и резко спросил:

– Скади, ответьте нам, что происходит? Почему вы требуете его присутствия в совете именно сейчас, хотя совет многие годы прекрасно обходился без Клавэйна?

– Что вы имеете в виду под «именно сейчас»?

– Я имею в виду причину вашего требования. Что-то делается втайне от нас, я прав?

Гребень Скади полыхнул фиолетовым. Она стиснула челюсти, отступила, выгнув спину – будто загнанная в угол кошка. А Ремонтуар продолжал давить:

– Сперва мы ни с того ни с сего возобновляем строительство субсветовиков. Причем целый век мы не строили корабли по причинам столь секретным, что даже Узкому совету узнать о них не позволили. Затем явился на свет корабль – прототип нового флота, набитый под завязку машинами непонятного происхождения и назначения – опять же настолько секретными, что Высшему совету не позволено знать о них. Эскадра подобных кораблей строится в комете неподалеку отсюда – но опять же это все, что нам изволили сообщить. Уверен, Внутреннему святилищу следует дать нам дополнительные сведения.

– Ремонтуар, будь осторожен.

– Отчего же? Невинными рассуждениями я подвергаю себя смертельному риску?

Встал сочленитель с гребнем на голове, немного похожим на гребень Скади. Этого члена совета Ремонтуар хорошо знал и был уверен: он не принадлежит к святилищу.

– Ремонтуар прав. За нашей спиной происходит нечто значительное, и дело Клавэйна – лишь часть этого. Прекращение строительства субсветовиков, странные обстоятельства возвращения Галианы, новые корабли, тревожные слухи об «адском» оружии. Нынешняя война – пустяк, не более чем маскировка для всей этой активности, о чем Внутреннему святилищу прекрасно известно. Может быть, истинная картина событий слишком некрасива для того, чтобы мы, простые члены Узкого совета, смогли ее понять и принять? Если так, то мне, как и Ремонтуару, не остается ничего, кроме предположений и рассуждений. И знаете, куда эти рассуждения приводят?

Сочленитель пристально посмотрел на Скади:

– Есть еще один странный слух, касающийся так называемого «Пролога». Уверен, не нужно напоминать вам, что это название Галиана дала финальной серии своих экспериментов на Марсе – и поклялась никогда их не повторять.

Ремонтуар заметил – а может, лишь показалось, – как на гребне Скади при упоминании «Пролога» сменились оттенки.

– При чем здесь «Пролог»? – спросил Ремонтуар.

Сочленитель перевел взгляд на него:

– Не знаю в точности, но могу предположить с немалой уверенностью: Галиана не хотела повторения экспериментов. Результаты оказались невероятно полезными – но и страшными. Слишком страшными. Но когда Галиана в глубоком космосе, кто помешает Внутреннему святилищу повторить «Пролог»? И Галиане об этом сообщать вовсе не обязательно.

Слово «Пролог» Ремонтуар определенно уже слышал. Но если оно и в самом деле относилось к марсианским экспериментам... Это же четыре века назад! Потребуется весьма деликатная мнемоническая археология, чтобы пробиться сквозь слои памяти, – очень трудная работа, поскольку предмет раскопок окружает тайна.

Он решил, что проще спросить: «Что такое „Пролог“?»

– Ремонтуар, я отвечу на этот вопрос.

Звук обычного человеческого голоса, разнесшийся над тишиной зала, показался шокирующим: резким, неприятным.

Ремонтуар проследил, откуда донесся голос, – и обнаружил его хозяйку сидящей близ входа. Должно быть, Фелка явилась уже после начала заседания.

Скади впечатала в разумы собравшихся яростную мысль: «Кто ее позвал?!»

– Я, – ответил Ремонтуар добродушно и, ради Фелки, вслух. – Предположил, что вы не удосужитесь ее пригласить. А поскольку тема заседания – Клавэйн, присутствие Фелки я счел в высшей степени уместным.

– Именно так, – подтвердила Фелка.

Ремонтуар заметил движение в ее руке. Присмотрелся: Фелка принесла на заседание Узкого совета живую мышь.

– Скади, я не права? – осведомилась Фелка.

– Нет нужды разговаривать вслух. – Скади фыркнула. – Это слишком долго. Фелка способна слышать мысли не хуже любого из нас.

– Но если вы услышите мои мысли, вполне вероятно, все сойдете с ума, – улыбнулась Фелка.

От ее улыбки у Ремонтуара холодок пошел по коже. А ведь Фелка, похоже, права.

– Уж лучше не рисковать...

Фелка глянула на свою руку, где мышь гонялась за собственным хвостом.

– У вас нет права быть здесь!

– Есть, Скади. Иначе как бы прошла в зал? Меня бы не пропустила автоматика. И не будь я членом Узкого совета, едва ли могла бы знать о «Прологе».

Сочленитель, впервые упомянувший это название, заговорил вслух. Его высокий голос дрожал.

– Скади, значит, мои предположения верны?

– Не обращайтесь на нее внимания. Ей ничего не известно о программе.

– Значит, я могу разглашать что угодно? Это все равно не будет правдой? Хорошо, слушайте. Ремонтуар, «Пролог» – это эксперимент по неклассическому коррелированию сознания и квантового объекта. Думаю, вы должны помнить о том, как он проводился на Марсе. Результат далеко превзошел ожидания Галианы. Она свернула программу, испугавшись того, что обнаружила. На том дело и должно было закончиться. Но ведь не закончилось, правда?

Фелка посмотрела на Скади:

– Век назад эксперименты возобновились. Здесь. Именно сведения, полученные через «Пролог», побудили нас прекратить строительство кораблей.

– Мы получили послание через «Пролог»? – удивился Ремонтуар.

– Послание из будущего, – пояснила Фелка, словно растолковывая само собой разумеющееся.

– Вы шутите!

– Я совершенно серьезна. Кому знать, как не мне, – я принимала участие в экспериментах.

Мысли Скади разлетелись по комнате, будто холодные лезвия:

– Мы собрались, чтобы обсуждать Клавэйна, а не «Пролог»!

В лице Фелки не дрогнул ни единый мускул. Ремонтуар подумал, что она – единственная из собравшихся, кого не смогла подавить либо запугать Скади. В сознании Фелки уже жили страхи, каких Скади и не представить.

– Но ведь нельзя обсуждать одно, не затрагивая другое. Эксперименты продолжились, не правда ли? И они имеют прямое отношение к происходящему сейчас. Внутреннее святилище узнало нечто такое, к чему предпочитает нас не подпускать.

Скади заиграла желваками:

– Внутреннее святилище распознало приближающийся кризис.

– Что за кризис? – спросила Фелка.

– Наитяжелейшего рода.

Фелка кивнула понимающе, отодвинула спавшую на глаза тонкую черную прядь:

– И какова же роль Клавэйна во всем этом?

Мучительное замешательство Скади ощущалось почти физически. Мысли прибывали разрозненные, оборванные, будто, едва оформив их, она дожидалась подсказки от неслышного для остальных советчика.

– Клавэйн... может помочь... Он нужен... Кризис будет облегчен... если он поможет.

– И какой же помощи вы от него хотите? – не отставала Фелка.

На лбу Скади дернулась жилка. По гребню бежали друг за другом цветные волны, сталивались, мерцали – словно краски на стрекозиных крыльях.

– Когда-то мы потеряли нечто очень ценное. И сейчас узнали, где оно. Клавэйн поможет нам его вернуть.

– Это «ценное», случаем, не оружие? – осведомилась Фелка.

Инквизитор попрощалась с водителем, подвезшим до Зольнхофена. Пока ехала, проспала пять-шесть часов, предоставив водителю прекрасную возможность покопаться в вещах, а то и выкинуть пассажирку в глухомани. Но все осталось нетронутым, включая пистолет. Водитель даже оставил вырезку про Торна.

Убогостью и нищетой Зольнхофен вполне оправдал ожидания. По его центру Виллемье блуждала всего несколько минут. Затем обнаружила «культурный центр» поселения – унылый пятачок, окруженный двумя неописуемо жалкими ночлежками для приезжих, парой невзрачных административных зданий и разномастными кабаками. За «центром» возвышались громоздкие ангары ремонтных мастерских – причина существования Зольнхофена. Дальше к северу огромные терраформирующие машины превращали атмосферу Ресургема в газовую смесь, пригодную для человеческого дыхания. Несколько десятилетий они работали безукоризненно, но теперь, обветшав, легли тяжким бременем на неповоротливую централизованную экономику Ресургема. Городки, подобные Зольнхофену, кое-как добывали средства к существованию, обслуживая и ремонтируя терраформирующие машины. Работа эта была тяжелой и очень ответственной, требовала весьма специфических человеческих свойств – и определенной породы людей, этими свойствами обладающих.

Об этом инквизитор вспомнила, войдя в гостиницу. Ожидала, что хотя бы с утра пораньше здесь будет тихо, – но, едва ступив за дверь, обнаружила пиршество в полном разгаре. Гремела музыка, вокруг дико орали и хохотали. Виллемье вспомнила буйное веселье в казармах на Окраине Неба. Несколько гуляк уже отключились, сгорбившись над кружками, словно школьники над домашним заданием. От висящей в воздухе химической вони защипало глаза. Инквизитор стиснула зубы, выругалась вполголоса. Агент номер четыре всегда выбирала самые что ни на есть отвратительные дыры. Вспомнилась первая встреча с ней, на йеллоустонской «карусели», в баре. Наверное, худшей помойки во всем космосе не найти. Оперативница четыре обладала многими талантами, но выбор приличного места для встречи в их списке не значился.

К счастью, на появление инквизитора внимания никто не обратил. Она протиснулась мимо пьяных к заменителю стойки – к пробитой в стене дыре с торчащими по краям кирпичами. Угрюмая баба выпихивала кружки с выпивкой, словно баланду в тюрьме, и хватала деньги и пустые кружки с неприличной быстротой, будто опасалась, что клиенты своруют.

– Дайте кофе, – попросила инквизитор.

– Нету кофе.

– Тогда ближайший гребаный эквивалент кофе.

– Зачем хамить-то?

– Мать вашу, говорю так, как пожелаю. В особенности если не получаю кофе. – Виллемье подалась вперед, упершись в пластиковый край стойки. – Вы дадите мне кофе, правда? Я же не полмира хочу в подарок.

– Вы что, большая шишка?

– Нет. Просто женщина, которая хочет кофе. Притом она слегка не в себе. Я по утрам жить не люблю.

На плечо легла рука. Виллемье резко повернулась, инстинктивно потянувшись за пистолетом.

– Ана, снова буянишь? – спросила подошедшая сзади женщина.

Инквизитор растерянно моргнула. С тех пор как покинула Кювье, она представляла эту сцену много раз – но все равно происходящее показалось нереальным, дешевой мелодрамой.

Триумвир Илия Вольева кивнула барменше:

– Это моя подруга. Она хочет кофе. Принеси ей.

Баба зыркнула, нехорошо сощурившись, пробурчала неразборчивое и скрылась из виду. Чуть позже явилась вновь с чашкой жижи, каковую, судя по виду, только что нацедили из коробки передач дальнобойного грузовика.

– Ана, бери, – посоветовала Вольева, – лучше здесь не найдешь.

Инквизитор протянула за чашкой чуть подрагивающую руку и прошептала:

– Не следует меня так звать.

Вольева подвела ее к столу:

– Как не следует звать?

– Ана.

– Но это же твое имя!

– Нет, это больше не мое имя. Не на этой земле. Не в это время.

Облюбованный Вольевой столик прятался в углу, за штабелем пивных ящиков. Илия смахнула рукавом мусор со стола, уткнула в него локти, уставилась на Ану, уложив подбородок на сцепленные пальцы.

– Ей-богу, не стоит беспокоиться о том, что тебя узнают. На меня тут посмотрели с полным безразличием, а ведь я, после Торна, самый разыскиваемый на планете человек.

Инквизитор, много лет назад носившая имя Ана Хоури, осторожно попробовала густую вязкую жижу, поданную под видом кофе.

– Да уж, Илия, ты умеешь сбить с толку кого угодно...

Виллемье осмотрелась, сознавая, что выглядит неестественно и подозрительно.

– Тебя можно звать Илия?

– Так я себя и называю. Но вот фамилию пока упоминать не стоит. Ни к чему лишний раз искушать судьбу.

– Конечно ни к чему. Думаю, мне следует... – Ана против воли снова оглянулась – не подслушивает ли кто тайком? Затем тихо воскликнула: – Илия, я так рада тебя видеть! Честное слово, просто рада.

– Я тоже скучала по тебе. Подумать только, наше знакомство началось чуть ли не с попыток убить друг друга. Конечно, это дело прошлое...

– Я уже и тревожиться начала. Столько лет ты на связь не выходила...

– У меня были веские причины залечь поглубже.

– Да уж...

Несколько минут обе молчали. Инквизитор, наконец осмелившаяся думать о себе как об Ане Хоури, вспомнила причины дерзкой игры, которую вели теперь обе женщины. Игру придумали сами, поражая друг друга крепостью нервов и изобретательностью. Они прекрасно дополняли друг друга. Но ради максимально эффективной реализации плана пришлось работать поодиночке.

Хоури, не в силах более терпеть, первой нарушила молчание:

– Илия, какие новости? Хорошие или скверные?

– Ты же знаешь мои привычки. Угадай с трех раз.

– М-да. Значит, скверные. Даже очень.

– Именно.

– Ингибиторы?

– Прости за предсказуемость, но дело именно в них.

– Они здесь?

– Думаю, да, – кивнула Илия и добавила шепотом: – Происходит что-то странное. Я видела своими глазами.

Голос Вольевой зазвучал еще тише – Ане пришлось напрячься, чтобы расслышать.

– Это машины. Огромные, черные. Они уже в нашей системе. Я и не заметила их прибытия. Их не было – и вдруг возникли, прямо под носом.

Ане однажды довелось заглянуть в их разум, ощутить ледяную хищную ярость, запечатленную в древних записях. Ингибиторы походили на волчью стаю, терпеливо поджидающую во тьме. Не ведающих эмоций и переживаний, их переполняла смесь голода и жажды поиска. Они подвывали друг другу сквозь молчаливую пустоту галактической ночи, собираясь огромными стаями, когда запах свежей крови пробуждал их от зимней спячки.

– Господи...

– Ана, этого следовало ожидать. Когда Силвест начал копаться в том, чего не понимал, он предопределил их приход. Незвестным оставалось лишь одно: когда и где они объявятся.

Ана слушала и дивилась тому, сколь холодно и страшно вдруг стало. Невидимое воплощение ужаса... Триумвир Вольева выглядела непритязательно – обычная женщина, слегка даже похожая на бродяжку. Коротко остриженные седые волосы, круглое лицо, выдающее далеких монголоидных предков, морщинки у глаз. Илия не очень-то походила на вестницу жуткой судьбы.

– Мне страшно...

– Есть все причины бояться. Однако постарайся не показывать свой страх местным. Пока еще рано запугивать их.

– И что мы можем сделать?

Илия посмотрела сквозь стакан на свет, шурясь, будто лишь сейчас всерьез задумалась над случившимся.

– Не знаю. Амарантийцы пытались – и не слишком преуспели.

– Мы не птицы, которые даже не умели летать.

– Угу. Мы люди, бич Галактики. Или что-то в этом роде... Ана, я не знаю, что делать. Просто не знаю. Если бы речь шла только о нас с тобой, мы бы попробовали вывести капитана из комы и удрать. Могли бы даже применить оружие – вдруг от него был бы толк.

Хоури содрогнулась:

– Если мы смажем пятки, это вряд ли поможет Ресургему.

– Конечно не поможет. Не знаю, как с твоей совестью – моя и так не слишком бела. Не хотелось бы получить свежее пятно.

– Сколько времени у нас осталось?

– Трудно сказать. Все это выглядит странно. Ведь ингибиторы, если бы захотели, уже уничтожили бы Ресургем. Даже мы способны это сделать. Поэтому, мне кажется, Ресургем их мало интересует.

– Так, может, они не убивать нас явились?

Вольева залпом допила и сказала:

– Может, и не убивать. А может, как раз для этого.

В сердце роя черных машин процессоры, сами разумом не обладающие, пришли к выводу: необходимо вывести из спячки управляющий разум.

Решение это они приняли далеко не сразу. Большинство зачисток не требовало будить то, что машины по идее должны были уничтожать. Но сейчас им досталась очень непростая задача. В архивах значилось: здесь зачистка уже проводилась, причем не далее как 0,045 галактического оборота назад. Поскольку необходимость в повторении процедуры возникла так рано, требовались экстраординарные меры.

Управляющий разум для того и предназначался, чтобы применять эти экстраординарные меры. Всякая зачистка отличалась от остальных. Потому, к сожалению, лучший способ покончить с разумной жизнью требовал участия разума. Но когда дело будет сделано, когда машины выявят первичный источник заражения и уничтожат все выпущенные им споры – на что уйдет еще пара тысячных галактического оборота, полмиллиона земных лет, – управляющий разум заглушат, его самосознание погасят до тех пор, пока оно не понадобится снова.

А оно может и не понадобиться больше никогда.

Управляющий разум никогда не задавался вопросом, почему он занимается зачистками. Он знал, что по большому счету трудится ради спасения разумной жизни. Его вовсе не волновало, что катастрофа, последствия которой необходимо предотвратить, жуткий катаклизм, который обязательно случится, если не прекратить распространение разумной жизни, лежал в далеком будущем, в тринадцати галактических оборотах.

Огромность срока – три миллиарда лет – ингибиторов не смущала. Время для них ничего не значило.

Глава 7

- Скади? К сожалению, у нас еще один несчастный случай.
- Какого рода?
- Результат переключения во второе состояние.
- Надолго?
- На несколько миллисекунд. Но и этого оказалось достаточно.

Двое – Скади и главный двигателю – сидели на корточках в отсеке с черными стенами, близ кормы загнанного в док «Паслена». Отсек был тесным – пришлось согнуться, прижать колени к груди. Неприятно – но после нескольких визитов в машинную часть Скади приучилась не замечать дискомфорта, относиться к нему с равнодушным буддийским спокойствием. Могла проводить дни напролет в невероятно узких проходах – и проводила. Мудреные агрегаты прятались в многочисленных тесных закоулках. Прямое управление двигательными системами, их тонкая настройка возможны были лишь здесь. Связь с общей сетью управления предусматривалась лишь самая базовая.

- Тело еще на месте?
- Да.
- Хочу его осмотреть.
- Вообще-то, смотреть там особо не на что, – возразил мужчина, но тем не менее отключил компад и двинулся наружу бочком, крабьим манером.

Скади последовала за ним. Ползли от закоулочка к закоулочку, иногда еле протискиваясь мимо выдающихся в проходы частей машин. Агрегаты занимали все пространство вокруг, слегка, но ощутимо искажая пространство-время.

Никто, даже Скади, не понимал целиком и полностью, как функционируют эти машины. Были теории, в том числе неплохо проработанные и научно убедительные, но в их фундаменте зияли огромные концептуальные дыры. Познания Скади о машинах главным образом состояли из таблиц, в которых разные формы воздействия на машины соотносились с результатами этого воздействия. Понимание же физической подоплеку результата отсутствовало. Во время работы машина, как правило, переходила в одно из нескольких дискретных квазистационарных состояний, каждое из них ассоциировалось с определенными изменениями локальной метрики. Но иногда система не входила в режим квазистационарности, осциллируя между состояниями. Метрика притом изменялась весьма диким образом, и возвращение к единственному квазистационару оказывалось крайне мучительным и сложным процессом.

- Вы сказали, во второе состояние? А в каком стационаре были до того?
- В первом, как и предусматривается по инструкции. Мы исследовали нелинейную геометрию искривленного континуума.
- Причина смерти? Как и в прошлый раз, сердечный приступ?
- Нет. Во всяком случае, она явно не среди главных причин смерти. Как я уже сообщал, от тела осталось немного.

Скади и двигателю, извиваясь, пробирались вперед по узкому каналу среди агрегатов. Поле сейчас находилось в нулевом стационарном состоянии. Это состояние видимых физиологических эффектов не вызывало. Но Скади все равно не могла отделаться от чувства сугубой неправильности, от назойливой мысли о сиюминутном, постоянном искажении мира. Конечно, это иллюзия. Чтобы сейчас зарегистрировать влияние прибора на метрику, потребовались бы высокоточные пробы, измеряющие относительный уровень энергии вакуума. Но чувство неправильности никак не желало уходить.

- Мы на месте.

Скади осмотрелась. Она оказалась в довольно просторном помещении – таких было несколько в недрах машины. Тут можно встать в рост; черные вогнутые стены испещрены портами для компадов.

– Это случилось здесь?

– Да. Градиент поля в этом месте был наивысшим.

– Я не вижу тела.

– Вы просто невнимательно смотрите.

Скади проследила за взглядом двигателя. Затем подошла к стене, коснулась натянутыми в перчатку пальцами. Издали такая же глянцево-черная, как и прочие стены, эта вблизи оказалась пунцово-алой. Немалая часть поверхности была покрыта ровным четвертьдюймовым слоем влажной вязкой субстанции.

– Надеюсь, это не то, про что я подумала?

– Боюсь, именно то.

Скади провела пальцем по субстанции. Та даже при нулевой гравитации была достаточно клейкой, чтобы образовать однородный, мягкий, прочно приставший к стене слой. Местами чувствовались твердые сгустки – наверное, обломки кости либо аппаратуры, – но ничего крупнее наперстка.

– Расскажите, что случилось.

– Он очутился вблизи фокуса. Скачок ко второму квазистационару длился лишь миллисекунды, но хватило и того. Любое движение могло оказаться роковым, даже непроизвольная судорога. Возможно, он умер еще до того, как ударился о стену.

– Как быстро он двигался?

– Думаю, с легкостью мог достичь нескольких километров в секунду.

– Скорее всего, боли он не ощутил. Удар был заметным?

– По всему кораблю. Будто взорвалась небольшая бомба.

Скади приказала перчаткам очиститься. Багровая слизь стекла назад, на стену. Скади вспомнила Клавайна и позавидовала. Уж он-то, наверное, совершенно равнодушен к подобным зрелищам. За солдатскую карьеру навидался жути – и приучился не реагировать на вид изуродованной человечины. Скади же, за одним-двумя исключениями, воевала лишь дистанционно.

– Скади?

Должно быть, игра цветов на гребне выдала смятение.

– Обо мне не беспокойтесь. Лучше выясните причину неисправности и примите меры к тому, чтобы она не повторилась.

– А как с программой испытаний?

– Конечно же, она продолжается. И пожалуйста, приберитесь здесь.

Фелка плавала в закоулке своего жилища. На месте многочисленных инструментов, ранее присоединенных шнурами к талии, теперь витали хаотичным роем клетки. Когда Фелка двигалась, они тихо клацали, соударяясь. В каждой клетке сновало несколько белых мышей, они обнюхивали и царапали решетки. Фелка на мышиное беспокойство внимания не обращала. Грызунам недолго сидеть взаперти, вскоре их накормят и предоставят свободу. Разумеется, в известных пределах.

Сошурившись, она глянула в сумрак. Свет просачивался лишь из соседней комнаты, отделенной от этой изогнутой горловиной коридора из дерева цвета карамели.

Фелка нащупала присоединенную к стене ультрафиолетовую лампу, включила. Одну стену комнаты застилала пластина бутылочно-зеленого стекла. За ней находилось нечто, на первый взгляд напоминающее деревянный водопровод: переплетение труб, каналов, клапанов, насосов и вентилей. Балки и рычаги непонятного назначения соединяли части лабиринта. У

каждого канала, у каждой трубы одна стенка оставалась стеклянной, так что все перемещающееся по этому лабиринту было видно снаружи.

Фелка уже запустила туда дюжину мышей через одностороннюю дверцу, расположенную у края пластины. Мыши быстро разбежались в разные стороны и теперь находились в метрах друг от друга; каждая вынюхивала себе путь. Отсутствие гравитации ничуть не смущало мышей, они цепко хватались за дерево и могли лазать без помех в любом направлении. Грызуны посмышленей приучались плыть в невесомости, лишь изредка отталкиваясь от стенок. Но происходило это лишь через несколько часов пребывания в лабиринте, после ряда обучающих циклов.

Фелка потянулась к одной из клеток, приставила ее к дверце, убрала решетку. Радуюсь свободе, мыши юркнули в лабиринт.

Фелка наблюдала, затаив дыхание. Рано или поздно мышь доберется до дверцы, соединенной со сложной системой подпружиненных деревянных рычагов. Мышь толкнет створку, рычаги задвигаются. Иное движение передастся далеко, и метра за два от мыши сдвинется заслонка. Другая мышь, перемещавшаяся в удаленном участке лабиринта, вдруг обнаружит, что проход заблокирован. Возникшая необходимость выбрать путь перегрузит озабоченностью и тревогой крошечный умственный аппарат грызуна. Весьма вероятно, что выбор второй мыши активизирует изменения в новой части лабиринта. А Фелка, плавающая у стеклянной стены, увидит череду изменений, множество пермутаций, осуществляемых программой, генерируемой случайно бездумными, примитивными существами.

Но Фелке быстро наскучивали даже такие интересные занятия. Лабиринт – всего лишь начало. Она запустила это устройство в почти полной темноте, лишь при ультрафиолетовом свете. Мыши были модифицированные; особые гены заставляли их белки флуоресцировать в видимом диапазоне под ультрафиолетовым облучением. За стеклом мыши казались ярко-фиолетовыми пятнами. Фелка наблюдала с энтузиазмом – впрочем, быстро гаснущим.

Лабиринт был целиком и полностью ее изобретением. Сама спроектировала его, изготовила деревянные механизмы. Сама заставила мышей светиться в темноте – и это было совсем несложным в сравнении с кропотливым вытачиванием деревянных механизмов, и в особенности с их подгонкой и отладкой. И одно время казалось, усилия того стоят.

Одним из немногих явлений, еще интересовавших Фелку, было возникновение разума. На Диадеме, первой планете, посещенной после бегства с Марса на самом первом сочлительском звездолете, Клавэйн, Галиана и Фелка изучали огромный кристаллический организм – живой, но тративший годы на выражение простейших «мыслей». По его синапсам не бежали электрические сигналы, вместо них по меняющейся системе капилляров, пронизывающей древний ледник, ползали черные безмозглые черви.

Клавэйн с Галианой не дали Фелке вдоволь насладиться изучением ледника, увезли ее – и она этого не простила. С тех пор питала интерес к системам, где непредсказуемым образом возникало сложное поведение из-за взаимодействия простых частей. Программировала и запускала множество численных моделей – но так и не убедила себя, что ухватывает сущность проблемы. Если сложное поведение и возникало – а это происходило нередко, – Фелка не могла избавиться от ощущения, что, сама того не ведая, изначально встроила это поведение в модель.

Другое дело – мыши. Фелка отказалась от цифровых моделей, и эксперименты с мышами стали очередным шагом на пути развития аналоговых.

Первая построенная Фелкой аналоговая машина работала на воде. Источником вдохновения послужило описание прототипа, обнаруженное в электронных архивах Материнского Гнезда. Века назад, еще до эпохи Транспросвещения, кто-то придумал компьютер, предназначенный моделировать перемещение денег в процессе функционирования экономики. Компьютер состоял из множества стеклянных колб, клапанов, тщательно отрегулированных сочленений. По-разному окрашенные жидкости представляли разные рыночные факторы и

экономические параметры: учетные банковские ставки, инфляцию, условия торговли. Машина булькала и журчала, решая отчаянно трудные интегральные уравнения посредством элементарной прикладной гидродинамики.

Устройство очаровало Фелку. Она воспроизвела прототип, добавила несколько искусных деликатных усовершенствований. Но машина, при всей ее занятости, дала лишь туманные намеки на возникновение сложности из простоты. Слишком детерминистичной она была, слишком жестко зарегулированной, чтобы выявить нечто воистину неожиданное и удивительное.

А потом появился лабиринт с мышами – воплощенными случайностями, четвероногим хаосом. Фелка соорудила машину для использования их хаотичности, для произвольного перехода из состояния в состояние. Сложнейшая конструкция из рычагов и переключателей, из люков с крышками и сочленений постоянно менялась, непрерывно ползла сквозь фазовое пространство – головоломную, огромной размерности, линейную оболочку всех возможных конфигураций.

В этом фазовом пространстве существовали аттракторы – как планеты и звезды, прогибающие ткань пространства-времени. Приближаясь к одному из них, лабиринт зачастую выходил на подобие орбиты, осциллировал вокруг, пока внутренняя нестабильность либо внешнее воздействие не отбрасывали систему от аттрактора. Обычно для схода с орбиты достаточно было запустить в лабиринт новую мышь.

Иногда лабиринт впадал в состояние аттрактора и вознаграждал мышей более чем обычным количеством пищи. Фелку интересовало, могут ли мыши, действуя неосмысленно, не будучи способны к согласованному поведению, тем не менее привести лабиринт в окрестность аттрактора. Если бы такое произошло, оно было бы очевидным признаком возникновения сложности из простоты.

Однажды нечто подобное случилось. Но с тех пор мышьяная стая ни разу не повторила успеха. Фелка запустила больше грызунов, но они лишь застопорили лабиринт, загнали к другому аттрактору, где ничего интересного не происходило.

Интерес к лабиринту еще не совсем пропал. Оставались нюансы поведения, не понятые до конца, и это сдерживало подступающую скуку. Но ее призрак уже встал в полный рост. Фелка знала: лабиринта хватит ненадолго.

Лабиринт беспрерывно щелкал и цокал, словно готовящиеся отбить время древние часы с кукушкой. Клацали открывающиеся и закрывающиеся дверцы. Детали машины с трудом различались сквозь стекло, но светящийся поток мышей с достаточной ясностью показывал меняющуюся геометрию лабиринта.

– Фелка!

В дверном проеме появился человек. Вплыл, задержался, упершись пальцами в полированное дерево стены. Фелка различила его лицо. Сумрак подчеркивал необычность лысой головы – удлинённой, серой, яйцеобразной. Фелка всмотрелась в лицо и по совокупности признаков предположила, что это явился Ремонтуар. Но если бы в комнату вошли шесть-семь мужчин того же физиологического возраста с подобными же неестественно детскими чертами, Фелка не смогла бы узнать среди них Ремонтуара. Только то, что он недавно посетил ее, и позволило сделать определенный вывод.

– Здравствуй, Ремонтуар.

– Можно зажечь свет? Или нам лучше поговорить в другой комнате?

– Можем и здесь. Эксперимент на ходу.

– Свет его не испортит? – осведомился Ремонтуар, взглянув на стеклянную стену.

– Нет, но я не смогу видеть мышей.

– Клавэйн подойдет с минуты на минуту, – сообщил гость.

Она охнула, завозилась с контролем освещения. В комнате замерцал бирюзовый свет, затем его источник стабилизировался.

Фелка всмотрелась в лицо Ремонтуара, изо всех сил пытаясь прочесть выражение. Хотя она многое знала об этом человеке, его лицо казалось неясным, полным двусмысленности, постоянно меняющимся. Даже простейшие эмоции удавалось распознать ценой колоссального напряжения – будто невооруженным глазом изучаешь едва заметное созвездие. Иногда случалось, что устаревшие имплантаты Фелки улавливали мимику, которая целиком ускользала от внимания других людей. Но обычно доверять своим суждениям о лицах Фелка не могла. Имея это в виду, она решила, что на лице Ремонтуара, скорее всего, отражаются тревога и озабоченность.

– А почему Клавэйн еще не здесь?

– Решил дать нам время, чтобы мы могли обсудить наедине дела совета.

– Он знает о случившемся сегодня в зале?

– Ничего не знает.

Фелка подплыла к лабиринту и сунула в дверцу еще одну мышь, надеясь избавиться от застоя в нижнем левом квадранте.

– И не будет знать, пока не решится войти в совет. А если войдет и узнает – может быть сильно разочарован.

– Я догадываюсь, почему вы не хотите, чтобы он узнал о «Прологе».

– Не совсем понимаю, что вы имеете в виду...

– Вы пошли наперекор желаниям Галианы. Совершив на Марсе свои открытия, она прекратила эксперимент. А вы, когда вернулись из экспедиции, оставив Галиану странствовать, охотно приняли участие в возобновленном «Прологе».

– Ремонтуар, с каких это пор вы эксперт по «Прологу»?

– А какие тут сложности? Все сведения о нем есть в открытых архивах Гнезда, – конечно, надо знать, куда заглядывать. Факт проведения эксперимента вовсе не является секретом. – Ремонтуар помолчал, рассматривая с легким интересом лабиринт. – Конечно, результат эксперимента, причина, по которой Галиана его прекратила, – это совершенно другой вопрос. В архиве нет сведений о каких-либо посланиях из будущего. И что же такого опасного в этих посланиях, почему самое их существование – тайна?

– Вы столь же любопытны, как и я в свое время.

– Само собой. Но что побудило вас пойти против желания Галианы? Любопытство? Инстинктивное стремление взбунтоваться против матери?

Фелка постаралась сдержать гнев.

– Она не была мне матерью. Я унаследовала часть ее генов, не более того. И о бунте речь не идет. Я искала применение своему разуму. А «Пролог» как раз имел целью достижение нового состояния ума.

– Так вы не знали о посланиях из будущего?

– Доходили слухи, но я им не верила. Простейший способ убедиться в их правдивости – поучаствовать в экспериментах самой. Но не я дала толчок к возобновлению «Пролога». Программу снова запустили еще до моего возвращения. Скади хотела привлечь меня. Думала, уникальность моего разума может пригодиться в этом проекте. Но я сыграла лишь незначительную роль и отошла от дел после первых же экспериментов с моим участием.

– Почему? Эксперимент оказался не тем, на что вы надеялись?

– Эксперимент оказался именно тем. Он дал потрясающие результаты. И это было страшнее всего, что мне довелось испытать в жизни.

Ремонтуар улыбнулся – но затем улыбка медленно сползла с лица.

– Что вы имеете в виду?

– Раньше я не верила в существование зла. Теперь мое неверие сильно пошатнулось.

– Зла? – переспросил он, словно не расслышав.

– Да, – тихо ответила она.

Совершенно против воли вспомнились запах и вид камеры «Пролога». Произошедшее в той стерильной белой комнате всплыло в памяти с ужасающей ясностью, будто лишь вчера пережитое.

«Пролог» был логическим завершением работы, проведенной Галианой в марсианских лабораториях. Она решила усовершенствовать человеческий мозг – конечно же, ради блага всего человечества. В качестве модели выбрала развитие обычных цифровых компьютеров, в младенчестве медленных и громоздких. Предполагалось сначала шаг за шагом увеличивать вычислительные способности и скорость обработки данных. Так инженеры прошлого заменяли рычаги и шестеренки электромеханическими переключателями, их – лампами, лампы – транзисторами, уступившими в свою очередь интегральным микросхемам. На смену тем пришли квантовые логические контуры, работающие у порога квантовой неопределенности.

Галиана вторгалась в мозг подопытных – включая себя – и устанавливала крошечные агрегаты, связывающие нервные клетки параллельно уже существующей структуре, но позволяющие гораздо быстрее проводить сигналы. Когда нормальное прохождение сигнала по синапсам блокировалось химическими препаратами либо машинами, вторичная сеть Галианы принимала работу мозга на себя. Сознание оставалось нормальным – но функционировало намного быстрее немодифицированного: в десять, пятнадцать раз.

Конечно, не обошлось и без проблем. Перегруженный мозг не мог функционировать с огромной скоростью больше нескольких секунд кряду, но в общем и целом эксперименты оказались исключительно успешными. Человек в состоянии ускоренного сознания мог наблюдать, как падает с дерева яблоко, – и написать об этом стихотворение прежде, чем яблоко коснется земли. Мог видеть сокращение маховых мускулов крыла колибри, наслаждаться причудливой красотой разбивающейся капли молока. Излишне говорить, что из людей с разогнанным сознанием выходили отличные солдаты.

Добившись ускорения, Галиана шагнула дальше. Инженеры и ученые прошлого обнаружили, что некоторые проблемы решаются гораздо легче и быстрее сетью соединенных параллельно и обменивающихся данными компьютеров. Галиана соединила усовершенствованные разумы, дала им возможность обмениваться информацией и эмоциями, даже решать совместно определенные типы задач – такие, например, как распознавание образов.

Именно на этом шаге эксперимент вышел из-под контроля. Информация бесконтрольно передавалась от разума к разуму, уже установленные машины менялись, выходя из-под власти хозяина. Это дало начало явлению, позднее названному Транспросвещением. И в конечном счете привело к первой войне с сочленителями. Коалиция за невральную чистоту уничтожила союзников Галианы, а саму ее заперла за Великой Марсианской Стеной, в тесном укрепленном конгломерате лабораторий.

Там в 2190 году Галиана и встретила плененного сочленителями Клавэйна. Там несколькими годами позже родилась Фелка. Там же Галиана начала третью стадию экспериментов. Следуя модели прогресса, достигнутого инженерами прошлого, Галиана решила использовать квантовую механику для усовершенствования разума.

В конце двадцатого и начале двадцать первого веков – по меркам Галианы, практически в эпоху механических часов и логарифмических линеек – ученые применяли квантовую механику для решения проблем, классическим компьютерам недоступных. Например, для факторизации больших целых чисел. Сколь угодно огромный классический компьютер либо даже параллельная сеть компьютеров не отыскала бы все простые делители достаточно большого числа за время, сравнимое с возрастом Вселенной. А если использовать квантовый подход, пусть и реализованный на лабораторном столе в виде громоздкого набора линз, призм, лазеров и оптических преобразователей частоты, задача решается за миллисекунды.

Теоретики ожесточенно спорили о сути происходящего, практики радовались – число и в самом деле с легкостью факторизовались! Галиана не сомневалась в простейшем объяснении эффекта, а именно: квантовые компьютеры распараллеливали задачу с бесконечным множеством собственных копий в параллельных вселенных. Концептуально это было весьма вызывающим и влекло множество страннейших выводов, но казалось единственным в полной мере убедительным объяснением. Не высосанным единственно ради этого из пальца – концепция параллельных миров уже давно существовала в квантовой механике, будучи введенной ради объяснения происходящего при квантовом измерении.

Потому Галиана попробовала усовершенствовать человеческий мозг квантовым образом. Камера «Пролога» служила для связывания уже усовершенствованного мозга с когерентной квантовой системой, с подвешенным в магнитном поле облаком атомов рубидия, претерпевавших под внешним воздействием циклы перехода от чистого состояния к тепловому равновесному и обратно. В чистом состоянии облако находилось в суперпозиции с бесконечным набором своих копий в параллельных пространствах. В этот момент и предпринималась попытка связать с облаком мозг. Сама связь с классическим объектом, мозгом, приводила облако в классическое состояние, но переход осуществлялся не мгновенно. На некоторое, вполне поддающееся регистрации время возникали квантовые корреляции между мозгом и облаком атомов. То есть мозг оказывался слабо – но вполне ощутимо – связанным со своими бесчисленными копиями в параллельных мирах.

Галиана надеялась, что в это краткое время обозначатся изменения в сознании объекта эксперимента. Однако теория не позволяла предположить, какого рода будут эти изменения.

Результат получился абсолютно неожиданным.

Галиана, подвергавшая опытам и себя, не рассказывала Фелке о своих ощущениях, но, по-видимому, они были сходными. Еще в самом начале эксперимента, когда один либо несколько подопытных лежали на кушетках в белой комнате, а головы прятались в белесых пастях нейротралов высокого разрешения, появлялось предчувствие – будто изменение активности мозга перед эпилептическим припадком.

Затем приходило ощущение, которое невозможно в точности описать, тем более воспроизвести вне эксперимента. Упрощая до полного утрирования, можно сказать так: каждая мысль бесконечно умножалась, рождала хор бесчисленных эхо. Но эти мысли-двойники не были точными копиями оригинала. И они не устремлялись в непонятную даль, но двигались к чему-то одному, сходились – и одновременно превращались в свою противоположность. Фелка словно на миг коснулась собственной противоположности.

Затем начиналось куда более странное: отзвуки мысли набирали силу, крепили – словно видения после нескольких часов сенсорной депривации. Впереди обозначилось нечто, не поддающееся определению, но вызывающее ощущение колоссальной удаленности, недоступности.

Разум отчаянно цеплялся за знакомое, пытался облечь в понятные образы. Вот он породил образ белого коридора, уходящего в бесконечность, омытого блеклым мертвенным светом – и непонятно на чем зиждившееся ощущение взгляда в будущее. Коридор усеивали белесые язвы-двери, уводившие, должно быть, в еще более далекие времена и пространства.

Галиана не надеялась и не хотела смотреть в глубину такого коридора – но ее эксперимент сделал взгляд в будущее возможным.

Фелка чувствовала: пройти по коридору нельзя. Можно лишь стоять у его начала и слушать доносящиеся голоса.

А голоса были.

Как и образ коридора, их вылепляло сознание, пытавшееся разобраться в воспринимаемом. Не удавалось понять, из какого будущего они приплыли, как оно выглядело. Как вообще может будущее сообщаться с прошлым, не производя тем самым парадокса?

В попытках найти ответ Фелка натолкнулась на почти забытые, двухсотлетней давности работы физика Дэвида Дойча. Тот предполагал, что время – не постоянно меняющаяся величина (откуда происходит известная аналогия с рекой), но серия сложенных вместе статических картин, так что «поток» времени – не более чем субъективная иллюзия. В нарисованной Дойчем картине мира путешествия в прошлое были вполне возможными и не вызывали парадоксов. Просто «будущее» одной вселенной могло сообщаться лишь с «прошлым» другой. Откуда бы ни звучали голоса и ни приходили послания, они были не из будущего самой Галианы. Вероятно, из очень близкого к нему – но все-таки иного, недоступного.

Но вопрос о характере этого будущего представлялся совершенно несущественным по сравнению с тем, что поведали голоса.

Фелка так и не узнала, что за послание получила Галиана, но представить могла. Наверняка схожее с полученным самой Фелкой, когда она участвовала в экспериментах.

Голоса объясняли, как делать приборы, описывали новые технологии – не в подробностях, но в общих чертах. Они не учили, а скорее подталкивали в нужном направлении. Либо предупреждали, запрещали. Попадая к участникам эксперимента, сообщения превращались в едва различимые отзвуки – как при чудовищно запутанной игре в «испорченный телефон», перемешанные с множеством непостижимых фраз и образов. Было похоже на то, что канал связи с будущим малоемкий, спектрально-узкий, – и каждое послание отнимало от возможности передать что-либо еще. Но встревожило и напугало Фелку не содержание этих посланий, а встававший за ними призрак.

Она догадалась об источнике. О разуме, пославшем их.

– Мы коснулись чего-то, – сказала она Ремонтуару. – Вернее, оно коснулось нас. Проникло сквозь коридор и ощутило наши разумы – в то самое время, пока мы слушали голоса.

– И это было зло?

– Да. Самое подходящее слово для описания – «зло». Мимолетная встреча, мгновенное считывание мыслей этой сущности убило либо свело с ума большинство подопытных.

Фелка посмотрела на свое отражение в стеклянной стене:

– Но я выжила.

– Повезло.

– Не совсем. Я познала чужой разум, и потому шок получился не столь сильным. И, кажется, чужой разум познал меня. Ушел из моего рассудка, едва проникнув туда, сосредоточился на остальных.

– И что это было? Вам удалось понять?

– Удалось – на мою беду. С тех пор я живу с этим знанием, и мне тошно.

– Так что же? – не отставал Ремонтуар.

– Галиана. Ее разум.

– Из будущего?

– Не из нашего будущего. Быть может, оно отличается лишь в мелочах, но оно не наше.

– Но Галиана мертва, сомнений нет, – неловко улыбнулся Ремонтуар. – Как же ее разум мог разговаривать из будущего? Неужели жизнь и смерть – лишь мелкие различия?

– Не знаю. И мне очень интересно, как разум Галианы напился этим злом.

– Потому вы и покинули «Пролог»?

– На моем месте вы бы сделали то же самое. – Фелка с досадой отметила, чтомышь свернула не туда, куда хотелось бы. – Вы сердитесь на меня? Вам кажется, будто я предала Галиану.

– Вне зависимости от рассказанного вами – да, – тихо подтвердил он.

– Я не виню вас за это. Но я должна была поучаствовать. Хоть раз. И я не жалею ни о чем.

– Клавэйн... – прошептал Ремонтуар. – Ему что-нибудь известно?

– Конечно же нет. Это убило бы его.

По дереву стукнули костяшки пальцев. В комнату протиснулся Клавэйн. Глянул на лабиринт:

– Обо мне сплетничают?

– Вообще-то, мы о тебе почти не говорили, – заверила Фелка.

– Какая досада!

– Выпей чаю. Он еще вполне ничего.

Клавэйн принял из ее рук колбу с чаем:

– Не хотите ли поведать о прошедшем собрании?

– Детали мы раскрыть не можем, – ответил Ремонтуар. – Одно скажу: многие хотят твоего присоединения к совету. Некоторые считают, что твоя лояльность Гнезду сомнительна и будет оставаться таковой, пока ты не войдешь в совет.

– Вот же идиоты!

Ремонтуар и Фелка переглянулись.

– Но есть и союзники, те, кто уверен: ты в достаточной мере показал свою преданность Гнезду за многие годы.

– А разве это не так?

– Но и они считают: твое место в совете, – сказала Фелка. – По их мнению, ты не сможешь больше рисковать, соваться в опасные дела.

– То есть я проигрываю и так и этак? – Клавэйн поскреб в бороде.

– Есть меньшинство, вполне согласное с твоим нежеланием входить в совет, – добавил Ремонтуар. – Кое-кто из этого меньшинства всецело одобряет твое поведение. Но остальные считают, что позволить Клавэйну и дальше заниматься войной – вернейший способ его потерять.

– Приятно знать, что меня ценят. А вы двое как думаете?

– Ты нужен Узкому совету, – тихо проговорил Ремонтуар. – Сейчас – больше, чем когда-либо.

Фелка ощутила, как между Клавэйном и Ремонтуаром передалось нечто – не сигнал от имплантата к имплантату, но сущность гораздо древнее. То, чем могут обмениваться люди, дружившие и доверявшие друг другу много лет.

Клавэйн кивнул сурово, посмотрел на Фелку.

– Тебе известно мое мнение, – сказала она. – Я знаю тебя и Ремонтуара с детства. Знаю, что ты ради меня сделал. Даже вернулся в гнездо Галианы, чтобы спасти меня, когда она сама считала это безнадежным. И во все последующие годы ты никогда от меня не отступался. Ты меня изменил, сделал человеком.

– И что теперь?

– Галианы больше нет. Осталась лишь одна нить, связывающая меня с прошлым. Я не вынесу, если она порвется.

В ремонтной верфи, на краю «карусели» Новый Копенгаген, на внешней границе йеллоустонского Ржавого Пояса, у Ксавьера Лиу снова начались неприятности с обезьянами саймири. Бригадир, сам бывший вовсе не саймири, а модифицированным орангутангом, почти без предупреждения отозвал с верфи всех обезьян. Дело было не в самом Ксавьере, поддерживавшем с профсоюзом отличные отношения. Орангутанг приказал обезьянам оставить работу в знак солидарности с колобусами, бастующими где-то за полкольца отсюда. Насколько Ксавьер понял, забастовка случилась из-за лемуров, соглашавшихся на зарплаты ниже обговоренных профсоюзом и отнимавших рабочие места у высших приматов.

Над таким впору посмеяться да и забыть – кабы не помеха делу. Подобных случаев стоило ожидать, если уж решил вести бизнес в Новом Копенгагене. Тут среди ремонтников и докеров есть и маргышки, и человекообразные, и лемуры, и даже попадаются карликовые ленивцы.

Внешняя жилая зона образовывала неровный, ошестиненный конструкциями тор в пределах Ржавого Пояса, вереницы относительно целых, полуразвалившихся и вовсе изуродованных спутников, которые, несмотря ни на что, еще удерживаются на орбите Йеллоустона. В прежние, благополучные времена они поражали своим разнообразием и роскошью. Некоторые представляли собой огромные заполненные воздухом шары либо цилиндры, украшенные зеркалами и золотистыми изящными противосолнечными экранами. Другие поселения располагались на обломках комет и астероидах, притягиваемых на орбиту бригадами угонщиков. Иные небесные тела были пронизаны тоннелями, соединявшими полости-залы и жилые квартиры. Строились поселения и на поверхности, ради упрощения контактов с внешним миром. Купола живущих при низкой гравитации сообществ лепились друг к другу, словно лягушачья икра, переливаясь зеленью и синевой искусственных биоценозов. Обычно на куполах виднелись следы поспешного ремонта, шрамы и паутины трещин, закрытых быстро схватывающейся аварийной эпоксидной смесью либо пеноалмазом. Часть куполов так и не изолировали вновь, и их внутренность осталась темной и безжизненной, словно кучка пепла.

Часть обиталищ имела не слишком практичный вид: причудливые спирали, винты, похожие на игрушки из дутого стекла либо раковины наutilusов, огромные наборы сочлененных сфер и труб, напоминающие органические молекулы. Эти конструкции постоянно менялись – эдакая медленная симфония чистого архитектурного творения. Другие же веками упрямо сохраняли изначальный старомодный облик, противясь новшествам и украшениям. Были и сооружения, скрывающие истинную форму под облаком измельченной материи.

Осталось на орбите и множество мертвых руин. Из некоторых анклавов население было эвакуировано во время эпидемии, и они остались в относительной целостности. Но большинство пострадало, соударяясь с осколками разрушенных, сожженных в прежних столкновениях спутников. Часть обезлюдивших поселений уничтожили, разнесли в куски ядерными зарядами, другие потом подверглись многолетней реконструкции и снова стали жилыми. А парочку удерживали вопреки всем усилиям Феррисвилльской конвенции упрямые и агрессивные скваттеры.

Хотя «карусель» Новый Копенгаген выдержала эпидемию успешнее многих прочих обиталищ, без повреждений не обошлось. Сейчас она представляла собой медленно вращающуюся, замкнутую в тор, толстую – километровой диаметра – трубу. Со стороны труба казалась усеянной причудливыми нарывами, будто снаружи на «карусель» прилепили полосу, выдранную из промышленного города. Вблизи нарывы превращались в кораллоподобную поросль кранов, причальных башен, доков, ремонтных верфей, ангаров. Сложные сетчатые конструкции тянулись в космос, сверкая миллионами сварочных огней, рекламных вывесок, маяков. Отчаливающие и причаливающие суда даже в военное время образовали у края «карусели» плотный, хаотичный рой. Управление движением в Новом Копенгагене всегда было делом очень хлопотным.

Некогда «карусель» вращалась вдвое быстрее, и ее обитатели жили при нормальной гравитации. Тогда она была колесом с центральной ступицей, где сила тяжести практически отсутствовала. Туда и швартовались корабли. Но в разгар плавающей чумы, превратившей Блестящий Пояс в Ржавый, шальной обломок жилого спутника разнес вдребезги ступицу. «Карусель» осталась вращаться сама по себе, колесом без спиц.

Столкновение унесло многие сотни жизней. К ступице пришвартовались эвакуационные корабли, готовые увезти беженцев вниз, в Город Бездны. Точность, с которой ударил обломок, выглядела подозрительной, но последующее расследование доказало, что это было всего лишь чрезвычайно неудачное совпадение.

Однако Новый Копенгаген выжил. Будучи устройством архаичным, он работал без новейших технологий, которые смогла бы поразить чума. Для миллионов людей, обходившихся без наноустройств, жизнь продолжалась, как и раньше. К тому же в отсутствие причалов для кораблей эвакуация была проблематичной. И потому, когда миновали худшие месяцы эпидемии,

Новый Копенгаген имел почти ту же плотность населения, что и ранее. В отличие от многих прочих спутников, где большинством процессов управляли машины, обитатели Нового Копенгагена поддерживали его жизнедеятельность сами. Они скорректировали орбиту, чтобы избежать столкновений, безжалостно уничтожили очаги эпидемии в пределах «карусели». Не считая прискорбного случая с Лайлом Мерриком, вогнавшим древнюю ракету на жидкостных двигателях прямо в «карусель» и сотворившим километровый «Кратер», Новый Копенгаген после эпидемии существовал без особых проблем. А поглазеть на «Кратер Лайла» теперь толпами сбегались охочие до душещипательных зрелищ туристы.

За годы восстановительных работ власти «карусели» многократно пытались собрать деньги на ремонт ступицы. Торговцы и судовладельцы жаловались на потерю клиентов и убытки – к вращающемуся кольцу чертовски трудно швартоваться. А жители отказывались останавливать вращение, поскольку привыкли к нормальной гравитации. В конце концов, был достигнут компромисс, не слишком устраивавший обе стороны. Скорость вращения замедлили наполовину, уменьшив искусственную гравитацию до половины g . Швартовка, хотя и осталась проблематичной, намного упростилась. К тому же, как указывали жители, отчаливающему кораблю «карусель» бесплатно придавала стартовый импульс по касательной – капитанам грех жаловаться. Но тех выгода не особо впечатляла. Они указывали, что сэкономленное при старте топливо – всего лишь компенсация за потраченное на маневры при швартовке.

Но сложность швартовки неожиданно обернулась немалой выгодой в последовавшие за эпидемией беспокойные годы. «Карусель» оказалась иммунной к пиратству, скваттеры искали логово попроще, а часть шкиперов предпочитали швартоваться к Новому Копенгагену, поскольку определенные виды ремонта лучше было делать при гравитации, а не в обычных доках без тяготения, какие предлагали другие орбитальные поселения. Перед началом войны дела пошли в гору, и с внутреннего края «карусели» высунулись зародыши будущих спид. Запланировали уже и новую ступицу.

А на внешнем краю выстроились тысячи вакуумных доков самых разных форм и размеров, способные принять все типы внутрисистемных судов. Как правило, доки уходили под поверхность «карусели», наружу глядела лишь открывающаяся задняя стена. Суда заводили в док обычно с помощью робота-буксира и там надежно швартовали мощными захватами. Все непринаитованное вылетало в космос и чаще всего безвозвратно терялось. Оттого работа в доках была непростой и требовала отсутствия страха высоты. Но раз есть работа, нашлись и желающие за нее взяться.

Доставшееся Ксавьеру Лиу транспортное средство раньше не ремонтировалось, но со многими судами такого же типа он имел дело. Обычный каботажник Ржавого Пояса – маленький полуавтоматический грузовик, предназначенный для коротких рейсов между орбитальными станциями. Корпус – пустая рама, куда подвешиваются контейнеры, словно игрушки на елку. Каботажник курсировал между цилиндром Свифт-Августин и «каруселью», управляемой «Домом исправления», работающей полулегально и без лишней рекламы фирмой, специализирующейся на возвращении жертвам пластической хирургии оригинального облика.

На борту были и пассажиры, каждый находился в своей индивидуальной каюте-контейнере.

Когда грузовик обнаружил неполадку в системе навигации, он просканировал пространство, направился к ближайшей станции, оснащенной ремонтной техникой, и сделал конкурсную заявку. Фирма Ксавьера выдала лучшее предложение, и каботажник направился к ней. Ксавьер позаботился о роботе-буксире, чтобы завести судно в док, и теперь бродил по корпусу. Адгезивные участки на подошвах и перчатках надежно крепили к холодному металлу. С пояса скафандра свисал набор инструментов разной сложности, к левому рукаву был пристегнут компад довольно новой модели. Периодически Ксавьер подсоединялся шлейфом к портам на шасси грузовика, считывал цифры и кривился, прикидывая, что к чему. Знал, что ошибка в

навигационной системе наверняка простая, но ведь нужно ее отыскать. Если отыщешь, всего-то работы – заказать нужную для замены часть на складе, и обезьяны – будь они здесь, конечно, – принесли бы требуемое за несколько минут. Однако он бродил по грузовику уже три четверти часа, а ошибки так и не нашел.

Скверно, ведь по заявке Ксавьер обещал управиться за шесть часов. Первый час уже почти истек, учитывая время швартовки. Обычно пять часов – срок более чем достаточный, но уже появилось нехорошее предчувствие: заказ из тех, за которые приходится выплачивать неустойку.

Он пролез мимо контейнера. Пробормотал под нос:

– Хотя бы ты мне, гад, подсказал что-нибудь полезное...

В наушниках раздался визгливый голосок судовой субличности:

– Вы нашли ошибку во мне? Я чрезвычайно тороплюсь продолжить полет...

– Не нашел. Заткнись, не мешай думать.

– Я повторяю: чрезвычайно тороплюсь...

– Да заткнись ты, бога ради!

Впереди на контейнере обнаружился иллюминатор. До сих пор Ксавьер специально игнорировал и груз, и пассажиров, но сейчас против воли заглянул. Внутри находилось нечто похожее на лошадь с крыльями. Правда, лошади, даже с крыльями, обычно не имеют человеческих лиц. Симпатичных, женских. Ксавьер нечаянно встретился взглядом с существом – и поспешил отвернуться.

Он сунул разъем в очередной порт, надеясь выяснить причину неполадки. Может, с навигацией как раз все в порядке, а забарахлила система диагностики неисправностей... Такое случилось однажды, с тем транспортником, что вез слякоть к гостинице «Амнезия». Глянул на циферблат в нижнем правом углу визора: осталось пять часов десять минут, включая время, нужное для общей проверки и отчаливания. Нехорошо, право слово...

– Вы нашли ошибку во мне? Я чрезвычайно...

Зато отвлекает от тревожных мыслей. Когда стараешься наперегонки со временем и техническая проблема – крепкий орешек, не так часто вспоминаешь об Антуанетте. Без нее тяжело. А если беречь рану, так еще горше. Придумала же себе подвиг... Но отговаривать он не пытался. Понимал: у нее хватает и своих сомнений.

Но сделал, что мог, ради безопасности ее судна. Договорился с другой ремонтной фирмой, где простаивал док, – второй по величине в Новом Копенгагене. Загнал туда «Буревестник». Антуанетта нервничала, не верила, что швартовы могут удержать сотню тысяч тонн инерционного веса. Но швартовы не подвели, судно не вылетело, сорвавшись, в космос, и Ксавьеровы обезьяны проверили «Буревестник» от и до.

Когда работу окончили, Ксавьер и Антуанетта в последний раз занялись любовью. Потом Антуанетта шагнула в шлюз, и через несколько минут, чуть не плача, Ксавьер увидел отлет «Буревестника». Судно отплыло от «карусели», развернулось, ушло прочь. Издали «Буревестник» казался таким маленьким, хрупким.

Затем в офис явился назойливый робот-полицейский Феррисвильской конвенции, жуткое паукоподобное устройство, сплошь лезвия и острые края. Он рыскал несколько часов – видимо, просто хотел запугать. Но ничего не нашел, потерял интерес и убрался восвояси.

Больше ничего интересного не случилось.

Антуанетта сказала, что из зоны военных действий посылать сообщения не будет, потому Ксавьер и не тревожился. Но затем в новостях промелькнули туманные сообщения о боях вблизи Мандариновой Мечты – газового гиганта, в котором Антуанетта хотела похоронить отца. Непредвиденное осложнение и очень неприятное. Антуанетта планировала полет с тем расчетом, чтобы в той части системы отсутствовали военные. В новостях не упоминали гражданское судно, оказавшееся в зоне боев, но это еще не повод для надежды. Возможно, «Буре-

вестник» попал под огонь с обеих сторон, сгинул мгновенно – и никому, кроме Ксавьера, нет дела до его гибели. Вероятно и то, что воюющие стороны знают о судьбе гражданского судна, но держат инцидент в тайне. Ведь это из ряда вон – гражданские не забредают так далеко в спорное пространство.

День сменял день, неделя – неделю, и Ксавьер заставил себя поверить: Антуанетта мертва. Благородная смерть, следствие мужественного, но бессмысленного поступка в ходе войны. Антуанетта не позволила себе уйти в циничное безразличие, забыть долг перед отцом. Ксавьер гордился тем, что знал и любил ее, и терзался невозможностью увидеть снова.

– Я вынужден обратиться к вам снова. Вы нашли ошибку?..

Ксавьер выстучал команду на компаде, чтобы отсоединиться от субличности. Подумал: «Пусть-ка зануда поварится в собственном соку, помучается».

Он посмотрел на часы: осталось четыре часа пятьдесят пять минут. А с проблемой не удалось продвинуться ни на шаг. По сути, стало хуже. Пара возможностей, выглядевших многообещающими несколько минут назад, обернулись глухими тупиками.

– Да провались этот кусок дерьма...

На рукаве замерцал зеленым сигнал. Ксавьер уставился на него, разозленный и растерянный. Подумал: «Вот же ирония судьбы. С Антуанеттой не улетел, а фирма все равно пошла к чертям...»

Оказывается, пришло срочное сообщение из пространства за «каруселью». Сообщение поступало в реальном времени, транслируемое глобальной коммуникационной системой. Аудиопослание, без возможности ответить в реальном времени – отправитель еще слишком далеко, за пределами Ржавого Пояса. Ксавьер приказал коммуникатору озвучить сообщение, и из динамиков шлема полился голос:

– Ксавьер, надеюсь, ты получишь мое сообщение. Надеюсь, фирма еще не разорилась и ты не слишком обременен обязательствами. Потому что я загоню тебя в долги по уши.

– Антуанетта! – воскликнул он, улыбаясь глупо и счастливо.

– Сейчас тебе нужно знать только то, что я сообщу. Остальное – с глазу на глаз. Я возвращаюсь к Ржавому Поясу, но на слишком большой скорости. Мне нужен буксир, чтобы затормозить, и как можно скорее. В доке у Ласло есть парочка «Таурусов» четвертой модели? Один такой вполне справится с «Буревестником». Ласло нам еще должен за ту прошлогоднюю работенку в Даксе-Утрише.

Антуанетта сообщила координаты и вектор скорости, предупредила: в том районе активны баньши. Ксавьер проверил: да, скорость чересчур велика. И что же такое произошло? Впрочем, пустое – все выяснится потом. Но времени совсем в обрез... Она ждала до последней минуты, чтобы отправить сообщение. Теперь нужно бежать сломя голову за «Таурусом». Достичь «Буревестника» буксир должен за полдня. Если опоздает, проблема усложнится раз в десять, и понадобятся такие средства и связи, каких Ксавьер отродясь не видывал.

Любит девушка жить опасно.

Вернулся к несчастному транспорту в доке. К решению проблемы с навигационной системой не приблизился ни на шаг, но теперь ее сложность и ответственность вовсе не давила на нервы.

Ксавьер потыкал в компад, опять открыв канал для субличности. Та немедленно зажужжала в ухо – наверное, нудила и зудела все время, даже когда Ксавьер ее не слушал.

– Вы нашли неисправность? Я настоятельно рекомендую отыскать неисправность в должный срок. Несоблюдение условий ремонтного контракта повлечет за собой штраф вплоть до, но не свыше шестидесяти тысяч единиц конвенции, либо вплоть до, но не свыше ста двадцати тысяч, если несоблюдение повлекло...

Ксавьер торопливо отключился. Снизолла благословенная тишина...

Он проворно слез с шасси судна, спрыгнул на широкую полку у стены. Приземлился среди инструментов и мотков кабеля. Отключил сцепление с поверхностью на перчатке, оперся о стену. Осмотрелся напоследок, не оставил ли на судне ценных инструментов.

Кажется, нет.

Ксавьер откинул измазанную маслом панель на стене. Под панелью обнаружилось много крупных, ярких, игрушечного вида, изрядно засаленных кнопок и рычагов. Одни управляли освещением и подачей электричества, другие – давлением, температурой. Не обращая внимания на остальные, Ксавьер взялся за приметный ярко-алый рычаг управления швартовыми.

Он посмотрел на каботажник. Ведь ей-богу, собрался сделать большую глупость. Возможно, час работы – и обнаружилась бы неисправность. Тогда грузовик мирно отправился бы восвояси, и сползание фирмы к банкротству прекратилось бы. Ну, по крайней мере, на пару недель.

С другой стороны, он мог бы провозиться все пять часов и не выявить неисправность. Тогда все равно будет штраф, в размере вплоть до, но не свыше ста двадцати тысяч. Каботажник так любезно проинформировал о санкциях, будто знание верхнего предела неким чудесным образом уменьшит неприятные последствия штрафа. И нивелирует тот факт, что времени на спасение Антуанетты останется на пять часов меньше.

В общем, выбирать не приходится.

Ксавьер потянул алый рычаг. Тот принял новое положение, старомодно щелкнул, фиксируясь. Тут же по всему доку замигали оранжевые фонари. В динамиках зазвучал сигнал тревоги, советуя держаться подальше от движущегося металла.

Зажимы отскочили, на мгновение каботажник завис, словно по волшебству. Затем центробежная сила взяла свое, и с величественной медленностью судно выдвинулось из дока, вылетело плавно и элегантно – словно оброненный в пропасть канделябр. Полюбоваться дальнейшим продвижением каботажника не удалось – вращение «карусели» быстро скрыло его из виду. Можно, конечно, прождать оборот и посмотреть, но есть дела куда важнее.

Ксавьер знал: поспешное отплытие не причинило повреждений каботажному судну. Очень скоро оно найдет другую ремонтную фирму. А через несколько часов без проблем продолжит путь к «Дому исправления», повезет бедняг-пассажиров, чьи телесные модификации уже вышли из моды.

Конечно, иски могут посыпаться со всех сторон: и от пассажиров, если те прознают о случившемся, и от станции, где они сели на судно, и от картеля, владеющего транспортом, и, возможно, даже от самого «Дома исправления» – за создание ситуации, опасной для клиентов.

Да пошли они все куда подальше. Главное, Антуанетта прислала весточку. Теперь важно только это.

Глава 8

Клавэйн смотрел на звезды.

Он находился на поверхности кометного обломка, приютившего Материнское Гнездо. То ли висел вниз головой, то ли стоял в нормальном положении – решить трудно. Сила тяжести, рождаемая пустотелым остатком кометы, ничтожна. Вокруг, насколько хватает взгляда, ни человека, ни следов человеческого присутствия. Мимолетный наблюдатель увидит лишь одинокого космонавта, брошенного на поверхности кометы без убежища и припасов. Снаружи – никаких признаков огромного обитаемого устройства в кометном ядре.

Комета медленно вращалась, из-за горизонта периодически всплывал бледный огонек Эпсилона Эридана. Казалось, эта звезда ярче всех прочих на небе – но она всего лишь звезда, а не солнце этой системы. Клавэйн будто ощущал холод огромного пространства между ней и кометой. Сотня астрономических единиц. По сути, мелочь в сравнении с межзвездными расстояниями – но от осознания подобных масштабов бросало в дрожь. Клавэйн так и не избавился от благоговейного ужаса перед привычной многим колоссальностью космоса.

Внимание привлекла далекая вспышка, едва заметная искорка в плоскости эклиптики. Отсюда, с кометы, – на ширину ладони от Эпсилона Эридана. И опять резкая, колючая искра, почти на пределе видимости.

Нет, это не обман зрения. Новая искра, чуть поодаль от первых двух. Клавэйн приказал визору шлема отфильтровать звездный свет, чтобы глаза могли приспособиться к слабым сигналам. Визор заслонил Эпсилон Эридана точно подобранным черным пятном.

Сейчас уже не ошибешься, определяя природу вспышек. Это битва, происходящая в десятке световых часов отсюда. Участвующие корабли распределены в объеме нескольких световых минут, они стреляют друг в друга из тяжелых релятивистских орудий. Если бы Ксавьер находился в Материнском Гнезде, он бы соединился с общей базой тактических данных и выяснил, какие войска патрулируют тот сектор пространства. Но вряд ли узнал бы намного больше того, что видит сейчас собственными глазами.

Вспышки – это большей частью взрывы, в которых гибнут корабли. Иногда – инициирующие импульсы демархистских рейлганов, огромных, в тысячу километров длиной линейных ускорителей. Их накачивали энергией последовательно детонирующие кобальтовые бомбы. Они разносили ускорители на атомы, но перед тем разгоняли глыбу стабилизированного металлического водорода величиной в дом до скорости в семьдесят процентов световой. Глыба неслась, едва опережая волну обломков, созданных взрывами.

У сочленителей было оружие сравнимой эффективности, причем энергию для разгона снаряда качали из флуктуаций вакуума. Их пушки можно было перезаряжать, они прицеливались быстрее и мощных вспышек не производили.

Конечно, спектроскопический анализ вспышек однозначно указал бы на их происхождение. Но скорее всего, это главным образом результаты прямых попаданий в демархистские крейсера.

Там, вдали, умирали враги – в ярчайших вспышках, во взрывах столь быстрых и мощных, что никто не ощущал боли, не успевал узнать пришедшую смерть. Но безболезненная кончина – утешение слабое. В принявшей бой эскадре много кораблей. Уцелевшие видят гибель друзей и соратников. Ежесекундно они задают себе вопрос, кто же будет следующим. Они не узнают, когда к ним направится роковой снаряд, не узнают, когда он попадет.

Конечно, война всегда страшна, и Клавэйн знал об этом лучше многих. Но наблюдателю с кометы Гнезда битва кажется праздником, фейерверком в далеком городе. Война восхищает сияющей красотой – блеском лат Азенкура, пожарами Герники, ядерным пламенем Нагасаки,

инверсионным следом над плато Фарсида, а вот теперь и далекими вспышками релятивистского оружия в бархатно-черном небе двадцать седьмого века, усеянном искрами звезд.

Битва медленно уходила за горизонт. Сейчас она скроется вовсе, оставив небо чистым, не омраченным людским злодейством.

Клавэйн подумал о том, что узнал об Узком совете. Должно быть, с негласного одобрения Скади Ремонтуар рассказал о роли, отведенной Клавэйну в совете. Дело не только в том, чтобы не допустить его гибели в очередной рискованной операции, но еще и в его ожидаемом участии в некоем секретном проекте. Нужно вернуть ценные объекты, попавшие в чужие руки за пределами системы Эпсилон Эридана.

Какие именно объекты, Ремонтуар не сказал. Лишь упомянул, что они, потерянные в прошлом, сейчас принципиально важны для выживания Материнского Гнезда. Чтобы узнать больше – а узнать больше необходимо, если Клавэйн хочет быть по-настоящему полезным Гнезду, – нужно присоединиться к Узкому совету. Ошеломительная простота.

Теперь, обдумывая все заново в одиночестве, на поверхности кометы, Клавэйн пришел к выводу: да, факты говорят сами за себя. И все сомнения насчет участия в работе совета – на порядки меньше истины, встающей за фактами.

Тем не менее он не мог поверить Скади целиком. Она знала гораздо больше – и будет знать больше, несмотря даже на вступление Клавэйна в совет. Конечно, оказавшись в совете, ты на шаг ближе к Внутреннему святилищу – но все же остаешься вне его. И кто скажет, не существуют ли более глубокие уровни секретности, кроме святилища?

Место битвы снова появилось в поле зрения, выплыло из-за горизонта. Клавэйн заметил, что вспышки происходят гораздо реже. Бой заканчивался. Почти наверняка демархисты понесли куда более тяжелые потери, чем сочленители. Те вообще могли обойтись без потерь. Враги расползались по базам, пытаясь не вступить в новый бой по пути. Скоро о битве расскажут в новостях, демархисты попытаются перекроить факты так, чтобы увидеть хоть толику оптимизма в сокрушительном поражении. Такое случалось уже тысячи раз. Похожие битвы еще разыграются, но их будет не много. Враг не имел военных успехов уже много лет и уверенно скатывался к полному поражению. Так из-за чего тревожиться о выживании Материнского Гнезда?

Увы, был лишь один способ это выяснить.

Шлюпка отыскала причал с безошибочной, машинной точностью. Клавэйн высадился на «карусели» с нормальной гравитацией и несколько минут тяжело дышал, пока тело не приспособилось к новым условиям.

Он пошел по лабиринту изгибающихся коридоров и лестниц. По пути встречал сочленителей, не обращавших на него особого внимания. Улавливал мимолетные мысли о нем: спокойное уважение, восхищение, чуточку жалости. Основная масса населения не знала о попытках Скади привлечь Клавэйна в совет.

Коридоры стали темнее, теснее. По-спартански голые стены изукрашились трубами, контрольными панелями, вентиляционными решетками, сквозь которые шел теплый воздух. Под ногами и за стенами гудели машины. Нигде по пути не встретила запертая дверь, надпись «Проход запрещен». Но любой, не знакомый с этой частью «карусели», почувствовал бы, что он забрел в район, где работает важная аппаратура; ходить тут положено лишь персоналу. Немногие зашли бы так далеко. Прочие поскорей развернулись бы и поспешили перебраться в места поуютней.

Клавэйн же упорно продвигался и достиг части кольца, не отмеченной ни на строительных чертежах, ни на официальных картах. Большинство жителей Материнского Гнезда и не догадывались о его существовании. Клавэйн приблизился к бронзово-зеленой массивной гер-

метичной двери – неохраняемой, без каких-либо надписей. Рядом, на стене – толстый металлический штурвал с тремя спицами.

Он ухватился за две спицы, потянул. Штурвал поначалу не поддался – сюда давно уже никто не приходил. Затем плавно двинулся, подчинился усилию. В конце концов закрутился с легкостью, и дверь стронулась с места, роняя капли смазки и конденсата.

Клавэйн провернул штурвал еще раз, и дверь открылась, позволяя войти.

За ней было темней, чем в коридоре до нее. Клавэйн перешагнул через полуметровый комингс, пригнувшись, чтобы не оцарапать голову. Металл колеса был обжигающе-холодным. Пришлось подышать на онемевшие пальцы.

Войдя, покрутил такое же колесо, пока дверь не вернулась на место – но на сей раз прикрыл пальцы рукавами. Он направился в темноту, и зажглись бледно-зеленые лампы, разгоняя сумрак зала, огромного, низкого и длинного, словно пороховой погреб.

Здесь был заметен изгиб кольца. Стены загибались кверху и книзу, сливаясь с полом и потолком. Вдали тянулись ряды анабиозных контейнеров.

Клавэйн знал в точности, сколько их: сто семнадцать. Из экспедиции на корабле Галианы вернулось сто семнадцать человек, и никого из них невозможно оживить. Многие члены команды подверглись столь жестокому насилию, что останки различались лишь посредством генетического анализа. Тем не менее для них выделили отдельный анабиозный контейнер.

Клавэйн брел между рядами, под ногами лязгала решетка пола. Тихо жужжали механизмы. Все криокапсулы работали в нормальном режиме – не потому, что сохранялась надежда воскресить погибших. Их сочли благоразумным держать в замороженном состоянии. Хотя в них – за исключением, конечно же, одного тела – и не заметили признаков чужеродных машин, волков, – возможно, эти машины все-таки присутствовали. Ничтожных размеров паразиты, настолько мелкие, что человеческая аппаратура не способна их зарегистрировать, могли ждать, затаившись, своего часа. Останки несложно кремировать, но тогда исчезнет возможность узнать что-либо о волках. Обитатели Материнского Гнезда были людьми чрезвычайно благоразумными.

Капсула с телом Галианы стояла отдельно от прочих, на небольшом возвышении, чуть наклонно. Изъеденная коррозией аппаратура напоминала резьбу по камню. Криокапсула казалась саркофагом могучей королевы-чародейки, любимой народом отважной воительницы, защищавшей своих людей до конца и теперь покойной, окруженной вернейшими рыцарями, советниками, фрейлинами. Еще не подойдя к капсуле вплотную, сквозь ее прозрачный верх гость увидел профиль Галианы, ее плечи, лицо. Спящая королева казалась умиротворенной, спокойно принявшей судьбу. Руки сложены на груди, подбородок приподнят, так что выделяются волевые, сильные черты благородного лица. Глаза закрыты, на лбу ни морщинки. Будто потоки темной влаги, с головы спадают длинные, подернутые сединой волосы. На коже поблескивают мириады крошечных льдинок, переливаются мягкими тонами синего, розового, зеленого. В смерти Галиана выглядела утонченно-красивой, хрупкой, удивительной – словно изваянная из глазури.

Клавэйну хотелось плакать.

Он коснулся холодной крышки, провел пальцами, оставляя четыре едва заметных следа. Столько бы сказал ей, если бы она вырвалась из страшных объятий волка, столько бы объяснил... Ее размораживали лишь единожды, сразу после возвращения. Но через годы или века ее ведь снова могут согреть!

Он снова и снова думал, что скажет, если разум Галианы хоть на миг прорвется сквозь мрак. Вспомнит ли она Клавэйна и то, как были вместе? Вспомнит ли Фелку, близкую и дорогую обоим как родная дочь?

Бессмысленно терзать себя надеждой. С Галианой больше не поговорить. Никогда.

– Я решился, – сказал он вслух, и с каждым словом изо рта вырывалось облачко пара. – Не уверен, что ты бы одобрила. Ведь ты никогда не позволяла создавать закрытые клубы вроде этого совета. Говорят, это из-за войны. Тактическая необходимость, соблюдение военной тайны. Но зародыш совета образовался еще до войны. Всегда секреты, всегда попытки скрыть важное – даже от самих себя.

Пальцы онемели от холода.

– Я решил вступить в совет, потому что назревает очень плохое. Если нужно это остановить – сделаю все возможное. Если остановить невозможно – приложу все усилия, чтобы провести Материнское Гнездо сквозь бурю. Но вне совета я не смогу ничего. Галиана, никакая победа в войне не вызывала у меня столько сомнений, как эта. Наверное, и ты бы сомневалась на моем месте. Ведь всегда с подозрением относилась к слишком простому, подозревая обман. Я-то знаю. Сам попался в твои силки.

Он вздрогнул. Почему-то стало очень холодно и закололо меж лопаток – словно подглядывает кто. Но вокруг по-прежнему ровно гудели механизмы, огоньки капсул не изменились.

Клавэйн понял вдруг, что совсем не хочет здесь задерживаться.

– Галиана, – проговорил он поспешно и виновато, – я должен это сделать. Будь что будет, но я приму предложение Скади. Надеюсь, ты поймешь.

– Клавэйн, она поняла бы.

Он резко обернулся и тут же, узнав голос, понял: бояться нечего.

– Фелка! Как ты меня нашла?

– Догадалась. Всегда думала, что ты напоследок захочешь посоветоваться с ней.

Как же тихо Фелка вошла. Он присмотрелся – да ведь дверь открыта. И почувствовал холод от сквозняка.

– Я и сам не понимаю, зачем пришел сюда. Она ведь мертва.

– Она – твоя совесть.

– Потому я и любил ее.

– Мы все любили ее. И потому она кажется нам живой, все еще ведущей нас. – Фелка подошла вплотную. – Нет ничего зазорного в том, чтобы приходить сюда. Я не стану считать тебя слабее или меньше уважать.

– Я уже понял, как мне следует поступить.

Она вежливо кивнула, будто он всего лишь сказал, который час.

– Пойдем отсюда. Здесь слишком холодно для живых. Галиана не обидится.

Клавэйн двинулся следом за Фелкой к двери. Перешагнув комингс, взялся за колесо, закрывая тяжкую герметичную дверь, оставляя память и призраки прошлого в холоде и покое – там, где им и должно быть.

Клавэйна ввели в зал совета. Он ступил за порог, и сразу утих постоянный мысленный шум, будто порывом ветра унесло отголоски тысяч разумов Материнского Гнезда. Подобное умственное безмолвие было очень неприятным для большинства сочленителей, но даже если бы Клавэйн не вернулся только что из места упокоения Галианы, где царила такая же тишина, он едва ли ощутил бы нечто большее, чем мимолетное неудобство. Слишком много времени он провел на дальних окраинах владений сочленителей, чтобы беспокоиться об отсутствии чужих мыслей в голове.

Конечно, здесь одиночество не было полным. Он слышал разумы членов совета, хотя их обычные мыслительные блоки позволяли уловить лишь наиболее поверхностные, простые мысли. Сам же зал был неприметным: большая сфера с ярусами кресел, почти достигающими вершины купола. Пол гладкий, серый, блестящий, в центре – единственное кресло, жесткое, простое, сделанное зацело с полом, словно выдавленное из него.

– Клавэйн! – воззвала Скади.

Она стояла на краю далеко выступающего из стены балкона.

– Я слушаю.

– Садитесь в кресло!

Он ступил на блестящий пол, отзывавшийся отчетливым стуком на каждый шаг. Ощущение – будто ты в зале суда, идешь слушать собственный приговор.

Клавэйн сел в кресло – как и ожидалось, жесткое, неудобное. Закинул ногу на ногу, поскреб в бороде:

– Скади, давайте поскорей с этим покончим. Я готов.

– Клавэйн, всему свое время. Понимаете ли вы, что с новым знанием приходит и ответственность за сохранение его в тайне? Что секреты, доступные Высшему совету, не должны попасть в руки врага? И передача их другим сочленителям недопустима?

– Скади, я представляю, во что ввязываюсь.

– Клавэйн, мы просто хотим удостовериться. Едва ли вы можете нас упрекнуть в этом.

Ремонтуар встал:

– Скади, он же сказал, что готов. Этого достаточно.

Женщина посмотрела на него с равнодушием, показавшимся Клавэйну куда страшнее открытого гнева.

– Ремонтуар, благодарю вас за пояснение.

– Он прав, – вмешался Клавэйн. – Я полностью готов.

– Тогда будьте готовы и к тому, что сейчас в ваш мозг поступят ранее запретные для вас сведения.

Клавэйн против воли стиснул подлокотники кресла, хотя и понимал, сколь нелепо это инстинктивное движение. Похоже он ощущал себя четыреста лет назад, когда Галиана впервые продемонстрировала ему Транспросвещение. Произошло это в Гнезде на Марсе; раненному в мозг Клавэйну внедрили нейроимплантаты. Поначалу Галиана лишь издала показала общность разумов – но за миг до того он будто стоял на берегу и видел приближение цунами, считая секунды до чудовищного удара стихии. И хотя сейчас навряд ли можно было опасаться изменений в разуме, ожидание было пыткой. Ведь он получит доступ к знаниям столь удивительным и опасным, что ради них создали иерархию в прежде однородном сообществе, разделяющем мысли всех его членов, в коллективном разуме равных.

Клавэйн ждал, но ничего так и не происходило.

– Данные переданы, – объявила Скади.

Клавэйн расслабился:

– Но я не ощущаю перемен!

– Данные переданы.

Клавэйн посмотрел вокруг. Ничего не изменилось, восприятие осталось прежним. Заглянул в память, – кажется, все лежащее на поверхности присутствовало и минуту назад...

– Но я не...

– Перед тем как вы приняли решение и пришли сюда, мы позволили вам узнать, почему считаем вашу помощь необходимой. Нам нужно вернуть утраченные ценности. Клавэйн, вы это помните?

– Но что за ценности, вы мне не сказали. Я и сейчас про них не знаю.

– Потому что не задаете себе нужных вопросов.

– И какие это вопросы?

– Клавэйн, спросите себя об «адском» оружии. Уверена, ответы покажутся вам очень интересными.

– Да я не знаю ничего об оружии...

Пробормотал – и смолк. Ведь теперь знал в точности, о чем идет речь.

Эти новые сведения помогли вспомнить: за свою жизнь среди сочленителей он много раз слышал о новом жутком оружии, спрятанном в каком-то тайнике. Даже заклятые враги шептались об оружии последнего боя, столь разрушительном, что даже испытать его толком не удалось. И в сражениях это оружие не применяли. Оно было очень старым, его создали на заре истории сочленителей. Слухи разнились в деталях, но сходились в одном: единиц оружия произведено сорок, и среди них нет двух похожих друг на друга.

Клавэйн всерьез эти слухи никогда не принимал, считая их отголосками давней военной пропаганды, фальшивки, изготовленной одним из отделов контрразведки Гнезда. О реальности такого оружия и помыслить было трудно. Не было ни единого официального подтверждения его существования за всю историю общества сочленителей. И Галиана никогда не упоминала ни о чем подобном. А если оружие по-настоящему старое, еще с марсианских дней, Галиана не могла не знать о его существовании.

Но ведь это оружие существует!

Клавэйн с энтузиазмом, но без удовольствия покопался в новых знаниях. Он всегда подозревал о секретах Материнского Гнезда, но и вообразить не мог, что столь масштабную тайну скрывают столько времени. Словно обнаружил потайную комнату в доме, где прожил всю жизнь. Обидно и горько. Ему не доверяли.

Древние слухи не солгали про сорок единиц. Каждая пушка – уникал, концепт, использующий глубокие и до сих пор не исследованные полностью физические явления чудовищно разрушительного действия. Галиана знала об оружии. Именно она в разгар войны с сочленителями, ввиду нависшей угрозы, приказала создать его. В то время враги побеждали лишь за счет численного превосходства, но не технического. С новыми пушками Галиана могла легко склонить чашу весов в свою пользу – но в последний момент отказалась применить их. Посчитала, что лучше погибнуть, чем совершить геноцид.

Но судьба благоволила сочленителям. Народ Галианы оказался на самой грани – но вычеркнуть его из истории враги не смогли.

После войны оружие спрятали в другой звездной системе, в астероиде-крепости. В памяти плыли смутные образы: укрытые бункеры, свирепые роботы-сторожа, опаснейшие ловушки, мины. Несомненно, Галиана боялась нового оружия не меньше, чем врагов, и хотя не пожелала его немедленно разобрать, сделала все от нее зависящее, чтобы исключить возможность необдуманного использования. Чертежи и технические характеристики пушек были стерты из архивов, чтобы предотвратить попытки создания новых единиц. С той поры таких попыток и не предпринималось. Если бы вдруг оружие потребовалось снова, в случае угрозы самому существованию сочленителей можно было бы слетать за ним, готовым к применению. Правда, путь был неблизок – световые годы. Достаточно, чтобы охладить горячие головы. Сорок «адских» пушек могли быть использованы лишь в результате холодного, спокойного, взвешенного решения.

Но оружие украли. Непрístupный астероид взяли штурмом, и к тому времени, когда пришла группа для расследования, похитителей и след простыл. Вору мастерски обошли защиту и сумели в ходе штурма не разбудить оружие. А «спящие» пушки не разрушить дистанционно, не отследить и не обезвредить.

Клавэйн узнал: попыток выяснить, куда делось оружие, было много, но все завершились неудачно. Во-первых, само его существование держали в тайне, а уж о похищении знало лишь несколько старших сочленителей. И десятилетиями напролет они мучились неопределенностью, боялись. Ведь пушки способны разбивать целые миры, будто хрупкое стекло. Одна надежда на то, что воры не представляют себе всех возможностей добычи.

Десятилетия превратились в века. В занятом людьми пространстве случалось много бедствий и катастроф – но ни единого признака пробуждения оружия. Немногие осведомленные

сочленители мало-помалу успокоились. Может, пушки попросту забыты в глубинах космоса либо брошены в пылающие недра звезды.

Но оно внезапно нашлось.

Незадолго до возвращения Клавэйна из экспедиции признаки применения оружия были замечены в окрестности Дельты Павлина, подобной Солнцу звезды в пятнадцати световых годах от Материнского Гнезда. Нейтринный сигнал был несильным. Возможно, предыдущие сигналы оказались ниже порога чувствительности детекторов. Но недавно принятые сигналы уже позволили с уверенностью определить: активировано несколько пушек.

Система Дельта Павлина находится в стороне от торговых путей. Единственная обитаемая планета в ней, Ресургем, была заселена участниками археологической экспедиции с Йеллоустона, руководимой Дэном Силвестом, сыном кибернетика Кэлвина Силвеста, наследником одного из богатейших семейств демархистского общества. Экспедиция раскапывала останки птицеобразных разумных существ, обитавших на планете миллион лет назад. Колония постепенно разорвала официальные связи с Йеллоустоном, а чехарда во власти заменила первоначальные научные задачи не слишком внятной политикой терраформирования и заселения планеты. Возникали заговоры, и случались перевороты, но вряд ли оружием завладели поселенцы Ресургема. Изучение списков кораблей, покидавших Йеллоустон, показало: субсветовик «Ностальгия по бесконечности» прибыл в систему Дельта Павлина приблизительно в то же время, каким датируется пробуждение оружия. Сведений о корабле и команде отыскалось не много. В иммиграционных архивах Ржавого Пояса значилось: непосредственно перед отбытием корабля женщина по имени Илия Вольева искала человека для пополнения экипажа. Имя могло быть фальшивым – в суматошное время после эпидемии корабли и люди называли себя как угодно. Хотя лишь горстка сообщений с Ресургема достигла Ржавого Пояса, в одном, обрывистом и паническом, упоминалась Илия Вольева, которая терроризировала колонию и добивалась выдачи ее прежнего правителя. По непонятной причине Вольева и ее товарищи хотели видеть Дэна Силвеста на борту своего корабля.

Конечно, это не значило, что Вольева причастна к похищению – но, как справедливо заметила Скади, подозрения насчет этой ультра более чем весомы. В ее распоряжении был субсветовик достаточных размеров для размещения всех сорока пушек. Она угрожала колонии насилием; она прибыла в систему Дельта Павлина одновременно с пробуждением оружия. Непонятно, что Вольева хотела сделать с пушками, но ее причастность практически не вызывает сомнений.

Похоже, Скади права. Все аргументы за то, что похитительница – именно Вольева.

Гребень Скади пульсировал бирюзовым и бронзовым. Клавэйн обнаружил у себя новые сведения: видеофрагменты с Вольевой, обычные фотографии. Он ожидал чего угодно: злодея, уродства. А на снимках и кадрах оказалась совершенно обычная женщина: короткая стрижка, упрямое выражение на круглом лице. Если бы перед Клавэйном выставили галерею портретов возможных похитителей, Вольеву он бы заподозрил в последнюю очередь.

Скади улыбнулась. Догадалась, что Клавэйн заинтригован.

– Теперь вы понимаете, почему нам необходима ваша помощь. Местонахождение и состояние тридцати девяти оставшихся единиц...

– Постойте, тридцати девяти? Речь же шла о сорока!

– Разве я не упоминала об уничтожении одной пушки?

– Увы, не упоминали.

– Должна сказать, уверенности нет, очень уж велико расстояние. Оружие нестабильно, оно может пробуждаться и деактивироваться снова. Но сигнатуры одной из пушек не отмечались с две тысячи пятьсот шестьдесят пятого года по локальному времени Ресургема. Полагаю, это означает уничтожение орудия или, по крайней мере, его повреждение. Шесть из оставшихся тридцати девяти пушек отделены от основной группы. От них еще поступают сигналы

– но с другого края системы, от нейтронной звезды. Прочие тридцать три находятся в одной астрономической единице от Дельты Павлина, в коллинеарной точке либрации между звездой и Ресургемом. Скорее всего, эти тридцать три – в трюме субсветовика триумвира Вольевой.

– Подождите! – Клавэйн поднял руку. – Значит, вы зарегистрировали эти сигналы еще в две тысячи пятьсот шестьдесят пятом году?

– По местному времени Ресургема.

– Тем не менее это значит, что здесь вы зарегистрировали сигналы приблизительно в две тысячи пятьсот восьмидесятом году. Тридцать три года назад. Скади, какого же черта вы не отреагировали раньше?

– Клавэйн, мы воевали. И едва ли могли предпринять сложную, трудоемкую, дорогостоящую операцию по возврату оружия.

– А теперь можем?

Скади выразила снисходительное согласие едва заметным кивком.

– Теперь чаша весов определенно склоняется на нашу сторону. Наконец-то мы способны выделить необходимые ресурсы. Но не стоит недооценивать врага. Задача не из легких. Следует вернуть пушки, похищенные из крепости, в которую мы сами пробившись бы сейчас с огромным трудом. У Вольевой есть и собственное оружие, помимо украденного у нас. Свидетельства ее преступлений на Ресургеме указывают: она без колебаний применяет силу. Но мы должны вернуть украденное, сколько бы времени и ценных ресурсов это ни потребовало.

– Ценных ресурсов? Вы имеете в виду жизни?

– Клавэйн, вы отлично представляете цену войны и победы и можете принять ее без колебаний. Потому мы и предложили вам руководить операцией по возвращению оружия. Если сомневаетесь в собственной пригодности, загляните еще раз в вашу память.

И тотчас в разум Клавэйна вломились куски прошлого, эпизоды былых битв. Это напоминало кадры военных фильмов, старых, плоских, монохромных. Такие он смотрел в самом начале своей карьеры в Союзе за чистоту разума, пытаясь отыскать – как правило, напрасно – тактические приемы, применимые против нынешнего врага. Но «кино» от Скади прокручивалось рывками, на огромной скорости, и главным героем был сам Клавэйн. Исторически точный фильм, эдакий военный парад. Вот операция по спасению заложников фракции Гильгамеш—Изида. Тогда Клавэйн потерял руку от серного ожога, рана заживала год. Вот Клавэйн и женщина-сочленитель крадут мозг ученого-демархиста у фракции изменников-миксмастеров вблизи Глаза Марко. Партнершу Клавэйна модифицировали, с тем чтобы она могла поддерживать жизнь украденного мозга в своем чреве, а Клавэйну пришлось сделать ей кесарево сечение – не для того, чтобы вынуть плод, а для того, чтобы вложить похищенный орган. Тело ученого оставили преследователям, и те сочли похищенного мертвым. А сочленители вырастили клон и пересадили ему трофейный мозг.

Вот Клавэйн возвращает сочленительский двигатель, украденный отщепенцами-угонщиками, засевшими в одном из внешних модулей аграрного комплекса-улья Пухляк. Вот защищает мир жонглеров от алчных ультранавтов, пожелавших брать плату за доступ к изменяющему разуму океану.

Битв, операций и рейдов было много. Очень много. Клавэйн всегда выживал – и почти всегда побеждал. Наверное, в какой-нибудь параллельной Вселенной он бы погиб давным-давно. Может, не менее искусен был бы в военном деле, но просто отвернулась бы удача. Цепь успехов экстраполяции не поддается. Сколь бы длинной ни была их черед, она не гарантирует новых побед.

Однако сейчас, хоть успех и не гарантирован, вероятность достичь его у Клавэйна больше, чем у любого другого члена совета.

Он невесело улыбнулся:

– Похоже, вы знаете меня лучше, чем я сам.

– Клавэйн, я уверена: вы поможете. Иначе и не старалась бы привлечь вас, не прилагала бы столько усилий. Я ведь права, да? Вы поможете?

Клавэйн осмотрел зал совета. Какой удручающий зверинец! Дряхлые, сморщенные человеческие останки, непристойно обнаженные мозги тех, кто уже почти растворился в общем разуме. И все эти без пяти минут призраки напряженно ждут ответа, даже едва различимые за стеклом мозги замедлили пульсацию. Конечно, Скади права. Клавэйн никому бы не доверил подобную работу. Даже сейчас, на склоне карьеры и жизни. Но время... почти два десятилетия, чтобы достичь Ресургема. Столько же – назад. Но что такое сорок лет по сравнению с четырьмя веками? К тому же большая часть этого времени придется на анабиозный сон.

Сорок лет. И еще пять лет на подготовку, и с год на саму операцию... Вместе – почти полстолетия. Он посмотрел на Скади. Заметил: цвета на ее гребне прекратили переливаться. Знал, что глубинные слои его разума она просканировать не в силах. Непрозрачность его разума одновременно интриговала и бесила Скади. Но общий ход мыслей она, скорее всего, улавливала прекрасно.

– Я согласен. Но на определенных условиях.

– Каких же?

– Я сам набираю команду. Если попрошу Ремонтуара и Фелку отправиться со мной и они согласятся – совет не будет возражать.

Скади задумалась, затем кивнула с грациозностью куклы из театра теней.

– Разумеется. Сорок лет отсутствия – долгий срок. Это все?

– Я не выйду против Вольевой, если не получу максимального тактического преимущества, превосходства в силах. Так я действую всегда – достигаю полного превосходства на моем участке фронта. Значит, одним кораблем не обойтись. Самое малое два, а лучше три. Возьму и больше, если Материнское Гнездо успеет их собрать. Мне нет дела до запрета на производство субсветовиков. Мне нужны они, оснащенные самым тяжелым и мощным оружием. Одного корабля мало. Учítывая, сколько времени требует их строительство, начинать его нужно прямо сейчас. Нельзя просто ткнуть пальцем в астероид, сказать волшебное слово и через неделю получить готовый субсветовик.

Скади коснулась пальцем нижней губы, прикрыла глаза, и Клавэйну показалось, что идет оживленный и непростой спор с кем-то далеким. Ресницы и веки Скади вздрагивали, словно у мучимой лихорадкой сомнамбулы.

– Клавэйн, вы правы. Нам необходимы корабли – новые, с модификациями, уже опробованными на «Паслене». Но не тревожьтесь, они уже заложены. Фактически монтаж близится к завершению.

– Новые корабли? Где же они?

– Неподалеку отсюда.

– Прекрасно. Ведь делу не повредит, если я их осматрю? Очень хотелось бы это сделать до того, как уже поздно будет что-либо менять.

– Клавэйн...

– Здесь торг неуместен. Если я берусь за работу, мне нужно хорошенько изучить орудия труда.

Глава 9

Инквизитор отстегнулась от кресла, встала, очертила прямоугольник в матовой стене шаттла, принадлежащего триумвиру. Прямоугольник послушно сделался прозрачным, и впервые за пятнадцать лет Ана смогла посмотреть на Ресургею из космоса.

Даже за такое ничтожное по планетным масштабам время изменилось многое. Раньше облака были всего лишь зыбкими перышками пара, плывущими на большой высоте, а теперь клубились ватные плотные тучи, закручивались в причудливые спиральные узоры. Неосмысленное художественное творчество Кориолисовой силы. Блестели под солнцем эмалево-голубые зеркальца озер и миниатюры морей. Там и тут – скопления четко очерченных зеленых, золотистых фигур, пронизанных серебристо-голубыми ирригационными каналами, достаточно глубокими для судоходства. Видны серые царапины шоссе и скоростной железной дороги. Города и поселки – расплывчатые пятна застройки в перекрестьях улиц, отдельные сооружения различаются с трудом даже при увеличении, какое сумело выдать окно. У центров старых поселений, сравнимых по возрасту с Кювье, проглядывают остатки старых жилых куполов либо их фундаментов. В стратосфере – яркие движущиеся бусины транспортных дирижаблей, изредка – крохотная искорка правительственного самолета, спешащего по делам. Но с такой высоты человеческая активность на планете практически незаметна. Глядишь на шар внизу и будто видишь под микроскопом оболочку диковинного вируса.

Инквизитору после многих лет жизни под придуманной личиной казалось странным и непривычным прежнее имя, Ана Хоури. Новая судьба въелась крепко. Хотя Ана не испытывала привязанности к Ресургею, глядя сверху, не могла не отметить: теперь планета не кажется лишь временным пристанищем. Теперь это дом для множества людей. Большинство из них и не знало другого, родившись здесь. Попадают, конечно, люди скверные, но ведь и столько хороших, добрых. Их нельзя винить за грехи нынешнего правительства и за несправедливости прошлых лет. Как бы то ни было, люди имеют право спокойно прожить свой век и умереть на планете, которую зовут своей родиной. Умереть естественной смертью.

К сожалению, как раз этой возможности судьба могла им и не дать.

Шаттл был крохотный, проворный, шел на автопилоте. Триумвир Илия Вольева дремала в соседнем кресле, опустив на глаза капюшон невероятно засаленной мешковатой серой куртки. Автопилот умел уклоняться от радаров, которыми правительство прочесывало пространство вокруг Ресургеи. Тем не менее полеты лучше было предпринимать в самых исключительных случаях. Даже если и не поймут, одно лишь подозрение о регулярных визитах из космоса произведет катастрофический эффект. Головы покатаются во многих ведомствах, пострадают и высокие чины, и мелкие. Волна паранойи не минует инквизицию, и положение Аны станет чрезвычайно опасным. Несомненно, прошлое и настоящее всякого высокопоставленного лица подвергнется тщательнейшей проверке. И тогда, несмотря на все предосторожности, может раскрыться истинное лицо инквизитора Виллемье.

Скрытность отлета с планеты требовала медленного набора скорости, но, когда вышли за атмосферу и предельную досягаемость радаров, двигатели шаттла развили ускорение в три *g*. Пассажиров вдавило в кресла. Хоури потянуло в сон, и она с легкой досадой поняла: в салон накачивается замаскированный приятной отдушкой снотворный газ.

Спала она крепко, без снов. А пробудилась все с тем же ощущением легкой досады.

И вдалеке от Ресургеи.

– Надолго ты меня отключила? – спросила она у равнодушно курящей Вольевой.

– Почти на сутки. Надеюсь, ты запаслась надежным алиби. Оно очень пригодится по возвращении.

– Я сообщила, что отправляюсь в глухомань на встречу с глубоко законспирированным агентом. Не беспокойся: я уже давным-давно обеспечила себе такое алиби.

Шаттл двигался по инерции. Ана расстегнула зажимы кресла, зашарила рукой, пытаясь почесать ягодицу.

– Там, куда направляемся, есть шанс принять душ?

– Трудно сказать. Зависит от того, куда именно направляемся.

– У меня жуткое подозрение, что в месте нашего назначения я уже побывала.

Илиа раздавила окурок, включила передний обзор – нос корабля стал прозрачным. Шаттл находился в глубоком космосе, еще в плоскости эклиптики, как минимум в нескольких световых минутах от каких-либо небесных тел, – но звезды впереди заслоняло обширное темное пятно.

– Вот она, наша старая добрая «Ностальгия по бесконечности». Практически не изменилась, пока ты отсутствовала.

– Спасибо. А еще что-нибудь ободряющее можешь сообщить?

– Когда проверяла в последний раз, душевые не работали.

– А когда ты проверяла в последний раз?

Илиа цокнула языком и скомандовала:

– Пристегивайся, будем стыковаться.

Шаттл понесся к темной бесформенной массе субсветовика. Инквизитор вспомнила, как впервые подлетала к «Ностальгии по бесконечности». Тогда она попала на борт, не подозревая, что ее ждет. Ану Хоури просто обманули. А корабль снаружи выглядел вполне нормальным, как и полагается выглядеть умеренно старому крупному торговому субсветовику. Тогда не было ни загадочных выростов, ни башенок, ни острых, на кинжалы похожих зубьев – лишь местами изношенная обшивка, кое-где с выступами и нишами механизмов: датчиков, антенн, шлюзов и портов. Ничто во внешности корабля не будило подозрений, не выдавало ненормальности. Тогда поверхность не покрывали акры чешуйчатой структуры, похожей на ящеричью кожу, и пласты засохшей, растрескавшейся грязи. Ничто не предсказывало биомеханического буйства, пожравшего все под обшивкой и вырвавшегося в конце концов наружу.

Теперь «Ностальгия по бесконечности» вовсе не походила на то, к чему применимо слово «корабль». Если уж уподоблять ее чему-либо, то ближайшая ассоциация – свихнувшийся дворец из волшебной сказки, некогда чудесное собрание шпилей, башен и обелисков, изуродованное гнуснейшим колдовством. Хотя основные элементы конструкции субсветовика еще различались: главный корпус, два далеко выступающих пилона с двигателями, каждый с ангар для большегрузных дирижаблей. Но эти черты почти скрыла неистовая поросль, чудовищная опухоль. Нынешний вид корабля был результатом нескольких противоборствующих тенденций, отчасти умиряемых системами ремонта и перепланировки. Как будто над кораблем потрудился безумный гений, давший полную волю своему дерзкому, дикому мастерству, восхищавшему и ужасавшему одновременно. Среди поросли вились спирали, словно раковины аммонитов, слоистые, ветвистые, сплетающиеся в узлы образования с текстурой как у древесины, зубцы, перемычки, сети, леса тончайших игл, нарывоподобные массы слипшихся, сросшихся кристаллов. Местами одни и те же конструкции повторялись во все меньших размерах, образуя фракталы, вплоть до не различимых невооруженным глазом. Причуды структур и текстур распространялись по всей размерной шкале, от километров до нанометров. Если долго вглядываться, то в изувеченной оболочке корабля появятся гротескно искаженные лица. Если смотреть и дальше, увидишь карикатуру на собственное лицо.

– М-да, – заключила Ана Хоури, – пока меня не было, эта гребаная хреновина уж точно не исправилась.

Вольева ухмыльнулась под капюшоном.

– Вот теперь я точно слышу не инквизитора, а старую подружку Ану.

- Да неужто?.. Жаль, что по возвращении приходится видеть этот смердящий кошмар.
- Это еще цветочки, – весело заявила Вольева. – Вот внутри – там самые ягодки.

Чтобы подобраться к шлюзу ангара, шаттл протиснулся сквозь дыру со сморщенными краями, похожую на глазницу трупа. Но сам ангар внутри порадовал прямоугольностью, и причальная механика, лишенная наносистем, осталась на месте, она распознавалась и даже работала. В ангаре содержалась целая эскадра для внутрисистемных перевозок, от тупоносых вакуумных буксиров до вместительных шаттлов.

Причалили. В этой части корабля не было искусственной гравитации, поэтому пришлось цепляться за поручни. Ана охотно пропустила Вольеву вперед. Обе женщины несли фонари и аварийные кислородные маски. Свою Ане захотелось надеть немедленно. Воздух на корабле был застоялым, сырым, теплым, полным гниlostной вони – будто вдыхаешь желудочные газы.

Ана прикрыла нос рукавом, стараясь совладать с тошнотой.

– Илия...

– Привыкнешь, это безвредно, – сообщила та, копаясь в кармане. – Сигарету?

– Ты когда-нибудь слышала, чтобы я согласилась взять эту мерзкую едкую дрянь?

– Все когда-нибудь случается впервые.

Хоури подождала, пока Илия зажжет для нее сигарету, взяла, осторожно затянулась. Гадость – но существенно лучше корабельного воздуха.

– Конечно, привычка дурная, – заметила Вольева улыбаясь. – Но дурные времена требуют таких же привычек. Полегчало?

Хоури кивнула, впрочем без особой уверенности.

На стенах кишкоподобных коридоров блестела корабельная слизь и выросты кристаллов обманчиво правильной формы. Хоури брезгливо отряхнула комбинезон затянутой в перчатку рукой. Иногда прежнее обличье корабля узнавалось: вентиляционная шахта, дверь в переборке, панель управления. Но обычно и эти знакомые элементы выглядели полурасплавленными, вдавленными в стену, сюрреалистично искаженными. Прежде твердые поверхности стали фрактальным мхом, с торчащими бесформенными, размытыми выступами. Свет фонарей странно преломлялся на разноцветной слизи, образуя тошнотворные узоры. В воздухе плыли амебоподобные сгустки, иногда по течению воздуха, а иногда, казалось, и против.

Сквозь скрежещущие люки женщины прошли во вращающуюся часть корабля. Хоури обрадовалась, войдя в отсек с искусственным тяготением, но радость была кратковременной. Теперь слизи было куда стекать. Она капала с потолка и стекала по стенам, обрушивалась водопадиками, скапливалась на полу, прежде чем уйти в канализационное отверстие. От слизи росли сталактиты и сталагмиты – желтые, ядовито-зеленые клыки от пола и потолка. Хоури изо всех сил старалась не касаться этих смердящих изваяний, но задача была не из легких. А Вольева не страдала подобной брезгливостью. Пара минут, и ее куртка оказалась в пятнах и кляксах разнообразных корабельных выделений.

– Расслабься, – посоветовала Вольева, заметив сконфуженность товарки. – Все безопасно. Ничто на корабле нам не повредит. Кстати, э-э... ты удалила свои стрелковые имплантаты?

– Тебе бы следовало помнить. Ты же их и вынимала.

– Ну, убедиться лишний раз не вредно.

– Тебе просто нравится издеваться.

– Используя доступные развлечения. Это помогает, особенно в период острого экзистенциального кризиса...

Вольева швырнула окуроч в темноту и вынула новую сигарету.

Дальше шли в тишине. Наконец очутились у шахты главного лифта, пронизывающего весь корабль вдоль, словно лифт небоскреба. Конечно, когда субсветовик не ускорился, вблизи

его оси продвигаться было несложно. Но от носа до кормы – четыре километра, потому имело смысл использовать лифт в полной мере. К большому удивлению Хоури, кабину ждать не пришлось. Ана ступила за Вольевой внутрь не без опаски, но кабина оказалась вполне нормальной и разогналась плавно.

– Значит, лифты еще работают? – спросила Ана.

– Это же важнейшие корабельные системы. Не забывай, у меня есть средства сдерживать эпидемию. Они небезупречные, но я, по крайней мере, могу не подпускать вирус к тому, что хочу видеть в относительной целостности и сохранности. Да и сам капитан иногда соглашается помочь. Кажется, трансформации корабля происходят не совсем без его участия.

Наконец-то Вольева упомянула капитана. До сих пор Ана цеплялась за обрывки надежды. Может, ужас, случившийся с Бреннигеном, – просто дурной сон, кошмар, перепутавшийся в памяти с реальностью? Но это не сон. Капитан остался жив, он даже живее прежнего.

– Как насчет двигателей?

– Насколько я знаю, они вполне исправны. Но контролирует их капитан.

– Ты с ним разговариваешь?

– Кажется, слово «разговаривать» здесь не совсем уместно. Я с ним общаюсь... Хотя и это слово можно употреблять с большой натяжкой.

Кабину повело – она перемещалась от шахты к шахте. Их стволы были большей частью прозрачными, но за стенами проносились либо заполненные техникой рабочие ярусы, либо монолит корпусного материала. Иногда за стеклом мелькали сумрачные залы, слишком обширные, чтобы разглядеть содержимое в падающем из кабины свете. В пяти огромнейших залах могли разместиться целые земные соборы. Ана вспомнила об отсеке, служившем тайным складом Вольевой при первом визите. В том помещении содержалось сорок древних чудовищ. Теперь осталось меньше, но хватит, чтобы достичь желаемого. Конечно, против ингибиторов и они могут оказаться бесполезными. Но чтобы проверить, необходимо убедить капитана.

– Вы с ним уладили разногласия? – спросила Хоури.

– Думаю, то, что он не убил нас, хотя имел такую возможность, говорит само за себя.

– И он не злится за то, что ты с ним учинила?

– А что я с ним учинила? – В голосе Вольевой впервые зазвучало раздражение. – Ана, с ним я учинила великую милость. Я попросту... в общем, закрепила положение вещей и прописала лекарство.

– Которое еще горше болезни.

Вольева пожала плечами:

– Он умирал. А я ему дала новый смысл жизни.

Хоури охнула, увидев проносящийся мимо уровень, полный слившихся уродливых конструкций.

– Если это можно назвать жизнью...

– Мой тебе совет, – Вольева придвинулась, зашептала на ухо. – Вполне возможно, он слышит наш разговор. Ты это имей в виду, поняла? Ну и молодец.

Если бы кто-нибудь другой вздумал заговорить так с Анной Хоури, через пару секунд с воплем схватился бы за вывихнутую конечность. Но с Вольевой лучше было пропускать подобное мимо ушей.

– А где он сам? На том же уровне?

– Зависит от того, что ты имеешь в виду под «он». Можно сказать, что эпицентр на прежнем месте. Но теперь разделять капитана и корабль нет особого смысла.

– Так где же он теперь? Повсюду, вокруг?

– Да. Всевидящий. Всезнающий.

– Илия, мне это не нравится.

– Быть может, тебя утешит то, что ему это не нравится тоже.

После многих задержек, смещений и отклонений кабина привезла их наконец в рубку «Ностальгии по бесконечности». К немалому облегчению Хоури, общения с капитаном пока не предвиделось.

Рубка осталась почти такой же, какой Ана запомнила ее. Этот отсек был изуродован – к чему сама Хоури приложила руку – еще до воцарения капитана. Она даже ощутила легкую геростратову гордость, увидев проделанные ее оружием дыры. Вспомнился бунт на орбите нейтронной звезды Гадес, на краю системы Дельта Павлина.

Все тогда балансировало на краю пропасти, но Ана и Илия выжили – и Ана сочла это величайшей победой. Однако явились черные машины, и победа обернулась поражением. Скорее всего, поражение было неминуемо еще до первых выстрелов. Но все же две женщины выиграли немного времени. И теперь следовало этим временем правильно распорядиться.

Хоури села в кресло, обращенное к обзорной сфере. Со времен мятежа ее починили, и теперь она показывала Ресургом в реальном времени. В системе имелось одиннадцать крупных планет. Экран также демонстрировал их спутники, наибольшие астероиды и кометы – все потенциально важное. Отображал их координаты и векторы скорости. Наложенные на изображение бледные конусы показывали области глубинного сканирования, доступные датчикам корабля, с учетом поправки на конечность скорости света. Вольева отправила на разные орбиты несколько спутников слежения, чтобы закрыть слепые пятна субсветовика и увеличить плечо интерферометра для дальних измерений – но спутники использовала осторожно, лишь при крайней надобности.

– Готова к уроку новейшей истории? – спросила Вольева.

– Ты же знаешь, я всегда готова. Но лучше бы наша маленькая экскурсия того стоила. По возвращении в Кювье мне придется ответить на пару неприятных вопросов.

– После того, что ты сейчас увидишь, они вряд ли покажутся неприятными. И уж тем более важными.

Илия велела дисплею показать одну из лун второго по величине газового гиганта системы.

– Там разбили лагерь ингибиторы? – спросила Ана.

– Там и еще на паре планет сравнимого размера. Повсюду занимаются одним и тем же.

Вокруг спутника роились темные силуэты. Сбивались в кучи, разлетались стаями испуганных ворон. Вот в мгновение ока сели на поверхность, образовав отчетливо единую конструкцию. Воспроизведение было ускорено – часы, очевидно, спрессовались в секунды. Черные машины мгновенно трансформировались, захлестывали поверхность быстрыми волнами. Дальнейшее увеличение показало: основа структуры – черные кубы самых разных размеров. Огромные лазеры отводили сопутствующее трансформации тепло в пространство. На местности громоздились нелепых очертаний горы черных кубов, чужие машины застилали поверхность, снизив ее отражательную способность до такой степени, что лишь в инфракрасном диапазоне и можно было рассмотреть детали происходящего.

– Что они делают? – спросила Ана.

– Я тоже сначала не поняла. Смотри дальше.

Промелькнули две недели, прежде чем прояснился смысл. На экваторе выстроились на равных расстояниях друг от друга исполинские машины наподобие толстых вулканических конусов, выдававшихся в космическое пространство на процент диаметра спутника. Внезапно они извергли колоссальные пыльные фонтаны скальной породы – раскаленной, но не расплавленной. Она полетела над спутником, выходя на орбиту.

Другая группа машин, до того не заметная, уже обращавшаяся по орбите, принялась обрабатывать пыль и обломки, собирая, охлаждая и спрессовывая их. За ней образовывалось

аккуратное кольцо, тщательно упакованные гигатонны вещества. Позади миногами сновали машины поменьше, заглатывая избранные участки и подвергая дальнейшей переработке.

– Что происходит?

– Похоже, машины разбирают луну.

– Это я уже поняла. Но, кажется, способ разборки они выбрали крайне трудоемкий. Наши боеголовки, предназначенные для пробоя литосферы, справились бы в два счета.

– И притом испаряют и расшвыривают по системе половину лунной массы. Думаю, ингибиторам это как раз ни к чему. Им нужно как можно больше обработанной и упорядоченной материи. Одной луны не хватает – они разбирают целых три. Конечно, часть материи не сумеют перегнать в твердое состояние, по крайней мере без какой-нибудь монструозной алхимии, но, по моим скромным оценкам, они заполучат этак десять в двадцатой степени тонн сырого твердого материала.

– Немаленькая куча щебня.

– Да. Напрашивается вопрос: на кой черт им это надо?

– Кажется, у тебя уже есть теория на этот счет.

Илиа Вольева улыбнулась:

– Пока только предположения. Разборка луны еще продолжается, но кажется ясным, что материал они хотят использовать для постройки. И знаешь что? Я очень подозреваю, что они не облагодетельствовать нас собираются, а совсем даже наоборот.

– Полагаешь, оружие?

– Увы-увы, к старости я делаюсь предсказуемой. Да, боюсь, речь идет об оружии. Но каком – даже предположить страшно. Несомненно, если бы они хотели уничтожить Ресургом с налета, уже разнесли бы в пух и прах. Для этого аккуратно разбирать спутник не нужно.

– Видать, у них на уме кое-что другое.

– Это уж точно.

– Илиа, мы можем помешать им. И должны. У нас есть мощное оружие, почти весь клад сочленителей. Даже сейчас мы могли бы сильно осложнить им работу.

Вольева отключила дисплей.

– Пока они, кажется, не подозревают о существовании «Ностальгии». Мы попали в радиус их детектирования только вблизи Гадеса. Хочешь выдать нашу позицию, используя сочленительское оружие?

– Будь это нашим последним крупным шансом, почему бы нет... Думаю, в такой ситуации и ты не возражала бы.

– Я просто хочу сказать: если мы применим оружие, назад пути не будет. Ты это уясни крепко-накрепко.

Вольева помолчала немного, затем добавила:

– Есть еще одно немаловажное обстоятельство.

– Какое же?

– Мы управлять оружием не можем. Оно под контролем капитана. Без его помощи мы бессильны. А капитана еще нужно уговорить.

Конечно же, сами себя черные машины не называли ингибиторами. Они никогда не видели необходимости в самоназвании. Просто существовали ради задачи невероятной важности, обеспечивали самое возможное разумной жизни. Ингибиторы не надеялись, что их поймут, не ожидали сочувствия, поэтому любое имя либо намерение оправдать свою деятельность казалось им избыточным. Тем не менее они смутно сознавали, что им дали название после колоссальных зачисток, после истребления разумных рас, после Войны Рассвета. Название не кануло в Лету, оно передавалось со слухами, с легендами, с призывами на помощь от одной

разумной расы к другой. Все они были уничтожены, стерты с лица Галактики. Ингибиторы – те, кто уничтожает обладающие сознанием расы.

Управляющий разум отметил с сожалением, что название является подходящим.

Трудно сказать, когда именно началась работа ингибиторов. Война Рассвета стала первой масштабной катастрофой в истории обитаемой Галактики, столкновением миллионов развившихся культур – первых, освоивших межзвездные перелеты, игроков дебюта разумной жизни.

По большому счету, Война Рассвета произошла из-за стремления обладать единственным необходимым для всех ресурсом.

Это была война из-за металла.

Ана вернулась на Ресургом.

Само собой, пришлось отвечать на вопросы.

Ответила с максимальным равнодушием, какое смогла изобразить. Была в глухомани, встречалась с агентом, давшим чрезвычайно важные сведения. Открылся новый след, возможно ведущий прямо к триумвиру. Очень свежий и многообещающий. Чтобы доказать весомость находок, инквизитор Виллемье подняла закрытые прежде дела и распорядилась доставить давних подозреваемых в Дом инквизиции для новых допросов.

А женщине по имени Ана Хоури было тошно. Столько мерзости придется сотворить для сохранения статус-кво. Брать в оборот невинных, да так, чтобы поверили в угрозу жизни или, по крайней мере, в свободу. Подлость от начала до конца. Когда-то Ана старалась подсластить пилюлю, запугивала и мучила лишь тех, кто подозревался в других преступлениях – таких личностей немало обнаружилось при изучении выкраденных архивов других департаментов и отделов. Это помогло на время усыпить совесть. Но теперь и такой прием казался грязным.

А ситуация ухудшалась. На самом верху появились сомнения в эффективности инквизиции. Требовалось срочно продемонстрировать успехи, жесткость, даже жестокость. В Кювье должен распространиться слух о том, на какие крайности готова пойти инквизиция. Ради прикрытия Виллемье пострадают люди.

Конечно, всегда оставалось главное утешение: эта работа во благо Ресургема и его населения. Несколько запуганных, замученных – небольшая плата за спасение целого мира.

Ана стояла у окна кабинета и смотрела на улицу. Там «клиента», прошедшего допрос, заталкивали в серую округлую коробку электромобиля. Охранники привели его, шатающегося и спотыкающегося, с мешком на голове, со связанными за спиной руками. Электромобиль, пропетляв по городу, к сумеркам достигнет жилых кварталов, и жертву сбросят в придорожную канаву в нескольких кварталах от дома.

Перед этим бедолагу развяжут, но наверняка он еще несколько минут не встанет. Будет лежать, пытаясь отдышаться, не в силах поверить, что остался на свободе. Может, его обнаружат друзья, возвращающиеся с фабрики или направляющиеся в бар. Сперва не узнают, ведь от побоев лицо распухло и говорить несчастному трудно. А когда узнают, помогут добраться домой, опасливо осматриваясь – а вдруг агенты правительства топчутся поблизости?

А возможно, человек сам кое-как встанет на ноги и, глядя из-под распухших, окровавленных век, сумеет как-то отыскать дорогу домой. Жена, перепуганная еще сильнее его, испытает такую же смесь облегчения и ужаса, какую ощутил избитый, очнувшись. Супруги обнимутся, несмотря на боль в ранах. Потом жена осмотрит их и очистит. Переломов не будет, хотя, чтобы убедиться в этом, понадобится основательное обследование в больнице. Человек подумает, что ему попросту повезло. Наверное, избивавшие агенты устали за целый день допросов.

Поздней, возможно, он приковыляет в бар – встретиться с друзьями. За выпивкой в укромном углу бедняга покажет синяки и кровоподтеки. И разнесется слух о том, что наградили ими в Доме инквизиции. Друзья спросят, как же так случилось, как он навлек подозрение

в пособничестве триумвиру. А он рассмеется и ответит: инквизиция вовсе слетела с катушек. Хватает любого, кого заподозрит в создании помех расследованиям. Достаточно малейшего, туманнейшего подозрения. Паранойя достигла такого градуса, что любое административное нарушение могут посчитать актом пособничества триумвиру.

Хоури проводила взглядом набирающий скорость электромобиль. Подумала, что уже едва помнит допрошенного. Все они, запуганные, трясущиеся мужчины и женщины, быстро становились на одно лицо – одна невнятная маска смертельного ужаса. Завтра привезут новые жертвы.

Ана посмотрела вверх, на небо цвета кровоподтека. Представила, что сейчас делается за пределами атмосферы Ресургема. Не более чем в паре световых часов отсюда огромная, неумолимая машинерия пришельцев перемалывает три планеты в тончайшую металлическую пыль. Неторопливо, обстоятельно, не обращая внимания на совершаемое людьми, в своем особенном темпе. Словно могильщики на кладбище.

Хоури вспомнила, что узнала об ингибиторах, после того как внедрилась в команду Илия Вольевой. На заре времен Галактику сотрясала война, вовлекшая многочисленные культуры и расы. В послевоенном запустении одна-единственная раса – либо конгломерат рас – пришла к решению: разумная жизнь не должна распространяться. Выжившие создали стаи черных машин, чьим назначением было ждать появления разумной жизни, освоившей межзвездные перелеты. По Галактике были рассыпаны ловушки, привлекательные необычные объекты, приманка для любопытных. Ловушки сообщали ингибиторам о появлении новой расы, а заодно и описывали, каким образом та приступила к изучению загадочного объекта; эти сведения помогали оценить мышление потенциальных жертв и выбрать способ зачистки.

Ловушки оценивали степень технологического развития и делали прогноз о том, как новая поросль будет противодействовать ингибиторам. Правда, Хоури не поняла сама и не получила ни от кого объяснений, отчего же ингибиторы всегда соизмеряли усилия по зачистке со свойствами новой культуры. Черные машины не стремились полностью уничтожить жизнь в Галактике либо в какой-либо ее области. Казалось, в безжалостной работе ингибиторов есть некий, пока недоступный смысл. Возможно, человек даже не способен найти его и постичь.

Все же черные машины были небезупречны. Они все хуже справлялись с работой. Ухудшение это обнаруживалось лишь по прошествии миллионов лет. Большинство разумных видов столько не могло прожить, и перед жертвами всегда представала лишь безжалостно-эффективная машина смерти. Наблюдать упадок ингибиторов можно было, лишь сравнивая частные различия в истории истребления культур за очень долгое время. Финальный результат оставался прежним, но методы становились все менее действенными, и откликались черные машины на сигнал о появлении новой расы все медленней. Постепенно всплывал глубинный, до того не сказывавшийся дефект в конструкции ингибиторов. Уже появлялись культуры, сумевшие проникнуть в межзвездное пространство и далеко распространиться, прежде чем ингибиторы выслеживали и уничтожали их. Чистки становились все грубее, больше походили на бессмысленную тотальную бойню, а не на хирургическое вмешательство.

Случай с амарантийцами, жившими на Ресургеме за миллион лет до людей, – одна из тактических неудач ингибиторов. Зачистка растянулась надолго, позволив отдельным группам амарантийцев скрыться в убежищах. Последним актом зачистки стало полное уничтожение биосферы Ресургема. Ингибиторы спровоцировали колоссальную вспышку на Дельте Павлина. Звезда вскоре вернулась к нормальному состоянию, но жизнь на Ресургеме возобновилась лишь с приходом людей.

Сделав дело, ингибиторы канули в межзвездную стужу. Прошло девятьсот девяносто тысяч лет.

Затем явились люди, привлеченные загадкой исчезнувшей расы амарантийцев. Привел людей Силвест, амбициозный отпрыск богатого семейства из Йеллоустона. Когда Вольева,

Хоури и «Ностальгия по бесконечности» прибыли к Дельте Павлина, Силвест активно продвигал свой план исследования нейтронной звезды на окраине системы, убежденный, что Гадес имеет отношение к гибели амарантийцев. Он сумел привлечь команду «Ностальгии» на свою сторону, использовал сочленительское оружие, чтобы проломиться сквозь многослойную защиту искусственного объекта величиной с Луну, обращавшегося вокруг нейтронной звезды.

Объект называли Цербером.

Силвест оказался целиком и полностью прав насчет амарантийцев. Ради доказательства своей правоты он вошел в ловушку ингибиторов. Проникнув в недра Цербера, Силвест погиб в мощном аннигиляционном взрыве.

Но в то же время он обрел иное существование. Хоури знала об этом, поскольку встречалась и разговаривала с этим человеком после его «смерти». Насколько она смогла понять, Силвест с женой продолжили существовать как бестелесные личности в коре нейтронной звезды. Гадес оказался одним из убежищ, созданных амарантийцами, которые искали спасения от ингибиторов. Гадес был частью чего-то неизмеримо более древнего, чем амарантийцы и ингибиторы, огромным хранилищем данных и процессором. Амарантийцы лишь нашли проход в него, как позднее это удалось и Силвесту.

Помимо этого Ана почти ничего не знала о Гадесе и судьбе Силвеста. Да и не хотела знать.

В обычной человеческой жизни она встречалась с Силвестом лишь однажды. С тех пор минуло шестьдесят с лишним лет. Вольева потратила это время на осторожное внедрение своего агента в общество, боявшееся и ненавидевшее ее. А Хоури позволила себе забыть, что Силвест в определенном смысле жив, запечатленный в вычислительной матрице Гадеса. В те редкие моменты, когда она все же размышляла о Силвесте, неизменно спрашивала себя, задумался ли тот хоть на секунду о последствиях своих действий. Избавили ли его знания об ингибиторах от тщеславных мечтаний, от самомнения и высокомерия? Вряд ли. Не был он похож на человека, привыкшего задумываться о последствиях. Да и в любом случае время в матрице Гадеса течет гораздо быстрее обычного. По субъективному ощущению Силвеста, прошли уже века со времени его поспешных поступков. Для него натравливание ингибиторов на человечество может выглядеть давней детской шалостью. В нейтронной звезде ему ничто не угрожает. Уж о ком, а о нем беспокоиться точно не стоит.

Чего не скажешь об оставшихся вне матрицы. Из шестидесяти с лишним лет, прошедших с той поры, двадцать Илия и Ана провели не в анабиозе. Внедрение было делом долгим и непростым, оно требовало неусыпного внимания. И каждый день из этих двадцати лет Ана думала о неминуемом пришествии ингибиторов.

Теперь, по крайней мере, страхи обрели реальность. Черные машины явились. То, чего Хоури боялась, началось.

Однако машины не учинили быструю зачистку. Вместо этого они занялись изготовлением чего-то исполинского, потребовавшего материю трех планет. Пока еще работа ингибиторов не заметна с Ресургема, ее не видит даже система сканеров, предназначенных для обнаружения чужих кораблей. Но вряд ли блаженное неведение продлится долго. Рано или поздно люди поймут: в небе происходит нечто странное.

И тогда, скорее всего, воцарится хаос.

Но вполне возможно, к тому времени происходящее на Ресургеме уже не будет иметь никакого значения.

Глава 10

Ксавьер увидел, как от разноцветного транспортного потока в главном входном фарватере Нового Копенгагена отделилось судно. Он опустил на глаза биноклярные очки, поискал, фокусируясь. Изображение увеличилось, стабилизировалось – вот он, медленно вращающийся контур «Буревестника», похожего на раздувшегося иглобрюха. Судно разворачивалось. Буксир «Таурус» еще висел, прицепившись к корпусу, будто паразит, торопящийся дососать жертву.

Ксавьер моргнул, требуя большего увеличения. Изображение заколыхалось, вспухло, стало четким.

– Господи, что же ты сделала с кораблем?

С любимым «Буревестником» и в самом деле произошло жуткое. Целые куски выдраны напроочь; обшивка выглядит так, будто в последний раз ее ремонтировали еще до эпидемии, а не пару месяцев назад. Интересно, куда Антуанетта залезла? Неужто за Завесу Ласкаля? А может, сцепилась всерьез с бригадой баньши?

– Ксавьер, судно не твое. Я просто плачу тебе за ремонт и осмотр. Разбить его или сохранить – это мне решать.

– Ох ты черт... – Ксавьер забыл, что канал связи до сих пор открыт. – Я не хотел...

– Ксав, с нашей птичкой еще хуже, чем можно судить по ее внешности, ты уж мне поверь.

Спасательный буксир отсоединился в последнюю минуту, выписал ненужный сложный пируэт и помчался домой, на другую сторону «карусели». Ксавьер прикинул, во сколько обойдется использование буксира. Уже не важно, кому придется оплачивать счет, ему самому или Антуанетте. Дела настолько связаны, что практически фирма одна. Это будет очень болезненный удар по кошельку. И кредит доверия почти исчерпан. Придется год вкалывать как минимум, чтобы восстановить репутацию и ресурсы.

Но ведь могло быть и хуже. Гораздо хуже. Еще три дня назад он и не надеялся снова увидеть Антуанетту. М-да, но как же быстро радость сменилась обычными тоскливыми страхами перед банкротством. И вышвыривание того грузовика ничуть не поправило финансовые дела...

Ксавьер ухмыльнулся. Черт побери, оно того стоило!

Когда Антуанетта послала запрос о заходе в док, Ксавьер облачился в скафандр, вышел на поверхность «карусели» и взял напрокат реактивный космоцикл, похожий на металлический скелет. Пронесся пятнадцать километров, оставшихся до «Буревестника», облетел вокруг, убеждаясь: да, изуродована птичка еще хуже, чем показалось сначала. Конечно, в утиль ее рано списывать, все можно отремонтировать – но денег на то уйдет немало.

Он развернулся, полетел вперед, завис перед носом. На темном корпусе выделялись два ярких узких пятна – окна рубок. Антуанетта находилась в верхней – тоненький силуэт за окном. Верхняя рубка использовалась только для швартовки, требовавшей точных маневров. Одну клавиатуру Антуанетта зажала под мышкой, свободной рукой потянулась вверх, к переключателям. Казалась она такой маленькой, беспомощной, что злость испарилась мгновенно. Ксавьер укорил себя: вместо того чтобы переживать из-за ущерба, радовался бы! Антуанетта жива, «Буревестник» ее уберег.

– Не так уж все и страшно, – сообщил он. – Повреждения поверхностные, исправим в два счета. У тебя двигатели еще тянут, сможешь пришвартоваться сама?

– Только покажи куда.

Он кивнул и заложил крутой вираж на космоцикле, уносясь прочь.

– Иди за мной!

Под ногами разрослась громада «карусели». Ксавьер вел «Буревестник» вдоль нее, тормозя, пока не уравнил скорость с его вращением. Глухо рокоча нутром, космоцикл повис на

стационарной псевдоорбите. За спиной остался конгломерат меньших доков, ремонтных верфей, сияющих золотистым и синим, пестрящих вспышками сварки. Над головой пронесся ракетный поезд, идущий вдоль «карусели». Наконец космоцикл и седока накрыла тень «Буревестника». Ксавьер оглянулся. Грузовик, хоть и выглядел огромным неуклюжим айсбергом, шел точно и ровно.

Проскользнул сверху, снизился, пролетел над полусферической выемкой в «карусели», известной как «Кратер Лайла» – его оставила допотопная ракета на реактивной тяге. Ее владелец, закоренелый контрабандист, врезался в «карусель», пытаясь удрать от полиции. «Кратер» был единственным повреждением, которое Новый Копенгаген получил в ходе войны. Ремонт не составил бы труда, но как аттракцион для туристов пробоина давала куда больше денег, чем невредимый участок «карусели». Со всего Ржавого Пояса являлись зеваки поглазеть на место катастрофы и послушать рассказы о смерти и героизме. Ксавьер подметил очередную группку охотников до жути, выведенных на поверхность экскурсоводом. Вся компания была подстрахована шнурами, подвешенными к сети тросов у края «Кратера». Ксавьер знал лично несколько жертв столкновения, а потому искренне презирал туристов.

Док Ксавьера лежал за «Кратером». По величине он был вторым на «карусели», и все же казалось, «Буревестник» там не поместится, хоть его корпус и лишился части надстроек и многих акров обшивки.

Громада судна остановилась относительно «карусели», повернулась носом вниз. Сквозь клубы пара и газов, вырывающихся из вентиляции «карусели», и выхлопов маневровых двигателей грузовика Ксавьер увидел координатную сетку красных лазерных лучей, покрывшую «Буревестник»; лазеры считывали его координаты и скорость с точностью до ангстрема. Все еще выдавая тягу в половину g маневровым приводом, судно начало входить в док. Ксавьер застыл, борясь с желанием закрыть глаза, – зрелище было жуткое.

Грузовик перемещался теперь со скоростью не более четырех-пяти сантиметров в секунду. Ксавьер дождался, когда нос скроется из виду, а снаружи останется три четверти корабля, затем двинулся вдоль корпуса вперед. Опустился на полку у стены дока, слез с космоцикла и приказал ему вернуться на место парковки. Посмотрел, как скелетообразная конструкция умчалась в космос.

Финал швартовки был самым неприятным зрелищем, и Ксавьер все-таки закрыл глаза. Открыл, когда услышал грохот стыковочных захватов, дошедший через подошвы. За «Буревестником» закрылись ворота шлюза. Похоже, кораблю суждено задержаться здесь надолго. Стоит, пожалуй, наполнить док воздухом, чтобы обезьяны-ремонтники могли работать без скафандров. Но это решится позже.

Ксавьер удостоверился, что коридор герметично состыкован со шлюзом «Буревестника», подрегулировал контакт вручную. Затем направился к доковому шлюзу. Торопился, поэтому снял лишь перчатки и шлем. Сердце колотилось в груди, будто сорвавшийся с рамы насос.

Он специально выбрал шлюз, ближайший к летной палубе. В конце коридора мигали сигналы – заработал шлюз с другой стороны.

Антуанетта спешила навстречу.

Ксавьер уложил перчатки и шлем на пол. Побежал – поначалу медленно, но разгоняясь во всю мочь. Лепестковый люк шлюза раскрывался с невыносимой медлительностью, конденсат валил густым белым облаком. Коридор словно растянулся впереди, самое время растянулось, словно в дрянной мелодраме, где любовники все никак не подбегут друг к другу.

Наконец люк открылся. Среди пара показалась Антуанетта, в скафандре, но со шлемом под мышкой. Коротко остриженные светлые волосы растрепаны, грязны и засалены, лицо изжелта-бледное, мешки под усталыми глазами с сеточкой кровавых прожилок. Даже оттуда, где стоял Ксавьер, ощущалось: Антуанетта не мылась, должно быть, не одну неделю.

Да наплевать! Все-таки она красивая и выглядит чудесно. Он кинулся навстречу. Скафандры грохнули друг о дружку. Ксавьер ухитрился поцеловать ее.

- Рад, что ты добралась!
- А уж я как рада...
- Сделала?
- Да. У меня получилось!

Он замолчал, не желая принижать неуместными словами то, что ей удалось совершить. Понимал, как важно для нее было исполнить задуманное. Торжество успеха нельзя омрачить случайной глупостью.

- Я тобой горжусь! – выдавил он.
- Черт возьми, я сама собой горжусь!
- Наверное, без трудностей не обошлось?
- Если вкратце, то пришлось нырять в атмосферу немножко быстрее, чем предполагала.
- Зомби?
- И зомби, и пауки.
- Ничего себе, оказалась меж двух огней! Как же ты сумела отделаться от пауков?

Антуанетта вздохнула:

– Долгая история. И не совсем понятная. Я до сих пор не разобралась в том, что произошло у газового гиганта.

- Расскажешь?
- Расскажу. Но сперва поедим.
- Поедим?
- Угу. – Она ухмыльнулась, показав давно не чищенные зубы. – Ксав, я ужасно голодная.

И напиться хочу. Очень. Тебя кто-нибудь когда-нибудь перепивал? Так, чтобы ты под столом валялся?

Ксавьер Лиу напряг память:

- Хм, никто не перепивал, пожалуй. И никогда я не валялся.
- Ну, так не упusti такую возможность!

Они разделись, вымылись, занялись любовью, час лежали рядом, вымылись снова, оделись – Антуанетта натянула свой лучший, сливового оттенка жакет, – пошли в ресторан, наелись до отвала и напились вдрызг. Антуанетта наслаждалась каждой минутой. До чего же здорово снова быть чистой – по-настоящему, не кое-как соскребая с кожи грязь на борту покалеченного судна. Невыразимо приятно опять почувствовать силу тяжести, пусть искусственную и только в половину *g*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.